

НА ГРАНИ АНАРХИИ

СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #4»

КАЙЛА СТОУН

Какие границы вы готовы переступить, чтобы уберечь своих близких?

Через три недели после отключения электричества в стране воцарился хаос. Запасы продовольствия иссякли. Топливо на исходе. А мрачная, жестокая зима неумолима.

В Фолл-Крике установился шаткий мир, но цена за безопасность оказалась выше, чем некоторые готовы заплатить. Город подобен пороховой бочке, которая вот-вот взорвется.

Ханна наконец-то добралась до дома. Но он оказался совсем не таким, как она ожидала...

Когда страна погружается во тьму, обычные люди переживают конец света, каждый по-своему. Общество рушится на глазах, и героям придется рискнуть всем, чтобы защитить свой дом и людей, которых они любят.

Не пропустите новую историю из захватывающей серии о выживании «На грани краха» от автора бестселлеров *USA Today* Кайлы Стоун!

Кайла Стоун

На грани анархии

Серия: На грани краха-4

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Heksany

*Прошлое не мертво. Оно даже не прошлое.
Уильям Фолкнер*

Глава 1

Квинн

День двадцатый

Шестнадцатилетняя Квинн Райли часто представляла себе конец света. Но она никогда не думала, что он будет таким. Гораздо меньше зомби и гораздо больше страданий.

По сути, конец света полный отстой.

Квинн и Майло топали по глубокому снегу, их ботинки хрустели и скрипели в тишине. Раздавался щебет редких птиц. Зябкий воздух проникал под воротник ее куртки и жалил щеки.

По крайней мере, снег больше не шел.

Бесконечные вьюги и метели наконец-то стихли. Но небо оставалось унылым и серым, и надвигались новые тучи. Скоро снова пойдет снег.

Мерзость. Квинн ненавидела зиму. Ненавидела всеми фибрами своей души.

Если она когда-нибудь вырвется отсюда, то направится напрямик во Флориду и никогда не вернется. Они наверняка могли провести весь апокалипсис на пляже, сидя в гамаках, потягивая май-тай и греясь под теплым, ярким, прекрасным солнцем.

Квинн уже успела забыть, как вообще должно выглядеть солнце.

— Дальше! — сказал Майло. — Эта песня скучная.

— «Free Fallin» Тома Петти? Что? Это классика.

Он покачал головой.

— Слишком романтично-о.

— Неважно. Ты явно не ценишь великую музыку.

— Песни о любви скучны и глупы.

Они конечно глупы, но она так же, как и другие девушки любила заунывные, тоскливые любовные баллады.

— Ну тогда, может быть, это ты глупый.

— Невежливо так говорить!

Она пожала плечами.

— Заметь, не я это сказала.

Майло высунул язык. Она показала свой в ответ.

Квинн стянула зубами перчатки и нажала на следующую песню в списке воспроизведения древнего айпода, который дедушка создал для нее перед смертью. Они уже послушали *Queen*, *Led Zeppelin*, немного *Fleetwood Mac*. Дедушкины вкусы склонялись к классике. Как и предпочтения Квинн.

Она сунула айпод обратно в карман и натянула перчатку. За эти двадцать секунд ее рука словно застыла.

В наушниках, вставленных в уши Майло, зазвучала песня Ареты Франклин «Respect». Квинн не могла ее слышать, но легко представляла веселый, энергичный ритм. Натягивать короткий шнур между ними во время ходьбы слишком неудобно. Они чередовались. Она слушала одну песню, потом он.

Батарейка быстро разрядилась. Без дурацкого солнца она не могла использовать солнечное зарядное устройство, которое дедушка хранил в самодельной клетке Фарадея в секретном тайнике в подвале.

Майло закатил глаза, но при этом ухмылялся. Он покачивал головой в такт.

— Я знаю эту песню, — сказал он слишком громко, перекрикивая музыку в ушах. — И папа говорит, что у меня отличный вкус. Он говорит, что я такой же, как мама.

У Квинн защемило в груди. Как она могла спорить с этим? Она же не совсем бессердечная.

— Ладно, ты выиграл. Но дальше я буду ставить «A Little Less Conversation». Ты не жил, пока не танцевал на снегу под Элвиса.

Майло сморщил нос.

— Как насчет *U2*? «I still haven't Found What I'm Looking For»?

— Вот это песня, которая мне по душе...

Приглушенный крик эхом разнесся по хрустящему воздуху.

Квинн рывком подняла голову. Она замерла, ее сердце ударилось о ребра. В голове промелькнуло видение церкви — падающие тела, летящие пули, крики и ужас.

Она схватила руку Майло.

Он сжал ее в ответ.

— Что это было?

Страх сковал Квинн. Она огляделась вокруг, вывернув шею, напрягая уши в поисках угрозы.

Куда бы она ни посмотрела, везде лежали широкие просторы белого снега. Сугробы намело до пояса, до головы.

Большие причудливые дома с круговыми подъездными дорогами и гаражами на три машины. Большинство из них представляли собой экстравагантные бревенчатые домики и замысловатые шале, но некоторые выглядели как коттеджи на озере.

За домами справа от нее виднелась река, мелькавшая между стволами голых деревьев.

Самодостаточная община «Винтер Хейвен» располагалась вдоль самой широкой части реки Фолл-Крик. Община имела форму большого овала, а по обе стороны от главной дороги, как жилки на листе, торчали небольшие тупики.

Крик раздался снова. Громче и злее.

Крошечные волоски поднялись на ее шее.

— Кого-то достали, — прокомментировал Майло.

— Не говори «достали». Твой отец подумает, что ты узнал это слово от меня.

— Я и правда узнал его от тебя.

— Тссс. Ты говоришь слишком громко. — Она повернулась, чтобы посмотреть назад.

Мужчина четыремя домами ниже поставил лестницу на террасу и балансировал на вершине, пытаясь метлой смести снег с солнечных батарей на крыше. Этот идиот выглядел так, будто вот-вот опрокинется назад.

Но он не кричал. Это точно не он.

— Наверное, ничего страшного, — сказала она, чтобы убедить себя так же, как и Майло.

— Наверное, какой-то идиот случайно ударил себя собственной лопатой для снега или что-то в этом роде.

За последний час мимо проехало несколько снегоходов — патрульных ополченцев. Квинн и Майло не видели никого на улице, кроме нескольких человек, разгребающих огромные кучи снега со своих подъездных дорожек, словно они прокладывали туннель к свободе.

Большую часть последних семи дней все жители Фолл-Крика провели в своих домах. Ноа Шеридан, группа полицейских и других добровольцев помогали всем откопать их дома, предлагали первую помощь и еду тем, кто в ней нуждался.

Ополченцы тоже помогали. Они вели себя так, словно стали героями, хотя на самом деле ничего подобного не было.

Еще один крик.

Майло указал.

— Звук доносится из-за поворота. Пошли проверим.

Она боролась с иррациональным всплеском паники, сохраняя голос легким и непринужденным.

— Конечно, Мелкий.

Квинн приказала себе успокоиться. Сказала себе, что ничего не происходит. Ей не нравилось, что она стала такой нервной. Даже падение ветки заставляло ее сердце бешено колотиться.

Как глупо. Это заставляло ее чувствовать себя дурочкой. Жертвой, а не выжившей.

Майло потянул ее вперед. Она шла за ним, ее глупое сердце все еще колотилось, во рту пересохло.

Крики становились все громче. К ним присоединились другие голоса.

Что-то определенно происходило.

Не говоря ни слова, Майло снял наушники и протянул ей. Она положила их в карман и выключила айпод, чтобы сберечь батарею.

Майло бросился вперед.

— Держись рядом, Мелкий.

Она поспешила за ним, и они вместе пробирались по снегу, вздымая белые облака при каждом вдохе, пока огибали поворот.

Перед ними возвышался трехэтажный белый дом с массивными окнами и большим крыльцом. Квинн и Майло остановились примерно в двадцати ярдах от него.

Дверь в дом стояла широко распахнутой. Нижние ступеньки крыльца утопали в снегу. На верхней ступеньке стоял Дэррил Виггинс, брюзгливый, с кислым лицом управляющий

банком «Комьюнити Траст» и важный член городского совета.

Только он не совсем стоял.

Двое мужчин находились по обе стороны от него, схватив его за руки. Они вытащили его из дома и теперь тащили через крыльцо. Виггинс извивался, брыкался и ругался, но не мог освободиться.

Мужчины добрались до последней ступеньки и бесцеремонно сбросили Виггинса с лестницы. Он рухнул на снег в обморочном состоянии.

Мужчина и две женщины ждали во дворе. На них были рюкзаки, а за спиной они тащили санки, нагруженные сумками, чемоданами и ящиками.

Один из мужчин, все еще стоявших на крыльце, вытирал руки о дорогое шерстяное пальто. Он был высоким, бледным и худым, как бобовое зернышко. Его длинное, узкое лицо исказилось в угрюмой гримасе.

Квинн узнала его. Это был мистер Блэр — придурок, который целую жизнь назад пытался украсть воду у мамы с двумя детьми в бакалее «Френдли». Какой сюрприз.

Виггинс барахтался в снегу, размахивая руками.

— Вы не можете этого делать! Это противозаконно! Вы воруете!

— Как вы украли этот дом у Маркелов, законных владельцев? — спросил мистер Блэр, в его голосе звучала презрение.

— У вас нет никаких прав!

Мистер Блэр ткнул пальцем в Виггинса.

— У нас есть все права. Все остальные берут все, что хотят — включая вас. Никто не заслуживает этого места больше, чем мы. Мы устали от того, что нас игнорируют и оставляют замерзать до смерти. Вот так. Общество рушится, мир катиться под откос, и я не собираюсь сидеть и терпеть это. Я не позволю своей семье голодать, пока вы наслаждаетесь жизнью, которую не заработали и не заслужили. Мы возьмем все в свои руки.

— С этой минуты ты бездомный, — с ухмылкой сказал второй мужчина. Это был невысокий, пухлый латиноамериканец в комбинезоне, с сальными волосами и покрытой пятнами кожей. Он работал на заправке в городе, но Квинн не знала его имени.

Из открытой входной двери вышла женщина, неся большую корзину с одеждой, туалетными принадлежностями и другими предметами, которые Квинн не смогла определить.

Длинные каштановые волосы миссис Блэр выглядели всклокоченными и неухоженными, щеки исхудали. В ней едва можно было узнать чопорного, строго одетого адвоката, какой она запомнилась Квинн.

Она высыпала содержимое корзины на снег. Рубашки, брюки и боксеры разлетелись вокруг Дэррила Виггинса. На его голову упал носок.

— Что они делают? — громко прошептал Майло.

— Захватывают дом того человека.

— Это неправильно.

— Проблема в том, что у этого человека есть дом только потому, что суперинтендант отдала его ему. Это не его имущество.

— Я не понимаю, — проворчал Майло.

— Это сложно. — Квинн нахмурилась. — И глупо. Все кругом глупцы.

— Это твой ответ на все.

— Да, ну, похоже, в наши дни он подходит ко всему, верно?

С ревом возмущения Виггинс поднялся на ноги. На нем не было ботинок. Ни пальто, ни шапки, ни перчаток. Он наверняка замерз.

Он бросился вперед, продолжая ругаться и кричать. Проваливаясь по колено в снег, он пробирался к дому.

Вынужденный поднимать ноги почти комично высоко, он, пошатываясь, поднялся по ступенькам крыльца.

Мистер Блэр просто стоял и смеялся над ним. Возможно, он не ожидал, что пятидесятилетний банкир способен нанести сильный удар.

Он недооценил своего противника. Виггинс рассвирепел. Ярость и отчаяние — плохая комбинация.

С диким рычанием он бросился на Блэра. Опустив голову, Виггинс ударил его головой в живот.

Блэр зарычал и попятился назад. Он споткнулся о ножку заснеженного кресла-качалки и упал на задницу.

— Эй! — Комбинезон замахнулся на Виггинса и ударил его по лицу. Его голова дернулась назад. Кровь хлынула из носа. Виггинс повернулся и ударил в ответ.

Женщина уронила корзину и тоже бросилась на Виггинса.

— Оставь моего мужа в покое!

Блэр с трудом поднялся на ноги и присоединился к драке. Четверо взрослых пинали, колотили и ругались друг на друга. Трое из них повалили Виггинса на крыльцо. Они продолжали пинать его, крича и ругаясь в сдерживаемом гневе.

Квинн уже не видела Виггинса сквозь винтовые столбы крыльца, ноги и кулаки, бьющие по его телу.

— Нам надо уходить, Мелкий, — негромко сказала она. — Пусть эти тупоголовые сами разбираются...

Грохот двигателя расколол воздух.

С противоположной стороны к ним с ревом мчался снегоход. Второй присоединился к первому.

Мужчина и женщина с санями, нагруженными товаром, отпрыгнули назад. Они оттолкнули сани с дороги как раз в тот момент, когда снегоходы остановились перед белым домом.

Двое мужчин сняли шлемы и спустились на землю. Они были одеты в серые маскировочные костюмы, куртки и черные ботинки, с автоматами АК-47 за плечами. Они выглядели грозно и устрашающе.

Квинн напряглась от страха.

Прибыло ополчение.

Глава 2

Квинн

День двенадцатый

Гнев захлестнул Квинн. Она стиснула зубы и крепче сжала руку Майло. Она узнала обоих ополченцев: Себастьяна Десото и Джеймса Лютера.

Эти два придурка обокрали бабушку. Квинн пришлось стоять и смотреть, как они забирают половину всего, что у нее есть — во всяком случае, все, что, как они думали, у нее есть.

К счастью, у бабушки и дедушки имелся тайник, спрятанный в подвале.

У бабушки осталось достаточно еды и припасов, чтобы продержаться несколько лет. Это не уменьшило ненависти Квинн к ополченцам и всему, за что они выступали.

Чем скорее они уедут, тем лучше.

Квинн хотела, чтобы они убралась. Она хотела сражаться с ними, если это потребуется. Бабушка говорила ей быть осторожной, смотреть в оба и быть бдительной. И, прежде всего, не делать глупостей.

Квинн старалась изо всех сил. Она по натуре была нетерпеливой и импульсивной. Она хотела действовать, делать хоть что-то.

В кои-то веки она послушала бабушку, но быстро теряла остатки терпения.

Десото поднялся по ступенькам крыльца. Он занимал должность второго помощника Саттера. Латиноамериканец лет сорока, сложенный как танк, с военной стрижкой и жестким, плоским лицом.

Лютер взял в руки свой АК-47 и последовал за ним. Белый мужчина, стройный, не мускулистый. Квинн помнила о нем только то, что он был вежливым вором, как будто манеры делали их вооруженное ограбление приятней. От этого она ненавидела его еще больше.

Два самозванных солдата быстро оценили обстановку. Они отстегнули свои автоматы, сняли их с предохранителей и прицелились в дерущихся гражданских.

Десото не колебался. Он не произнес речь, не попросил сказать последнее слово и даже не дал им шанса защититься.

Он рывком поднял мужчину в комбинезоне на ноги и ударил его о перила крыльца. Сделав шаг назад, он поднял АК-47 и направил дуло ему в грудь.

В голове Квинн пронеслись воспоминания: Октавия Райли стоит на коленях перед ступенями здания суда, ее собираются казнить. Маггиас Саттер, стоящий перед ее матерью, с пистолетом, направленным ей в лоб.

Противная кислота обожгла горло Квинн. От ужаса ее затошнило. Она знала, что произойдет дальше. Она уже видела это раньше.

Она едва успела схватить Майло за ворот куртки, развернуть его и прижать лицом к своему животу.

Чтобы он не мог видеть. Чтобы он не увидел.

Десото нажал на спусковой крючок. Он дважды выстрелил в грудь мужчины.

Выстрелы разорвали воздух. Звук ударил по барабанным перепонкам Квинн.

Майло зажал уши ладонями. Стая птиц, сидевших на телефонном проводе, взлетела в небо, испуганно хлопая крыльями и бешено каркая.

Сила выстрела отбросила тело назад, на перила крыльца. С того места, где находилась Квинн, она не могла разглядеть, как он упал. Он мог бы спокойно приземлиться на облако, и это не имело бы значения. Две массивные пули, пробившие его грудь, означали, что мужчина умер сразу после падения.

Она ошеломленно смотрела на происходящее. Все произошло так быстро, что ее мозг едва успел это осмыслить.

Десото схватил Блэра и рывком поднял его на ноги. Блэр отчаянно защищался. Его рот был открыт.

Он что-то кричал, но Квинн не могла разобрать слов. В ушах все еще звенело.

Три быстрых взрыва последовали за первыми двумя. Блэр упал назад и прижался к

перилам. Он слабо схватился за грудь и в шоке уставился на три новые дыры в своем безупречном шерстяном пальто.

В нескольких футах от него на крыльце скорчилась миссис Блэр, закрыв голову руками и рыдая.

Мужчина и женщина с санями уже бежали по центру дороги. Они оставили свои сани и миссис Блэр позади.

Негодование сжигало страх Квинн. В каких бы преступлениях ни были виновны эти люди, они не заслуживали смерти. Только не так, когда эти маньяки выступают в роли судьи, присяжных и палача.

Это несправедливо. Она знала это.

Квинн жаждала остановить их, сделать хоть что-то, но уже слишком поздно. Она не могла противостоять их оружию.

В этот раз она сдержалась. Бабушка права. Им нужно дождаться подходящего момента, чтобы действовать. И уж точно не сейчас. Ей и Майло следует поскорее убираться отсюда.

— Майло, — прошептала она. — Нам нужно уходить. Нам нужно уходить, пока они не увидели нас...

Миссис Блэр упала над безжизненным телом своего мужа.

Десото нацелил на нее свой автомат.

— Неужели ты тоже хочешь умереть?

Миссис Блэр закричала.

Майло оттолкнулся от Квинн. А она была слишком ошеломлена, чтобы его удержать.

Он побежал к белому дому, к убийцам, маскирующимся под ополченцев.

— Майло! Нет! — Она кинулась к нему, но он оказался вне досягаемости.

— Оставьте их в покое! — закричал Майло. — Прекратите причинять боль людям!

Десото на крыльце повернулся в их сторону. Дуло его оружия покачивалось вместе с ним.

Не думая ни о чем связном, Квинн помчался за Майло. Ноги пульсировали, легкие горели, паника разгоралась яркими искрами.

Она запустила руку в карман, отбросив в сторону айпод и свернутые наушники, и обхватила рогатку.

Лютер подхватил миссис Блэр под мышки и потащил ее вниз по ступенькам крыльца. Он толкнул ее в снег. Она упала на четвереньки.

— Беги! — крикнул он. — Беги!

Миссис Блэр вскочила на ноги. Она побежала по подъездной дорожке, беспорядочно размахивая руками, спотыкаясь на снегу, падая и снова поднимаясь.

Квинн не отрывала взгляда от Десото. Он спускался по ступенькам крыльца, низко держа автомат, не совсем нацеленный на Майло, но и не направленный в сторону от него.

— Майло! — закричала Квинн.

Храбрый, бесстрашный Майло сделал вид, что даже не заметил оружия. Он побежал прямо на липового солдата и ударил его в живот своими маленькими кулачками.

— Уходите! Оставьте нас в покое и уходите!

Свободной рукой Десото оттолкнул Майло от себя. Сильно.

— Убирайся отсюда!

Майло чуть не потерял равновесие. Он споткнулся, потом встал на ноги и снова бросился на Десото.

Квинн остановилась в десяти футах от него.

— Не смейте его трогать!

Десото проигнорировал ее. Он откинул автомат. Схватил Майло за тонкую шею обеими руками и поднял его с земли.

Ярость бурлила в жилах Квинн. Дрожащими руками она вытащила из кармана рогатку и несколько патронов. Она уперлась ногами в землю.

Лицо Майло покраснело. Он слабо бил по мускулистым рукам Десото.

Десото оскалился.

— Я предупреждал тебя, маленький...

Квинн установила защиту на запястье, положила стальной шарик в чехол и притянула ленту к щеке, чуть ниже правого глаза.

Она наклонила рамку горизонтально, совместив прицел с уродливым плоским лицом Десото.

Она не просчитывала последствия. Не думала ни о чем, кроме как попасть в цель. Угол не соответствовал прямому попаданию в глаз. Она слегка опустила прицел, нацелилась на новую точку.

Кто-то кричал. Она не слышала их, не понимала слов. Звук улетучился. Все исчезло.

Все, кроме ее ярости, ненависти и абсолютной сосредоточенности.

Квинн выдохнула и отпустила ленту.

Четвертьдюймовый стальной шар полетел с огромной скоростью, проносясь по воздуху со скоростью несколько сотен футов в секунду.

На расстоянии двадцати футов Квинн не промахнулась. Она никогда не промахивалась.

Она выстрелила Себастьяну Десото в горло.

Стальной шар ударил его ниже и чуть правее адамова яблока. Это была не пуля. Мощности не хватило, чтобы пробить кожу, но все же могло нанести вред. И это, конечно, причинило бы ему боль.

Десото вздрогнул. Его глаза округлились. Он открыл рот, но из него не вырвалось ни звука.

Он отпустил Майло. Мелкий упал на снег, обмякнув.

Десото поднес руки к шее. Неприятная фиолетовая выпуклость увеличилась до размеров шара.

— Что ты со мной сделала? — хрипло прорычал он. Слова выходили рваными, словно его горло натерли наждачной бумагой.

Квинн уже зарядила еще один патрон, и лента прижалась к ее щеке. Она дрожала от напряжения, но руки оставались твердыми.

— Твой голосовой аппарат сильно поврежден, — сказала она со спокойствием, которого не чувствовала. Ее сердце гулко колотилось о ребра. — К сожалению, ничего не сломано.

Майло вскочил на ноги. Он стоял между Десото и Квинн, взволнованный и нерешительный. Теперь он выглядел испуганным. Хорошо. Немного страха никому не повредит.

— Майло, — велела Квинн, — встань позади меня, быстро.

Он повиновался. Без оглядки он бросился к ней.

— Я убью тебя! — прорычал Десото. Он бросился к АК-47, схватил его и начал приближаться к ней.

Она крепче сжала рогатку и прицелилась.

— Сделай еще шаг, и следующий снаряд пронзит твою глазницу.

Десото остановился. Теперь до него оставалось восемь футов. Он поднял автомат и направил его ей в грудь.

Ноги Квинн ослабли и затряслись. Она едва могла стоять прямо.

Она не отступила. Она не могла себе этого позволить.

— Если тебе повезет, — продолжала Квинн, — то глаз просто превратится в желе и на этом все закончится. Если нет, то шар пробьет твой мозг. Это всего лишь маленький стальной шарик, но внутри твоего мягкого, хлюпающего мозга? Кто знает, какие важные функции он нарушит? Я полагаю, тебе нравится разговаривать и думать? Помнить свое имя? Самостоятельно мочиться?

Десото прицелился ей в голову.

— Нет, если я не пристрелю тебя раньше, маленькая шляха...

— Хватит! — Лютер появился из ниоткуда. Он встал между Десото и Квинн. Поднял свободную руку ладонью вверх в успокаивающем жесте. В правой руке он держал автомат, направленный на землю. — Сбавь обороты, ладно? Это сын шефа Шеридана.

Выражение лица Десото не изменилось.

— Какое отношение начальник полиции имеет к нам?

— Да ладно тебе, — пробурчал Лютер. — Синклер вряд ли это понравится. Мы с тобой оба это знаем. А то, что не нравится суперинтенданту, не нравится Саттеру.

Десото усмехнулся.

— Пока.

— Пока, — признал Лютер. — Ты же не хочешь навредить этим детям. Мы сделали достаточно. Хватит.

Десото разочарованно выдохнул. Он опустил АК-47. Его взгляд не отрывался от лица Квинн. Его глаза сузились от едва сдерживаемой ярости. С каждым вдохом на его горле вздувалась шишка.

— Это еще не конец.

Квинн не отвернулась. Она не опустила рогатку.

Майло выглянул из-за ее спины.

— Иди к черту!

— Следи за языком, Мелкий, — сказала она.

— Он заслужил это!

— Тут с тобой не поспоришь.

Излишне преувеличенными движениями Десото поставил автомат на предохранитель и закрепил его на перевязи. Бросив последний прощальный взгляд, он повернулся к ним спиной и зашагал через двор к ожидающим его снегоходам, перешагивая через тела, словно они не более чем мусор.

— Ты только что убил двух человек! — воскликнул Виггинс.

Квинн почти про него забыла.

Десото усмехнулся.

— И?

Виггинс заметно сглотнул. Он поднял руку и потрогал фиолетовый синяк, который почти закрыл его правый глаз. Его лицо распухло и было в крови. Одежда разорвана и испачкана брызгами крови. Он прижимал одну руку к груди. Возможно, она вывихнута или

сломана.

— Ты должен благодарить нас, — хрипло заявил Десото. — Мы только что спасли твою жизнь. И твой дом. — Он произнес «твой» как будто в кавычках, с издевкой.

Виггинс отчетливо услышал это.

— Спасибо, — заикаясь, произнес он.

— Не за что, — тихо сказал Лютер. Он смотрел на тело мистера Блэра, на красный цвет, впитавшийся в шерстяное пальто мужчины, как краска.

Виггинс схватился за перила крыльца, чтобы устоять на ногах.

— Что мне делать с телами? Как мне убрать эту кровь с крыльца?

— Оставь их там, чтобы напугать следующих воришек. Впрочем, какая нам разница? — Десото сел на первый снегоход. Он покачал головой в отвращении. — Мы что, должны делать все за тебя? Ты хочешь, чтобы мы подтирали твою ленивую задницу в следующий раз?

— Нет.

— Нет, что?

— Нет... сэр.

Выражение лица Десото не изменилось, оно напоминало гранитную плиту. Он помассировал горло.

— Так-то лучше.

Лютер сел на второй снегоход. Он перекинул автомат через плечо и поднял шлем.

— Десото, закрой уже свою пасть. Разговоры вредны для твоего горла. Поехали к тому медбрату в приюте, пусть тебя подлечат.

— Этот город того не стоит, — прохрипел Десото. — Я даже не знаю, зачем мы это делаем.

Лютер не ответил. Он оглянулся на Квинн. Что-то промелькнуло в его лице — раскаяние, может быть, сожаление. Как и в тот день в доме бабушки. Это только разозлило ее еще больше.

— Чего ты ждешь? — спросила она. — Ты слышал Майло. Убирайся отсюда! И раз уж об этом зашла речь, убирайтесь к черту из нашего города тоже!

— Не надо заблуждаться, — презрительно скривил губы Десото, в его глазах вспыхнула ненависть. — Этот город не ваш. Фолл-Крик принадлежит нам.

Глава 3

Пайк

День двенадцатый

Гэвин Пайк замер на месте. После семи долгих дней он наконец-то нашел то, что искал. Холодный стылый воздух леденил его щеки и нос. Каждый вдох обжигал горло и легкие. Небо было уныло-серым, затянутым тучами. Яркое солнце, отражаясь от массивных снежных завалов, больно било по глазам.

Хорошо хоть снегопад закончился. А он уехал из этого душного, давящего дома подальше от невыносимой семьи.

Они приняли его в свой дом, но это не значит, что он должен их за это любить.

Ежечасно он фантазировал о том, как ломает им пальцы, один за другим. Щелк, щелк, щелк.

В невероятном проявлении самоконтроля он сдержал себя. Он гордился своей

дисциплиной.

В конце концов, чем голоднее ты, тем вкуснее еда.

Только одна сигарета с гвоздикой, которую он позволял себе в день, сохраняла его рассудок. Это и цель, которую он всегда держал в голове: найти Ханну, покончить с солдатом и собакой, забрать ребенка.

Три дня назад метель наконец-то утихла. Снежные сугробы наметало выше окон и засыпало заглохшие машины. С рассвета до заката Пайк каждый день прочесывал город.

Он посетил каждый дом, из трубы которого шел дым. Десять домов. Двадцать.

Его маскировка была превосходной. Даже, сверх того. Он держался вежливо. Показывал свой значок офицера запаса. Горожане открывали перед ним свои двери. Они охотно помогали.

Он знал, что его добыча совсем рядом. Хотя от Уотервлиета до окрестностей Фолл-Крика не больше двадцати миль, далеко они бы не ушли.

В такой холод Ханна и ее солдат не выжили бы без камина. В такой снегопад ни один автомобиль не смог бы выбраться отсюда.

Они все еще здесь. Он чувствовал это. Он это знал.

Ханна принадлежала ему. Ее ребенок тоже принадлежал ему.

Он в конце концов решил, что делать со своим потомством. Убив девушку, он вернется в Фолл-Крик с ребенком. Он подарит его своей матери. Когда придет время, он научит его жить в этом мире. Как охотиться. Кого убивать.

Какая ирония, какой смысл. Ему нравилась поэзия этого решения.

Дверь за дверью, его встречали услужливые, но растерянные взгляды, сожалеющие покачивания головой.

Он не сдавался. Он не двинулся дальше, к более зеленым пастбищам. Каждый вечер он возвращался к семейству и позволял им подавать ему еду и предоставлять кров.

Они хотели, чтобы он ушел, он чувствовал это, но были слишком вежливы, чтобы попросить.

Ему плевать на их желания. Он рассчитывал на их щедрость, пока она не иссякнет, и лишь потом под дулом пистолета он заберет то, что у них осталось.

Стоит сломать несколько костей в руке этого маленького мальчика, и их отношение к нему изменится с фантастической быстротой.

Он изображал из себя более больного, чем был на самом деле. Рана от укуса проклятой собаки, полученная им в библиотеке Бранча, почти зажила. Ушибы и синяки, полученные в результате аварии и падения на лед, быстро проходили, а переохлаждение перестало его беспокоить.

Каждое утро он просыпался здоровее, чем накануне. Злее. Решительнее.

Он продолжал искать. Тридцать домов. Пятьдесят.

Пайк не сдавался. Он никогда не сдастся.

Вчера вечером, когда стемнело и тени протянулись по снегу, как когти, его настойчивость наконец-то была вознаграждена. Сосед в нескольких кварталах к западу заметил большую белую собаку, резвившуюся в снегу на другой стороне улицы.

В тот вечер не удалось проследить за следами — было слишком темно.

Сегодня наступил новый день. Прекрасный, блестящий день.

Теперь Пайк снова нашел то, что искал. Он улыбнулся.

На снегу виднелся идеальный набор отпечатков лап. Слишком большие, чтобы

принадлежать какой-либо другой собаке, кроме той, которую он искал.

Той, которая приведет его прямо к Ханне Шеридан.

Глава 4

Ханна

День двадцатый

Ханна Шеридан чувствовала себя другим человеком.

За последние три недели она так сильно изменилась, что едва узнавала себя. Ее кожа казалась тесной и слишком облегающей. Как будто ее кости имели неправильную форму.

А может быть, они были правильной формы, и ей просто нужно вжиться в свою новую сущность, приспособиться, как она училась приспособливаться ко всему остальному.

Она стояла перед зеркалом в ванной комнате наверху дома, в котором родила девять дней назад. Фонарик давал достаточно света, чтобы видеть. В доме установлена септическая система, поэтому ведро, наполненное водой, стоявшее рядом с ванной, позволяло спускать воду в туалете.

Ее маленькая дочь спала внизу. Лиам тоже находился там — ворчливый, замкнутый солдат, который не раз спасал ей жизнь. А еще он стал человеком, о котором она заботилась. Он стал для нее очень важным.

Она потрогала свой дряблый живот. Он уже почти сдулся, но все еще казался мягким. Наконец-то тело снова стало ее собственным.

Ее сознание изменилось. Кошмары становились реже. Ужасные воспоминания о ее плене исчезали перед чередой более ярких и счастливых воспоминаний.

Ханна становилась смелее, меньше боялась. Она больше не трусила.

Она избавлялась от старой Ханны, чтобы освободить место для чего-то нового.

Она перекинула косу через плечо и сняла завязки. Распутав пряди, распустила длинные волосы до поясницы. Они были густыми, волнистыми и шоколадно-коричневыми, но с секущимися концами.

Вчера вечером она помыла их. У них еще оставалась вода в водонагревателе. Лиам использовал подающий шланг стиральной машины для подключения к вентилю водонагревателя и слил воду в несколько кастрюль, пару пустых кувшинов и их бутылки с водой.

Он также собрал воду из задней части бачков унитазов в трех ваннных комнатах. Поскольку она была чистой и не подвергалась химической обработке, ее можно пить. В пустом доме она замерзла, и Лиам выбивал лед кусками.

Он согрел воду и наполнил ей раковину.

Так приятно ощущать себя чистой. Ее зудевшая жирная кожа головы сейчас была свежeweымыта и приятно пощипывала.

Предыдущие жильцы оставили свой шампунь и кондиционер. Спрей для волос и гель для волос тоже. Она взяла спрей для волос, встряхнула баллончик и поставила его на место.

Ханна представила, что некоторым людям сейчас отчаянно не хватает их обычных туалетных принадлежностей — косметики, краски для волос и любимых средств для укладки.

Она обходилась без них пять лет. Теперь эти вещи ей стали не нужны.

Может быть, позже. Может быть, когда она вернется домой.

Ханна взяла большие ножницы, которые нашла в шкафчике под раковиной. Прошло

пять лет с тех пор, как она стригла волосы. Пайк не разрешал ей пользоваться такой опасной вещью, как ножницы.

Медленно, методично она отрезала первые пряди. Ханна отстригала не только волосы. Для нее это были годы кошмаров, годы насилия, годы деградации, боли и ужаса.

Все те времена, когда он хватал ее за волосы и тащил на пол, исчезли. Все разы, когда он зверски дергал ее за голову — уши.

Она отрезала волосы, локон за локоном. Пряди вихрем падали в раковину. Ее волосы заполнили чашу, пока она не стала похожа на гнездо маленького животного.

Ханна продолжала стричь, пока волосы не стали довольно ровными. Ее новые, более короткие локоны рассыпались по плечам. Голове стало легче. Все стало легче.

Скоро она будет дома. Дома, в кругу семьи. С Майло.

Она не представляла, к чему вернется. Каким будет Ноа. Как они смогут воскресить свой распадающийся брак.

Что бы ни ждало ее в будущем, она будет готова к этому.

Новая Ханна Шеридан посмотрела в зеркало и улыбнулась.

Глава 5

Лиам

День двадцать первый

Дом, в котором укрылись Лиам и Ханна, находился на окраине города.

Он стоял в конце тупика, с запада его окружали деревья, а прямо за ним протекала река. Они не видели и не слышали ни людей, ни машин с тех пор, как пришли.

Это радовало, но Лиам Коулман не собирался терять бдительность. Он никогда не терял бдительности.

Пока Ханна физически восстанавливалась после родов, Лиам укреплял их оборону.

Он забаррикадировал фанеру, прибитую к раздвижным стеклянным дверям, диваном. С помощью клиньев из рюкзака он заблокировал двери и вырезал планки, чтобы заколотить окна. Даже если бы стекло разбилось, они бы не открылись.

Лиам почистил свое оружие и наточил нож. Он всегда держал тактический нож «Гербер» и кобуру с «Глоком» на теле, с готовым патроном в патроннике.

Он изучил карту и наметил оставшийся путь до Фолл-Крика, преодолеть который они смогут менее чем за день, если удастся раздобыть рабочий снегоход или грузовик со снегоочистителем. Он обыскал ближайшие дома — многие из них уже успели разграбить, — но не хотел отходить слишком далеко от Ханны.

Нашел валежник среди деревьев за домом и нарубил побольше дров. Он готовил завтрак, обед и ужин для Ханны, Призрака и себя, составляя оригинальные блюда из банок супов, бобов и коробок макарон в кладовой.

Призрак с удовольствием поглощал все подряд. В сущности, он просто мусорный бак на ножках.

Спина Лиама болела, когда он наклонялся над стойкой, чтобы помыть посуду. Он скучал по удобству посудомоечных машин. Мыть все вручную доставляло боль — в буквальном смысле слова.

Лиам всю жизнь готовился к любой угрозе, любой катастрофе, любой случайности. Он тренировался десятилетиями, становясь солдатом, воином, укрепляя и закаляя свое тело, пока оно не превратилось в гладкую, хорошо смазанную машину для убийства.

Но повреждение в виде раздробленного диска, полученное им во время службы в отряде «Дельта», продолжало преследовать его. За последние три недели он нагрузил свое тело больше и сильнее, чем за последние годы. Его позвоночник протестовал, но Лиам не обращал на это внимания. Но боль нельзя игнорировать вечно.

Он поморщился и потер ноющую поясницу мокрыми скользкими пальцами.

— Тебя беспокоит спина? — спросила Ханна.

Она стояла в дверном проеме между гостиной и кухней, наклонив голову, и закусив губу маленькими белыми зубами.

На ней были серые спортивные штаны и нежно-розовый свитер, который она нашла в одном из шкафов наверху. Они хорошо сидели на ней. Розовый цвет подчеркивал ее красоту.

Ханна выглядела здоровее. Но дело не только в этом.

Ее зеленые глаза сияли. Расчесанные, чистые шоколадно-коричневые волосы рассыпались по плечам.

Ханна подстриглась. Она выглядела... хорошо. Очень хорошо. Даже красиво.

Словно прочитав его мысли, она покраснела и застенчиво улыбнулась.

Он неловко прочистил горло.

— Все в порядке. Я в порядке.

Лиаму стало трудно смотреть на нее слишком долго. Это как смотреть на солнце. Теплое и манящее, но болезненное.

Ее присутствие что-то делало с ним, нервировало его, к чему он оказался не готов. Ханна угрожала пробудить в нем желание, которого он не заслуживал и никогда не мог иметь.

Он опустил взгляд и сосредоточился на посуде. Отмыв последнюю тарелку от талого снега и мыла, он дал ей отмокнуть во второй кастрюле с подогретой водой.

— Нам пора выдвигаться.

После того, как Ханна чуть не умерла при родах, он не решался подтолкнуть ее к поездке, хотя ему не терпелось поскорее уехать. К тому же он терпеть не мог сидеть взаперти день за днем. Но она и так уже вымоталась после пережитого испытания, не говоря уже обо всем, что было до этого.

Но Ханна быстро поправлялась. Вчера вечером она помогла ему приготовить кукурузный хлеб с медом, макароны и сыр с водой вместо молока и масла и консервированные персики на десерт.

Ее общество оказалось приятным. Более чем приятным. И еда тоже не вызывала опасений.

Если быть до конца честным с самим собой, возможно, он откладывал поездку. Три недели назад ему не терпелось доставить Ханну домой и избавиться от бремени ответственности.

Теперь же мысль о том, чтобы доставить ее мужу и в одиночестве отправиться на север в свою уединенную ферму, вызывала у Лиамы странное чувство тоски.

Ханна прикусила нижнюю губу и кивнула.

— Пора.

— Я все ищу снегоход, что-то, что может проехать по такому глубокому снегу. Сегодня я снова поеду на поиски. Если мы выедем завтра первым делом, то к обеду сможем быть в Фолл-Крике.

На ее лице промелькнула сложная смесь эмоций — предвкушение и радость

вперемешку с легким беспокойством. Вероятно, она волновалась по поводу воссоединения, беспокоилась о благополучии своей семьи после столь долгой разлуки.

Чувство вины укололо Лиам. Ей нужно вернуться домой к ним. Она заслуживала того, чтобы снова увидеть своего сына.

Ханна прочистила горло.

— Тебе нужно хорошо поесть перед выходом. Может, ты хочешь фетучине альфредо на завтрак? Думаю, в кладовке осталась банка соуса альфредо.

— Не уверен, что это часть полноценного завтрака.

— Не сомневаюсь, что да. Если пончики входят в завтрак, то не понимаю, как макароны могут не входить.

Ханна колебалась. Она потеряла поврежденную руку, затем пошла длинным путем вокруг кухонного острова, избегая двери в подвал, расположенной в дальнем конце комнаты.

Дверь в подвал находилась в небольшом коридоре, который разделял дверь в гараж и заднюю дверь, ведущую в небольшой внутренний дворик с уличной мебелью, покрытой снегом.

Лиам нахмурил брови, но ничего не сказал.

Всю неделю Ханна старательно избегала двери в подвал. Возможно, она будет избегать подвалов до конца жизни. Лиам понимал ее нежелание. Он ее не винил.

У него имелись свои демоны, от которых он предпочел бы уклониться, чем встретиться с ними лицом к лицу. Некоторые воспоминания слишком ужасны, чтобы переживать их снова и снова.

Они не произносили имя Пайка с тех пор, как Ханна рассказала ему, что чудовище сделало с ней и ее вторым ребенком. Одна мысль о Пайке наполняла его негодованием, ненавистью и отвращением.

Лиам жалел, что у него так и не появилось возможности прикончить Пайка самому, голыми руками.

В его душе зашевелилось легкое беспокойство. Он ненавидел тот факт, что не видел тела Пайка. И что он сам не выстрелил в его череп.

Лиам не любил ничего оставлять на волю случая. Дыра во льду преследовала его мысли, вторгалась в его кошмары. Поглощала его уверенность.

После того как они столкнули снегоход Пайка с моста, Лиам хотел спуститься с насыпи и охотиться за этим маньяком, пока не найдет его тело и не убедится на сто процентов в его смерти.

Презекламсия Ханны заставила его принять решение. Хотя это противоречило его подготовке и солдатскому инстинкту, Лиам не мог рисковать ее жизнью.

Его инстинкт защищать — спасти — оказался сильнее.

Покончив с посудой, Лиам вытер руки о полотенце, лежавшее рядом с раковиной, и направился к задней двери. Он отодвинул светонепроницаемые шторы, которые приклеил скотчем к окну, чтобы убедиться в безопасности и понаблюдать за Призраком.

Он не стал бы оставлять Ханну одну, если бы рядом не было пиреня, который ее бы охранял. Кроме того, он нашел в гараже свисток, который она теперь носила на шее под свитером.

Если у нее вдруг случится беда, она дунет в свисток, и Лиам прибежит. Он старался никогда не выходить за пределы досягаемости, хотя ему и нужно было это сделать, чтобы найти снегоход.

Он выглянул в узкое окно, инстинктивно осматривая лес и сканируя задний двор на предмет угрозы. Призрака он не увидел.

Последние несколько дней пес выходил на прогулку на несколько часов. Он всегда возвращался весь в снегу, грязи и колючках, усталый, но довольный.

Такая собака, как пиренейская, должна жить на улице. Призрак ненавидел сидеть взаперти так же, как и Лиам, но время на восстановление пошло ему на пользу. Его шерсть уже отрастала на том участке, который доктор Лауде выбрила, когда снимала отек мозга.

Как бы Лиам не хотел признавать это, но последние девять дней стали благом и для Ханна, и для Призрака. И, возможно, для Лиам тоже. Жизненно важная передышка от постоянного хаоса и угрозы смерти, постоянно наступающей им на пятки. Шанс перегруппироваться, исцелиться.

Ребенок проснулся с громким криком. Шарлотта Роуз спала в согретой огнем гостиной, устроившись в импровизированной люльке — ящике комода, набитом самыми мягкими простынями, которые они смогли найти.

Лиам разрезал еще одну пару простыней, чтобы сделать подгузники. Они только отчасти сгодились. Настоящие подгузники занимали важное место в списке необходимых вещей, наряду с салфетками, бутылочками, пустышками, присыпкой для попы и всем остальным, что полагалось ребенку.

Ханна поспешила в гостиную и вернулась через минуту с маленьким свертком на руках. Он смотрел на нее, безмятежную, сияющую и полную глубокой, беспричинной радости.

Радость не входила в число тех эмоций, с которыми Лиам имел большой опыт. Любовь тоже.

Если только не считать безответной любви, которая сопровождалась равной долей страданий и душевной боли.

Внезапно почувствовав себя неловко, он перебирал в уме, что бы такое сказать.

— Она так хорошо спит.

Ханна посмотрела вниз на малышку с мягкой улыбкой.

— Как и Майло.

Она протянула сверток Лиаму.

— Можешь ее подержать? Моя мама готовила альфредо с розмарином и чесноком. Наверняка здесь где-то в ящике есть розмарин.

Лиам легко взял ребенка, прижав маленького человечка к себе. Так было не всегда. Когда Ханна впервые попросила его подержать ее, он покраснел.

— Я не занимаюсь детьми, — пробормотал он тогда.

— А по мне, так это бред. — Ханна закатила глаза. — Сколько людей, кроме акушеров, могут сказать, что они помогли родиться человеку? Не многие.

Он не признался, что сделал это дважды. Лиам не сказал ей, как мысль о племяннике разрывала его сердце. Как смерть Джессы каждую ночь разыгрывалась в театре его сознания, ужасный фильм, который никогда не прекращался.

Он хотел, но не рассказал. Он не смог. Слова застряли у него во рту, как гвозди.

— Я бы сказала, что твой опыт уже превосходит уровень большинства самцов на планете, — заявила Ханна. — Вот, возьми ее. У тебя все получится.

Он сглотнул, собираясь снова протестовать, но каким-то образом сверток оказался в его руках, а Ханна уже удалялась, на ее лице появилась хитрая ухмылка.

— Видишь? — сказала Ханна. — Ты ей нравишься.

Сначала он держал ребенка неловко. Она была такой маленькой, такой хрупкой. Такая крошечная — просто дыхание, птичка в руке, почти ничего и все сразу.

Теперь он держал Шарлотту с большей легкостью, но с такой же заботой.

Она сморщила свое нежное личико и уставилась на него широкими светло-голубыми глазами, совсем не похожими на нефритово-зеленые глаза ее матери, но такими же прекрасными. На ней была маленькая серо-зеленая вязаная шапочка, которую он подарил ей в день ее рождения.

Лиам вспомнил хлюпающую пуповину, обмотанную вокруг ее шеи, страх, скрутивший его нутро, когда он судорожно разматывал ее, умоляя малышку дышать.

Он помнил первого ребенка, которого принимал. Как голова его племянника целиком поместилась в его руке, теплое маленькое тельце прижалось к его груди, прижалось к его шее.

Ничто не могло подготовить тебя к появлению на свет другой жизни. Никакое обучение или дисциплина не могут уберечь человека от того наплыва эмоций и чувства ответственности, которые Лиам испытывал каждый раз, когда смотрел на маленькую Шарлотту Роуз.

Она целиком и полностью принадлежала Ханне, но для него она стала чем-то большим. Лиам будет проклят, если позволит кому-либо прикоснуться к ней.

Что-то давно застывшее начало таять внутри него. Лиам не боролся с этим. Он больше не хотел с этим бороться.

Он сжал в объятиях ребенка Ханну и снова почувствовал эту яростную потребность защищать. И не только защищать. Нежность. Может быть, даже что-то более глубокое, более сильное.

Он взглянул на Ханну, на ее сияющее лицо, теплое, открытое и полное нежности. Это вызвало в нем что-то, что Лиам не хотел признавать, боялся признать, но все равно знал, что оно есть.

Может быть, именно из-за этого места, из-за этого дома, который казался каким-то оторванным от остального мира обязательств и влияния. В этот момент казалось, что они трое — единственные люди, оставшиеся в живых во всем этом чертовом мире.

— Ханна, — начал он, чувствуя себя невероятно глупо, но все равно продолжая идти вперед. — Мне нужно сказать тебе...

За задней дверью залаял Призрак.

Глава 6

Пайк

День двадцать первый

Пайк подкрался ближе. Спрятавшись за стволом большой сосны, он поднял бинокль, который раздобыл в одном из близлежащих домов, и стал наблюдать за домом.

В кармане куртки он носил ручной пулемет. Большинство пустующих домов уже обчистили, но он нашел пистолет «Смит и Вессон Шилд», спрятанный под матрасом.

Он вмещал семь патронов сорокового калибра в удлиненном магазине. Никаких резервных или запасных. Это не слишком много, но вполне достаточно.

В голове Пайка созрел план. Он нравился ему все больше и больше, чем дольше Пайк его обдумывал. Если он сможет выманить солдата, Ханна останется в доме одна.

Пайк извлек уроки из своих предыдущих ошибок. Преследовать Ханну до того, как

солдат будет устранен, не стоит.

Кроме того, он хотел не торопиться с ней. Ему нужно знать, что никто не придет ей на помощь.

Не в этот раз. Никогда больше.

От одной этой мысли у него забурлила кровь. Пайк достал зажигалку и прислушался к успокаивающему звуку щелк, щелк, щелк.

Одна из его любимых игр. Подпустить добычу поближе. Поставить ловушку и ждать, пока челюсти захлопнутся.

Риск все-таки присутствовал. Обычно Пайк не любил такой уровень риска. Ему нравилось иметь больше времени на подготовку, чтобы убедиться, что все идет по плану.

Конечно, все могло пойти не так, но награда казалась очень манящей.

Щелк, щелк, щелк. Он закрыл глаза, наслаждаясь восхитительным звуком.

Он представил себе, что это треск и щелчок костей Ханна: фаланг, лучевой кости, локтевой кости, запястья и пястной кости, может быть, даже ребро или два.

Пайк открыл глаза и принялся за работу.

Глава 7

Лиам

День двадцать первый

Кухня наполнилась восхитительным ароматом соуса альфредо. Холодный воздух дул через окно над раковиной, которое они временно открыли, чтобы рассеять дым.

Ханна следила за маленькими кастрюльками с соусом и лапшой, готовящимися на небольшой пропановой походной плите, которую Лиам нашел в гараже.

Призрак расположился в центре кухни. Они постоянно чуть не спотыкались о него, но он, казалось, не возражал. Лиам вытер его мокрые лапы и шерсть полотенцем. В одном из соседних домов он нашел собачий корм, так что Призрак уже наелся и собирался приятно вздремнуть.

— У нас почти закончился пропан, — сказала Ханна.

— Еще одна причина уехать как можно скорее, — хмуро отметил Лиам.

Может, и к лучшему, что Призрак прервал то, что он начал говорить. Все равно вышло бы не очень.

Он подошел к передней части дома и осмотрел окна, Призрак шел позади него. Ничего необычного. На улицах по-прежнему не наблюдалось никакого движения. Серое небо наполнялось темными тучами — очередная буря надвигалась на них.

Лиам поправил Шарлотту на руке и вернулся на кухню, остановившись у задней двери, чтобы еще раз осмотреть двор. Он что-то почувствовал. Какое-то щекотание в затылке. Чувство, которое он не мог назвать или оценить, но которому доверял безоговорочно — чувство, что за ним следят.

Он присмотрелся. Что-то мелькнуло в уголке его глаза. Блеск в деревьях в двадцати пяти ярдах слева от дома. Вспышка линз бинокля, отражающаяся от снега.

С низким предупреждающим рычанием Призрак вскочил на ноги и бросился к двери.

Каждый мускул в теле Лиама напрягся.

— Ханна.

Ханна сразу же подошла к нему и протянула руки к ребенку. Лиам передал ей Шарлотту и схватил винтовку «Бушмастер AR-15», прислоненную к стене рядом с задней дверью.

На нем уже были ботинки и две пары шерстяных носков, между слоями которых засунуты пластиковые пакеты, чтобы ноги оставались сухими. Его куртка висела на кухонном стуле, но он не стал тратить время на ее надевание. На нем была нижняя кофта с длинными рукавами и две толстовки.

— Ложись. Держись подальше от окон.

Она кивнула и одной рукой выключила пропановую плиту. Лиам быстро закрыл окно и поставил на место задвижку.

Он подошел к задней двери, посмотрел через стекло, затем распахнул ее. Лиам шагнул в узкое пространство, которое разгреб для туалета Призрака во время снежной бури, Призрак следовал за ним по пятам.

Он взобрался на крутой сугроб с правой стороны, осторожно поднял дуло над краем, затем заглянул за край, быстро сканируя окрестности на предмет угрозы.

Призрак бегал взад-вперед по кругу, яростно лая на линию деревьев.

Чувства Лиам обострились, пульс участился, он поднялся и встал, оглядывая участок лужайки, прижав к плечу винтовку, напрягая слух и выискивая характерный блеск.

Морозный воздух кусал его открытую кожу, пробиваясь сквозь толстовку и кофту с длинными рукавами. Облака висели низко и плотно. Снег спиралью падал с серо-пурпурного неба, все быстрее и быстрее.

Он изучал дома, выстроившиеся вдоль пустой улицы, искал в окнах и на крышах движение, отблеск винтовочного ствола. Осмотрел деревья за домом.

Лиам обогнул дом, утопая ботинками в снегу в поисках следов, любых признаков вторжения.

Вот оно. Масса меха и кровавых внутренностей, пачкающих чистый белый снег. Туша скрывалась за линией деревьев, примерно в тридцати ярдах от дома.

Когда-то это был дикий заяц, но теперь он служил посланием от врага — врага, который должен быть мертв, но не умер.

Пайк выжил.

Лиам покачнулся на пятках. Внутри него разверзлась тьма. В его груди зародилась черная ярость, все тело задрожало от отвращения.

Психопат подначивал его, провоцировал.

Если это попытка заставить его отказаться от тренировок и броситься сломя голову в ловушку, Пайк жестоко ошибался.

Лиам выследит его и убьет. Сегодня. Прямо сейчас.

— Призрак! — скомандовал Лиам. — Оставайся с Ханной.

Пес издал еще один громкий лай, его мышцы напряглись в стремлении найти угрозу, но он послушался.

Лиам пошел к задней двери, пятясь назад, держа винтовку направленной на лес. Призрак последовал за ним.

Ханна ждала их. Она прижимала дочь к груди. Ее лицо побелело, губы побледнели.

— Он не умер.

— Нет.

— Ты собираешься его убить.

Лиам колебался. Он чувствовал себя растерянным до глубины души. Он не хотел оставлять Ханну. Каждый инстинкт противился этому. Она стала его уязвимым местом. Он оказался между молотом и наковальней — ведь ему нужно с одной стороны защитить Ханну,

а с другой — убить Пайка.

— Иди, — сказала Ханна. — Он должен умереть.

Лиам надел куртку, шарф и надвинул шапку на уши. Он натянул перчатки и взял три заряженных магазина — два для AR-15 и один для «Глока» — и сунул их в карманы. Ему не хватало нагрудного ремня и военного снаряжения для холодной погоды.

— Когда вернусь, я просвищу «С днем рождения». Стреляй в любого другого. Без колебаний.

Ханна кивнула, ее черты лица напряглись.

— Ты вернешься.

— Вернусь.

Призрак ходил из гостиной на кухню и обратно, настороженный и грозный, низко рыча. Лиам чувствовал себя немного лучше, когда с Ханной рядом оставался пес. Только немного.

— Если я тебе понадобится, свистни, — сказал Лиам. — Где твой 45-й калибр?

Она сдвинулась, держа Шарлотту одной рукой, и достала пистолет из кармана спортивных штанов.

— Он заряжен. Патрон в патроннике, как ты меня учил.

— Не выпускай его из рук.

Лицо Ханны ожесточилось.

— Я знаю.

Глава 8

Пайк

День двадцать первый

Пайк вернулся назад по своим собственным следам.

Солдат ошибочно полагал, что он охотник. Увы, это не так.

На окраине города дома вдоль реки резко заканчивались, когда земля спускалась в крутой овраг у самого берега реки. С обеих сторон оврага тянулись леса.

Снова пошел снег. Даже под пологом деревьев снежная каша поднималась до уровня его коленей. Он пробирался через нее с трудом. Его ботинки приглушенно скрипели при каждом шаге.

Снег налипал на голову и плечи, забирался в каждую щель и трещину, пробирался между складками шарфа, стекал по шее и спине, проскальзывал между перчатками и рукавами куртки.

Из-за быстро падающего снега он не мог видеть перед собой более чем на тридцать футов. Дальше будет еще хуже. Но Пайк не волновался.

Он создал необходимые следы, прежде чем вернуться назад, подбросить свежую добычу и ждать, когда ловушка сработает.

Солдат безукоризненно следовал плану. Он верил, что Пайк впереди него. Он никогда не увидит его, подкрадывающегося сзади.

Пайк не имел ни чувства справедливости, ни чести. Как только заметит солдата, он выстрелит ему в спину.

Буря давала возможность укрыться. Солдат не должен услышать его приближение из-за ветра. Не сможет учуять его или почувствовать. Черт, Пайк и сам не мог доверять своим собственным чувствам.

Он пробирался по снегу, наступая на аккуратные следы Солдата, которые повторяли его

собственные, слепо продвигаясь вперед. Видеть становилось все труднее. Ветер усиливался, посылая тучи ледяных кристаллов по снегу.

Он крепче сжал пистолет и ускорил шаг.

Впереди раздался какой-то звук. Пятнадцать, двадцать футов. Прямо впереди? Или немного западнее?

Пайк крутанулся на месте, поднял пистолет, осматривая деревья. Все выглядело одинаково. Те же уродливые бесплодные дубы и клены. Те же сосны и ели, занесенные снегом.

Его кольнула тревога. К такому чувству он не привык. Ему оно не нравилось.

Еще один звук, на этот раз позади него. Тихий скрип, словно осторожные шаги, утопающие в снегу.

Он развернулся, дико вывернув шею.

Слева от себя он почувствовал движение. Потом впереди.

Пайк не слышал ни звука и ничего не видел.

Лес представлял собой сплетение черных разлапистых деревьев, которые давили на него со всех сторон. Угроза казалась вполне ощутимой, холодный воздух был тяжелым и удушающим.

На юго-западе ветка, заваленная снегом, сломалась под его тяжестью. Куча снега упала на землю.

Он стиснул зубы в раздражении. Просто его слишком активный разум играет с ним. Этот жестокий холод проникает в его голову.

Пайк продолжал идти, упорно пробираясь через глубокие сугробы. Следы постепенно засыпало, и с каждой минутой находить их становилось все труднее.

Его ноги стали свинцовыми и жесткими. Он споткнулся о что-то, зарытое в снег, и чуть не упал, но устоял на ногах.

Пайк быстро уставал от этого.

Девушка ждала его в теплом доме. Он мечтал убить солдата — ему уже все равно, как. Пора с этим покончить.

Скрипнула ветка. Снег упал на землю. Бурундук проскочил сквозь заросли.

Звук разносился. Невозможно понять, откуда он исходит.

Позади него. Впереди. Слева или справа.

Это смущающее чувство терзало его нутро. Возможно, солдат умнее, чем он предполагал. Более хитрый и изворотливый.

Может быть, Пайк уже не единственный, кто играет в эту игру.

Он почувствовал, как земля проседает под ногами, и вспомнил, где находится овраг. Он должен быть слева от него. Десять футов? Пятнадцать? В условиях почти полного отсутствия света Пайк не мог разглядеть обрыв за тонкой линией деревьев.

Он мысленно представил себе рельеф местности. Это был резкий и крутой склон. Легко сорваться со снежного обрыва и упасть на пятнадцать ярдов вниз, в реку, черную как кровь.

В такую непогоду ничего не подозревающий человек даже не заметит, как это произойдет.

Пайк ступил на следующий след и резко остановился. Его беспокойство нарастало, он смахнул лед с ресниц и прищурился на отпечатки.

Что-то здесь не так. Он не мог определить, что именно, просто чувствовал.

Подняв пистолет, он повернул его влево, затем вправо, поворачивая шею, прищуриваясь

в поисках любого намека на опасность.

Ничего. Он ничего не видел. Но чувствовал солдата как зловещее присутствие, скрывающееся за пределами его видимости.

Опасение переросло в нечто иное — чужое, но все же узнаваемое чувство, инстинкт, которым обладают все млекопитающие, даже он.

Страх.

Подобно преследуемой добыче, Пайк бросился бежать.

Глава 9

Лиам

День двадцать первый

Снег падал на лицо Лиама, жаля его щеки, лоб и нос.

Он страдал. Его поясица болела в знак протеста. Он слишком долго сидел в одной позе.

Зубы стучали. Руки напряглись. Он сгибал пальцы на спусковой скобе винтовки AR-15, чтобы разогнать кровь.

Лиам сидел на корточках под прикрытием кучи деревьев в пятнадцати футах слева от следов из хлебных крошек, которые Пайк оставил для него. Он проследил за ними до поворота и затаился в засаде, готовый напасть на свою цель.

Пайк попытался обойти вокруг и подкрасться к Лиаму сзади. Не сработало. Он воспользуется планом Пайка против него самого.

Лиам проверил, нет ли двойных следов. Он двигался полукругом от видимого следа вперед, пока не нашел его, а затем устроил засаду, проверив состояние местности вокруг своей огневой позиции.

С точки зрения Лиама, расположенной за V-образной щелью в стволе дуба, он увидит Пайка раньше, чем Пайк увидит его. А затем Лиам пристрелит его.

Лиам вздрогнул. Все вокруг покрылось белым налетом. Когда он повернулся, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда пришел, там не осталось ничего, кроме белизны, словно дома полностью снесло. Или их вообще не было.

Метель пришла, казалось, из ниоткуда. Снежные бури постоянно проносились над огромным озером Мичиган. В этом нет ничего необычного. Но в отсутствие метеорологического оповещения люди больше не могли их предвидеть.

Даже с его паркой, многослойной одеждой и полиэтиленовыми пакетами между носками, он не смог бы долго продержаться в таких условиях. Никто не смог бы.

Холод представлял собой гораздо большую угрозу для выживания, чем кажется. Он снижал способность мыслить и подавлял желание что-либо делать, даже просто выжить.

Холод оставался коварным врагом. А Лиаму еще нужно справиться с Пайком.

Ему нужно покончить с этим, и побыстрее.

Как по команде, за поворотом показалась темная фигура.

Сначала просто тень на снегу, потом более глубокий, темный контур, медленно и целеустремленно идущий вперед, пригнув голову против ветра. В тридцати пяти футах от него.

Адреналин захлестнул Лиама, ярость стиснула грудь в кулак. Он навел винтовку AR-15 на цель и снял ее с предохранителя. Постучал по дну заряженного магазина, чтобы убедиться, что он правильно вставлен, и прищурился через прицел.

Условия ухудшились так быстро, что Лиам едва мог видеть дальше пятнадцати-двадцати футов. Ветер и снег фактически оглушили его и ограничили видимость. Все его органы чувств, от которых он так остро зависел, сильно притупились.

Чтобы не ошибиться с выстрелом, необходимо подпустить цель поближе.

Лиам напрягся. Он сосредоточил дыхание и замедлил пульс. Гнев распирает его. Он чувствовал, как тот пульсирует в каждой замерзшей клетке его тела.

Этот ненормальный психопат должен сегодня сдохнуть. И точка.

За свою военную карьеру Лиам убил сотни людей. Только за последние несколько недель он убил еще десятки. Они были врагами, а он просто солдатом, который их уничтожал.

Однако сейчас речь шла о личном.

После того, что Пайк сделал с Ханной, какой непоправимый вред он ей причинил... Лиам хотел, чтобы этот подонок умер медленной, мучительной смертью. Чтобы лицо Лиамы стало последним, что он увидит.

Двадцать пять футов. Ветер трепал его одежду и взбивал снежную кашу. Лиам моргнул, проясняя зрение, и прицелился, надавив пальцем на спусковой крючок.

Фигура остановилась. Пайк резко повернул вправо.

Лиам выстрелил. Бум!

Тело Пайка дернулось. Он споткнулся, но продолжал двигаться.

Из-за плохих условий выстрел Лиамы прошел широко, попав мерзавцу в плечо, а не в грудь.

Лиам быстро переместился, чтобы поправить прицел, но Пайк уже проскользнул между двумя высокими соснами и скрылся в снежном вихре.

Он сдержал желание нажать на спусковой крючок. Выстрелить сейчас — значит потратить патроны и выдать свою позицию.

Терпение вросло в ДНК спецназовца. Он подождет, пока Пайк ошибется и раскроет себя первым, а затем сделает точный выстрел.

— Она моя! — крикнул Пайк.

Лиам стиснул зубы и не ответил. Пайк провоцировал его выдать свое местоположение.

— Я не буду торопиться с ней! Я сделаю это не спеша! — Его голос звучал приглушенно, подхватываемый ветром и разносимый эхом по снегу и деревьям. Казалось, он доносился из ниоткуда и отовсюду одновременно.

Лиам присел, следя за дулом винтовки, смахнул снег с глаз, палец лежал на спусковом крючке.

Треск выстрела. С кленового дерева в десяти или пятнадцати футах справа от него посыпалась кора. Из-за снега определить источник выстрела не удалось.

Прогремел еще один выстрел. В двадцати с лишним футах впереди и слева от него с сосны брызнула кора. Пайк выкрикнул еще одно проклятие и снова выстрелил.

Пайк стрелял вслепую, надеясь сбить его с толку. Это дало обратный эффект.

На этот раз Лиаму удалось вычислить, где он, скорее всего, прячется.

Лиам пошевелился. Острая боль пронзила позвоночник в знак протеста, диски угрожали заклинить после долгого пребывания в одном и том же положении.

Он отключился от боли. У него есть задача, и ничто не должно встать на его пути.

Не высываясь, прижав винтовку к щеке, Лиам нырнул между деревьями и сделал широкий круг, обогнув предполагаемое местонахождение Пайка. Даже с больной спиной он

ступал так тихо, как только мог, по глубокому снегу.

Низко пригнувшись, он выглянул из-за толстого ствола, держа AR-15 наготове. Лиам прищурился, ища сквозь снег и ветер тень или блеск металла.

Он поводил оружием, неуклонно ведя поиск по сетке — сканируя слева направо. Уклониться на пять градусов. Сканирование справа налево. Уменьшить на пять градусов. Повторить.

Есть.

Лиам мельком увидел размытую фигуру. В двадцати футах к северо-западу, едва заметная, маленькая темная тень вынырнула из-за высокого ствола березы. Станный контур, которому здесь не место. Лиам прищурился через прицел.

Плечо Пайка выступало вперед. Тонкая полоска задней части его черепа. Он стоял лицом вперед, высматривая Лиам на севере, в той стороне, откуда они пришли.

Лиам осторожно отступил назад, чтобы подобрать лучший ракурс, не забывая о состоянии почвы вокруг его позиции для стрельбы. Диски в его позвоночнике сместились, пронзив его свежей болью. Он споткнулся.

Внезапно снег под его ногами подался. Лиам попытался рвануться вперед, но его ботинок зацепился за поваленное бревно, скрытое под сугробом.

Под ним рухнула полоска снега.

Лиам начал падать.

Глава 10

Лиам

День двадцать первый

Лиам пытался удержаться на проваливающемся снегу, но ничего не получалось. Его ботинки заскользили, руки разлетелись в стороны.

Он скатился вниз по крутому склону, стволы деревьев и упавшие бревна били его по телу, брюки и куртка задирались и рвались, ветки царапали лицо.

Внезапно он остановился. Его спина ударилась об основание большой сосны. Боль ножом полоснула его от поясицы до шеи. Казалось, будто в позвоночник попала расплавленная лава.

Голова резко закружилась. За веками заплясали черные пятна. Он быстро моргал, дезориентированный и испытывающий невероятную боль.

Лиам задыхался. Снег хлынул в его открытый рот. Он лежал на снегу, прижавшись боком к стволу дерева у основания круглого оврага.

Страх пронзил его. Он должен встать, должен подняться на ноги и оценить ситуацию. Пайк теперь владел преимуществом. Лиам превратился в легкую добычу.

В срочном порядке он попытался сесть, инстинктивно потянувшись за оружием. Ничего не получилось. Его тело отказывалось повиноваться.

Он пошевелил руками, согнул пальцы и сдвинул плечи. Верхняя часть тела, казалось, в рабочем состоянии.

А вот ноги не двигались. Он не чувствовал своих ног.

Лиам ничего не чувствовал ниже пояса.

Он онемел. Нет, хуже. Он был парализован.

Страх и ужас давили, душили его. Какая-то его часть ожидала этого годами — момента, когда травмированная спина окончательно его подведет.

Этого момента, когда его собственное тело его предаст.

Он умрет здесь. Не имея возможности подняться по склону оврага, он погибнет от переохлаждения через час. А Пайк все еще оставался на свободе.

Холод уже проникал в его кости, погружаясь глубоко внутрь. Боль затуманила мысли, размыла все до отчетливой белой дымки.

«Ты еще не умер, — прошептала Джесса в его голове. Не сдавайся сейчас».

Она права. Он не мог пошевелить ногами, но все еще мог двигать руками. Он все еще мог стрелять. Пока дышал, Лиам мог сражаться.

Он не задумывался о собственном выживании. Только одна мысль двигала им — покончить с Пайком до того, как ублюдок сможет вернуться к Ханне.

Лиам переместился, не обращая внимания на боль, и подтянул под себя правый локоть. Упираясь в снег, он смог приподнять туловище настолько, чтобы зацепить запутавшийся AR-15, и вытащить его из-под ребер.

Прижавшись к стволу, он сел, бесполезно расставив ноги перед собой, и приложил приклад винтовки к плечу. Лиам всмотрелся в оптический прицел, его палец застыл на спусковом крючке, и он окинул взглядом вершину хребта.

Обычно с двадцати пяти ярдов он мог попасть в изображение головы на монете в пятьдесят центов. Но не сейчас. Не в таких условиях

— Давай! — крикнул он. — Давай, сражайся как мужчина!

Размытая фигура скрытно двигалась среди деревьев вдоль линии хребта. Двадцать пять, может быть, тридцать футов над ним.

Лиам ждал. Ветер и снег мешали выстрелу. Его руки стали как ледяные глыбы. Подкрадывающийся холод давил все сильнее.

Выстрел расколол воздух. В пятнадцати футах от Лиамы с дуба осыпалась кора. Второй и третий выстрелы разорвали сосны в десяти футах правее от него. На него посыпались ошметки коры и сосновые иголки.

— Охотник всегда побеждает! — крикнул Пайк с вершины оврага.

Лиам ждал, пока не заметил движение. Вот. Он выдохнул, слегка сдвинулся, и AR-15 дважды рывкнула. Раскаленные гильзы упали дымящимися в снег.

Проклятие Пайка поглотила буря, когда он падал. Лиам искал его через прицел. К тому времени, как он его нашел, Пайк успел подняться и скрыться за деревьями.

Он хромал. Лиам ранил его в ногу. Насколько сильно, он не мог сказать.

— Выходи! — крикнул Лиам. Холод обжигал легкие, ветер выхватывал его голос и уносил прочь. — Покажись, трус!

— Ты проиграл! — крикнул Пайк из-за деревьев. — Ты уже проиграл!

Лиам ждал, не дыша, готовый стрелять. Стоит Пайку только показаться, и он будет мертв.

Никакого движения с вершины хребта. Никаких звуков, кроме скрипа деревьев и стопа ветра.

Снег падал Лиаму на лицо и глаза. Он смахнул хлопья, сердце защемило в груди, нехорошее предчувствие пронеслось по его телу. «Давай, давай».

Пайк не выходил. Он не показывался.

А зачем ему это? Лиам не его цель. Лиам не был его конечной целью.

Все, что требовалось Пайку, это убрать Лиаму с дороги. Он выполнил эту задачу. Пайка здесь уже не было.

Лиам пронзил такой гнев, какого он никогда не испытывал. Ярость смешалась с изнуряющим страхом. Не за себя, нет, никогда за себя.

Чудовище направлялось к Ханне.

На этот раз Лиам ничего не мог сделать, чтобы его остановить.

Глава 11

Джулиан

День двадцать первый

Джулиан и Розамонд стояли в ее просторной кухне, с белыми глянцевыми шкафами, гладким мрамором и блестящей высококлассной техникой. Они стояли лицом друг к другу по разные стороны острова.

— Что, черт возьми, только что произошло? — спросила Розамонд у Джулиана. — Почему у меня на руках два трупа?

Джулиан все еще был в куртке, шапке и перчатках. Снег осыпался с его ботинок на полированный деревянный пол. Он вдыхал восхитительный аромат готовящейся пиццы, доносящийся из духовки.

Тепло омывало его лицо. Электрические лампы излучали мягкое теплое свечение. Розамонд постоянно держала генераторы включенными, чтобы подпитывать солнечную энергию.

Наступил вечер. Окна были темными. Снаружи таились холод, ветер и снег.

Ничто не могло проникнуть в этот дом, где все казалось нетронутым хаосом, как муха, пойманная в янтарь. Мебель чистая, полки вытерты, все безупречно, как и его мать.

Здесь по-прежнему включался и выключался свет, а вода лилась из крана по команде. Прошло всего три недели, а горячий душ уже казался чудесным, драгоценным даром.

Свежий гнев вспыхнул в нем, когда он рассказал о нападении на Дэррила Виггинса и попытке горожан захватить дом в «Винтер Хейвене».

— Они думают, что заслуживают «Винтер Хейвен». Они хотят его для себя.

Розамонд сцепила пальцы на столе. Ее отполированные алые ногти сверкнули на свету.

— Понятно.

— Они его не заслуживают. Они могли бы купить один из этих домов много лет назад. Но не купили. Это их выбор. Теперь им придется с этим жить. Все остальные здесь заслужили это. Именно мы находимся на передовой, чтобы сохранить город в безопасности. Самое меньшее, что мы можем сделать, это дать людям из совета и ополченцам крышу над головой.

— Не все это понимают.

Джулиан снял перчатки и засунул их в карман.

— Мы должны просто дать им умереть с голоду. Зачем мы так стараемся, чтобы их прокормить, если они отвечают нам подобным образом?

— Это наш город, — тихо сказала Розамонд. — Наши люди. Это наша работа — моя работа — обеспечивать их. Пока я в состоянии, я буду это делать. — Выражение ее лица ожесточилось. — Но при этом я не буду стоять в стороне и позволять им вредить друг другу и вести себя как избалованные дети.

— Что ты собираешься делать?

Таймер духовки пискнул. Розамонд достала из ящика кухонные рукавицы. Открыв духовку, она вытащила противень с пиццей и поставила его на плиту остывать.

Сыр аппетитно пузырился. Уловив дразнящий запах, желудок Джулиана заурчал.

Она стянула рукавицы и вернула их в ящик.

— Знаешь, по чему я скучаю больше всего? По салату. Чего бы я сейчас не отдала за миску смешанной зелени, политой бальзамическим уксусом.

Он всегда ненавидел салат.

— Что будет дальше?

Его мать подошла к большому холодильнику из нержавеющей стали и открыла морозильную камеру. Морозилка была забита продуктами — фруктами, овощами, мясом и мороженым. Джулиан знал, что в гараже у нее есть еще две морозильные камеры, и обе они ломятся от продуктов. Не говоря уже о ящиках в подвале.

Она достала пакет замороженной клубники и буханку чесночного хлеба и поставила их на мраморный остров.

— Передай людям Саттера, чтобы они прекратили кормить всех, кто участвовал в нападении. И их семьи.

— Это сработает. Вот только есть одна проблема. Эти конкретные семьи не пойдут в общественный распределительный центр в средней школе.

— В каком смысле?

— Они получают всю бесплатную еду, которую хотят, от Аттикуса Бишопа.

Рот его матери дернулся. Кожа вокруг глаз натянулась.

— Это проблема только из-за тебя.

Джулиан ничего не мог с собой поделать; он вздрогнул.

— Ты должен был остановить Бишопа несколько недель назад.

Негодование вскипело в нем.

— Я остановил! Я пытался! Откуда мне было знать...

— В этом-то и проблема? Ты никогда не знаешь. Ты никогда не планируешь. Ты никогда не продумываешь все до конца. Ты просто действуешь — необдуманно и опрометчиво, не обращая внимания на последствия. У всех действий есть последствия, Джулиан. Они как домино, одно падает за другим. Если ты не знаешь, куда именно упадет последняя костяшка, значит, ты действуешь вслепую. Самые сильные лидеры — те, которые остаются в живых, те, которые оставляют настоящее наследие — они никогда не действуют необдуманно. Они никогда не действуют вслепую. Они точно знают, что они делают и почему, на каждом шагу. Понимаешь?

— Да! — защищаясь, воскликнул Джулиан, гнев пронзил его насквозь. — Конечно.

Долгое мгновение она молчала. Открыла упаковку чесночного хлеба, вытащила его и поставила в духовку. Она достала большую миску из шкафа рядом с раковиной и высыпала в нее ягоды.

Джулиан ждал с едва сдерживаемым нетерпением. Он переминался с ноги на ногу, сжимая руки в кулаки. Он хотел защититься, объяснить свои действия, возложить вину на кого-то — на кого угодно, только не на себя.

Он старался сдержать свой гнев, прикусив язык так сильно, что почувствовал вкус крови. Он знал, что лучше не отвлекать мать, когда она в таком состоянии — использует свое молчание как оружие, чтобы подавить его.

Сработало, как обычно. Его лицо горело от унижения. Джулиан чувствовал себя маленьким и бессильным, как букашка, корчащаяся под ее большим пальцем.

Наконец, она остановила свой взгляд на нем. Мать поджала губы и опустила брови, ее

глаза сделались острыми, как лед. Взгляд выражал сильное недовольство, глубокое отвращение.

Он ненавидел этот слишком знакомый взгляд. Презирал его. На секунду он представил, как стирает это выражение с ее самоуверенного лица. Как это должно быть приятно. Как придаст сил.

Его мать многозначительно вздохнула.

— Гэвин разобрался бы с этой проблемой. Он умел пользоваться скальпелем, а не молотком. Он всегда знал, что делать.

Ревность глубоко засела в его душе. Джулиан вспыхнул.

— Я знаю, что делать!

Она уставилась на него жесткими глазами, оценивая и находя его достойным внимания.

— Правда?

— Я не дурак, — буркнул Джулиан. — Я понимаю, что ты пытаешься сделать. Тот, кто контролирует еду, контролирует и людей.

— Дело не только в этом. Мы не можем позволить себе инакомыслие. Если будем разделены, мы не сможем противостоять внешним атакам, которые обязательно последуют. — Она устало покачала головой. — Вот чего никто не понимает. Люди не хотят понимать. Они хотят безопасности, но не хотят платить за это. Когда поймут правду, будет уже слишком поздно. Они недалеки умом и упрямы, как дети. Они не знают, что для них лучше. Но мы знаем. Я знаю. Я вынуждена принимать трудные решения за них. Вот почему я отвечаю за них. Именно так я должна руководить.

— Если единственное место, где они смогут получать припасы, — это мы, тогда им придется подчиняться, — сказал Джулиан, пытаясь угодить своей матери. — Таким образом мы заставим их делать то, что хотим. Если кто-нибудь снова нападет на «Винтер Хейвен», мы заберем еду. Пусть эти упрямые отцы и матери смотрят, как их дети голодают. Посмотрим, как это понравится людям.

Розамунд разрешила дымящуюся пиццу ножом и выложила два куса на фарфоровую тарелку. К ним она добавила кусок чесночного хлеба, на который намазала масло, и миску с клубникой. Она села на табурет у острова, развернула тканевую салфетку и разгладила ее на коленях.

Так и не откусив ни кусочка, она уставилась на свою еду.

— Я не понимаю, почему некоторые люди настаивают на том, чтобы действовать вопреки собственным интересам. Я бы хотела, чтобы существовал другой путь.

Желудок Джулиана урчал от голода. Он работал весь день. Прошли те дни, когда он мог свободно забежать в «Макдоналдс» или «Тако Белл».

Мать не поставила перед ним тарелку и не предложила ему кусочек. Он знал, что лучше не просить.

— Другого пути нет, — заявил он.

— Ты прав, сынок. — Она выпрямила свою и без того идеальную осанку. — У нас нет выбора.

— Бишоп отправился на твою спасательную операцию. Пара добровольцев сейчас заведует продовольственной кладовой Кроссвей. Я знаю их. Они не такие, как Бишоп. С ними не будет проблем.

— А когда Бишоп вернется?

— Я с ним разберусь. И с Ноа тоже.

— Ноа позаботится о Бишопе.

Обида пронзила Джулиана.

— Ноа? Почему именно Ноа? Я могу сделать это...

— Я буду решать, что ты можешь или не можешь сделать! — Она бросила на него еще один недовольный взгляд. — Ноа на нашей стороне.

Волна ревности прокатилась по нему. Горечь смешалась с отвращением. Он должен был стать начальником полиции. Он должен управлять этим городом.

А не Ноа Шеридан, его бывший лучший друг.

— Он? Ты в этом уверена?

— Позволь мне самой разобраться с новым шефом полиции. С Ноа нужно больше тонкости. Но он лоялен. Я доверяю ему делать то, что должно быть сделано.

Слова, которые она не произнесла, эхом разнеслись по комнате. Джулиан напрягся.

— Мне ты тоже можешь доверять.

— Посмотрим. — Она нахмурила брови в своей снисходительной, насмешливой манере. — Могу ли я доверить тебе заботу о продовольственной кладовой, или мне нужно привлечь Маттиаса? Как думаешь, на этот раз ты справишься? Сможешь разобраться с этой задачей?

Он проглотил горькую желчь.

— Безусловно.

Его мать проткнула вилкой маленькую замороженную клубнику и поднесла ее к губам.

— Ничто не сравнится со свежесобранной клубникой, но эта все еще имеет сладкую терпкость.

Розамонд медленно, задумчиво жевала. Усмешка исчезла с ее лица. На мгновение она выглядела задумчивой, почти одержимой.

— Во времена великого кризиса мы вынуждены делать то, что должны, чтобы защитить всю общину. Я думала, что того, что произошло, будет достаточно. Что все уже достаточно пострадали.

Она отложила вилку, выражение ее лица смягчилось, и она посмотрела на него теплым, материнским взглядом.

— Ты не единственный, кто совершил ошибку, сын. Я тоже. Мы должны исправить ее сейчас, любыми средствами.

Он вытянулся во весь рост.

— Я готов.

Она кивнула.

— Тогда закончи с этим.

Джулиан уже направлялся к двери, мрачная улыбка скривила его лицо.

Глава 12

Ноа

День двадцать первый

— Еще одну главу? — взмолился Майло.

Ноа Шеридан закрыл книгу.

— Мы уже прочитали четыре главы. Мне нужен перерыв, приятель.

— Перерыв от чего?

— К слову, у меня начинает болеть горло. К тому же, если честно, я немного устал думать о конце света.

Майло выхватил книгу из его рук, любовно погладил обложку и положил ее под подушку.

Квинн разрешила ему взять эту книгу из своей личной коллекции. Книга называлась «Жизнь, какой мы ее знали» и рассказывала о том, как Луна сошла со своей орбиты и, по сути, уничтожила жизнь на Земле.

Как будто кому-то нужен еще один сценарий конца света, чтобы лишний раз переживать.

Ноа и Майло уютно устроились в кровати Майло в их новом доме в «Винтер Хейвене» полдюжины одеял лежали на них.

Солнечные батареи не получали много солнечной энергии уже несколько дней, поэтому они использовали портативные пропановые обогреватели для тепла, а ночью — лампы и фонари. Во многих домах стояли резервные генераторы, которые ополченцы держали с запасом топлива. В этом конкретном доме его не было.

Снаружи бушевала очередная снежная буря. Ветер и снег били по дому. Стены скрипели и стонали. Видимость составляла менее шести футов. Выйти куда-либо — даже в соседний дом — означало обречь себя на смерть.

Весь город притаился, прижавшись друг к другу, решив переждать непогоду.

В кои-то веки Ноа тоже застрял дома. Он не возражал против того, чтобы пообщаться с Майло, но знал, что, как только буря стихнет, объем работы увеличится втрое.

Как и во время других ураганов за последние недели, людей придется откапывать из их домов. Необходимо пополнить запасы еды, туалетных принадлежностей и дров.

У некоторых — пожилых, больных — во время урагана не останется ничего, что можно съесть, выпить или согреться. Они не выживут.

Ноа придется послать команду, чтобы пройти от дома к дому и убрать трупы.

Мрачная мысль, но теперь это часть их жизни. За последние восемь дней они потеряли еще одиннадцать жителей от переохлаждения.

Наступила только середина января. Им предстоял долгий путь, прежде чем зима окончательно отступит.

Ноа перевернулся лицом к Майло. Он дважды сложил подушку под мышкой.

— Эй, сынок. Прежде чем ты погрузишься в мир снов, я просто хотел узнать, как у тебя дела.

— Я в порядке, папа.

— Квинн заставляет тебя принимать лекарства дважды в день, как по часам, верно?

— Да. Каждый день.

Саттер и ополченцы приносили Ноа все больше таблеток гидрокортизона с каждой вылазкой, хотя из-за метелей, бушевавших на юге Мичигана, они не могли выходить на улицу, как обычно.

Ноа больше не волновался. У него имелся запас на несколько лет вперед, спрятанный в вещевом мешке в шкафу в главной спальне. Постоянная тревога, преследовавшая его в первые недели после ЭМИ, рассеялась.

Но не беспокойство за сына. Это не прошло.

— Ты знаешь, я должен убедиться.

— Квинн говорит, что ты слишком опекаешь.

Ноа поднял брови.

— И сейчас тоже говорит?

— Она утверждает, что я должен иметь возможность забраться на самое высокое дерево, если захочу. Она говорит, что я могу выпрыгивать из самолетов, если захочу. — Он пожевал нижнюю губу. — Как только снова появятся самолеты.

— Я уверен, что для этого тебе должно быть, как минимум восемнадцать.

— Ладно, неважно. Можем мы внести это в мой список?

Ноа улыбнулся.

— Ты имеешь в виду твой список желаний?

— Список того, что ты хочешь успеть сделать до смерти.

— Ну да, этот. — Грудь Ноа сжалась. Он засомневался. — Зачем ты составляешь такой список?

— Квинн говорит, что все умирают.

— Ну, технически, но...

— Все умирают, но не все действительно живут. Я сказал, что мы должны составить список всего того, что мы хотим сделать, пока еще живы. Потому что неизвестно, как долго это продлится.

Ноа сглотнул внезапный ком в горле. Ему было всего восемь лет, но Майло уже видел чудовищные вещи и пережил целую серию ужасов.

Сначала трупы на кресельном подъемнике в день ЭМИ. Затем резня в Кроссвей. И вот вчерашняя перестрелка у Дэррила Виггинса.

Томас Блэр и его друг, Тед Никлсон, мертвы. Блэры, Никлсоны и еще несколько человек вбили себе в голову, что смогут силой захватить дом в «Винтер Хейвене».

Ополченцы быстро разуверили их в этом. Тактика Десото оказалась жестокой, но эффективной. Любой, кто думал попробовать что-то подобное, теперь задумался. Ноа не разделял такую позицию, но что сделано, то сделано.

Розамонд пошла еще дальше. Никто из членов семьи, связанных с виновными, не получит никаких поставок из городского распределительного центра. Ничего. Ни банки бобов, ни рулона туалетной бумаги.

Миссис Блэр овдовела. Ее дочь Уитни оплакивала своего отца.

Ноа ничего не мог с собой поделаться. Он их жалел.

Как только метель утихнет, Ноа навестит Розамонд. Он попытается поговорить с ней, попросит ее смягчить позицию, отменить приказы.

Все будет хорошо. Он позаботится об этом. В конце концов, теперь он начальник полиции.

— Ты знаешь, что я устанавливаю правила и проверяю тебя, потому что забочусь о тебе, — сказал Ноа. — Я просто пытаюсь обеспечить твою безопасность.

Майло закатил глаза.

— Я знаю, папа.

Ноа протянул руку и откинул кудрявые волосы Майло с лица. Они слишком отросли и свисали ему на глаза. Придется разыскать ножницы и сделать ему домашнюю стрижку.

Еще один момент краха общества, о котором он никогда не задумывался.

Хотя Ноа был наполовину латиноамериканцем, он внешне походил на своего ирландско-американского отца: у него были темно-каштановые волосы, но светлый цвет лица. Майло унаследовал оливковый оттенок кожи венесуэльской матери Ноа, его непокорные черные кудри и большие темные глаза.

Его круглое мальчишеское лицо истончалось, и с каждым днем он все больше походил

на Ханну. Сердце Ноа раздувалось от любви к этому милому, серьезному ребенку.

— Я серьезно. Мы должны быть осторожны. Мир небезопасен. Все может случиться Майло, вчера ты видел, как погибли два человека.

— Квинн впечатала мое лицо в свой живот. Было больно. Я ничего не видел, только слышал громкие хлопки. Я хотел помочь. Она не позволила мне.

Ноа выдохнул. Квинн спешит на помощь. Опять. Она уже говорила ему об этом, не услышать это из уст Майло стало утешением.

— Я рад, что она это сделала, сынок. Мир — он не такой, как мне хотелось бы. Я не могу защитить тебя от всего, как бы отчаянно не желал этого.

— То же самое говорит Квинн.

Иногда он слушал версии «квиннизмов» и «моллизмов» от Майло целыми днями. Бывали вещи и похуже.

— Что еще говорит Квинн?

— Что нельзя оставаться в безопасности от всего. Что попытки сделать это в конечном итоге приводят к худшему. Что жить своей жизнью — значит рисковать. Что нужно быть умным, а не глупым, как большинство людей. Это как батут. А нет, балансирование. Как в цирке.

В нем вспыхнуло раздражение. Ноа сел на матрас. Он провел рукой по волосам.

— Это мнение Квинн. Ей шестнадцать лет.

— Она на много старше меня.

— Не на столько старше. Не достаточно, — огрызнулся Ноа. — Когда вам обоим будет столько же лет, сколько мне, тогда, возможно, вы сможете начать принимать решения. А до тех пор я здесь главный. И именно я принимаю решения о безопасности. Ясно?

Лицо Майло поникло.

Чувство вины укололо его. Ноа высказался слишком резко. Он не хотел этого.

Он заботился о Квинн, но она все еще оставалась ребенком, наивной идеалисткой. У нее еще детские представления о том, каким должен быть мир. Должен быть, а не такой, какой он есть.

В реальном мире приходится идти на уступки и компромиссы. Иногда даже приходилось делать то, что вызывало неприязнь к себе.

Он сжал плечо Майло.

— Эй. Это было не круто. У меня стресс, но это не оправдание. Мне жаль. Простиш меня?

Майло кивнул, почувствовав облегчение. Он приподнялся на локтях и прижался головой к груди Ноа. Ноа обхватил сына руками. Такой маленький, такой худенький. Все сердце Ноа вместилось в тело этого маленького мальчика. Его любовь к сыну билась сильно и яростно, отдаваясь в каждой клеточке.

— Я люблю тебя, сынок. Нет ничего, что я не сделал бы для тебя.

— Я знаю, папа, — сказал Майло, его голос звучал приглушенно. — Я тоже тебя люблю.

Глава 13

Ханна

День двадцать первый

Ханна ждала.

Призрак скулил у входной двери.

Ханна хотела поддаться ему, распахнуть дверь и отправить пса в ночь на помощь Лиаму. Но она этого не сделала.

Слова Лиамы звучали у нее в ушах. «Не открывай дверь никому, кроме меня. Держи Призрака здесь, чтобы он защищал тебя и Шарлотту».

Он ушел больше часа назад. Если бы речь шла только о ней, она бы выпустила Призрака несмотря на приказ Лиамы.

Но ей нужно думать о Шарлотте. Шарлотте, которую нужно уберечь.

— Мне жаль, мальчик, — произнесла она. — Мы должны ждать, пока Лиам вернется. Мы должны ждать.

Призрак зарычал от досады. Он оглянулся на нее, наострил уши, его карие глаза смотрели на нее умоляюще.

— Я тоже это ненавижу.

Она сидела посреди гостиной лицом к входной двери. Сидела с прямой спиной на кухонном стуле, который принесла из столовой.

Ее «Ругер» 45 калибра лежал у нее на коленях. Предохранитель был снят.

Шарлотта спала в своем ящике у камина. Она спала уже час. Скоро малышка проснется и снова захочет есть. Новорожденные ели гораздо больше, чем она помнила.

В камине тлело и трещало полено, оседаая на углях. Маленькие языки пламени устремились в дымоход и исчезли в воздухе.

Снаружи метель хлестала по дому. Деревья скрипели. Ветка ударилась о крышу.

Сердце Ханны бешено колотилось в груди. Она вскакивала при каждом шуме, при каждом скрипе и стуке. Каждая секунда отсутствия Лиамы все сильнее и сильнее нервировала ее.

Ханна боролась со страхом, с ужасом. Восемь дней она верила, что Пайк мертв. А теперь, словно какой-то демон, он вернулся из могилы. Человек без души. Человек, олицетворяющий зло в чистом виде.

Она верила в Бога. Возможно, вера в существование бога требует веры в его противоположность — сверхъестественную силу, движимую злом. Возможно, эта сила поддерживала Пайка, наделив потусторонними силами, которыми не может обладать простой смертный.

Она выкинула эти мысли из головы. Глупости. Это говорил ее страх.

Пайк был мужчиной. Просто человеком. Его могли убить. Он будет убит.

На этот раз Лиам сделает это. Она должна верить. Других вариантов быть не могло.

Ее пальцы сжались на рукоятке «Ругера».

Из ящика комода донесся тоненький плач. Шарлотта проснулась.

Ханна поднялась и взяла с собой пистолет. Она положила его на пол у своих ног, присела на корточки и взяла малышку на руки. Нежно, с любовью укачивая ее, она шептала ей в мягкую, пушистую кожу головы.

Вязаная шапочка, которую подарил Лиам, свалилась, пока она спала. Ее нижняя половина тела была влажной.

Ханна передела дочку на диване: сняла испачканный подгузник и положила его в небольшое мусорное ведро, которое они специально выделили для этой цели, вымыла ей попу тряпочками, которые опустила в кухонную миску, наполовину наполненную теплой водой, и снова запеленала ее в свежие полоски, закрепленные булавками.

В одном из углов гостиной стояло не кресло-качалка, а мягкое кресло для чтения. Она

сидела и укачивала Шарлотту на руках. Маленькие глазки Шарлотты закрывались, на ее крошечном личике появилось довольное выражение.

Она полностью доверяла своей сиделке. Дочь не представляла, что творится вокруг. Какое зло существует в мире. О том, что за ними охотятся.

Любовь к младенцу на ее руках сжимала грудь Ханны. Она так боялась, что не сможет полюбить ее, что будет испытывать к ребенку ту же ненависть и отвращение, что и к монстру, ответственному за ее создание и разделяющему ее гены.

Что, если она будет похожа на Пайка? Что, если бы в ней жила его тьма, его зло? Что, если каждый раз, когда Ханна смотрела на нее, она бы видела своего похитителя, отражающегося в глазах ее ребенка?

Но этого не случилось. Она выглядела как Ханна. Она выглядела как ребенок: невинная и непорочная. Пайк не имел к ней никакого отношения. Ее дочь была ее и только ее.

Все, что Ханна пережила и переживет, не входило в это бремя. Она любила свою дочь целиком, полностью и безоговорочно.

Ханна обняла Шарлотту. Она тихонько напевала, но не пела. Слова, ноты — они не приходили к ней. У нее болели глаза, но сон не шел.

Метель на улице создавала тяжелые, колеблющиеся тени. День клонился к позднему вечеру. Она слушала, как ветки скребут по стене дома, как стонет ветер, и боролась с подкрадывающимся страхом.

Ханна чувствовала, как снег окружает дом, давит на крышу, медленно ползет по стенам, сползает под окна.

Она сосчитала книги в книжном шкафу — сто тридцать три, жалюзи на окнах — пятьдесят шесть, полоски на пледе — сорок две.

Маленькая и теплая, Шарлотта прижалась к ее груди. Якорь, поддерживающий Ханну, сохраняющий ее настоящее.

Она держала ребенка здоровой рукой; плохой рукой она покопалась в переднем кармане толстовки и вытащила перочинный нож с четырехдюймовым лезвием.

Ей с трудом удавалось ухватиться за него своими неровными пальцами. Их ломали, они заживали криво, а потом снова ломали. Кости, как и все остальное, прочны — пока не сломаны.

Пальцы были искалеченными и уродливыми. Беспольными. Ну, почти бесполезными.

Всю последнюю неделю она тренировалась, как могла. Училась приспособить свою искалеченную руку, чтобы она могла держать вещи. Разрабатывала больные суставы и добивалась движения от жестких, артритных пальцев.

Сросшиеся кости скрежетали друг о друга. Каждое движение причиняло боль. Она не останавливалась, пока ее переломанные пальцы не сомкнулись над ручкой.

Ханна на мгновение закрыла глаза, почувствовав облегчение.

Это совсем не то, чего она когда-нибудь хотела — держать нож, владеть оружием.

Это стало необходимостью. Она сделает то, что должна сделать.

Призрак напрягся. Его загрохот поднялся. Хвост вытянулся.

Он дико и грозно залаял. Взрывной звук раздался у нее в ушах. Призрак вскочил и поцарапался во входную дверь.

Каждый волосок на ее шее встал дыбом. Она крепко обняла Шарлотту. Ребенок ерзал, но не просыпался.

Ханна затихла, напрягая слух.

Призрак продолжал лаять. Скребя когтями по деревянному полу, он пронесся от входной двери в гостиную до кухни.

Она услышала грохот, когда он ударился телом о дверь, ведущую в гараж, в коридоре между кухней и гостиной.

Он лаял без устали, свирепо и устрашающе. Она слышала подобное лаянье лишь однажды.

Ужас всколыхнулся в ее груди. Ханна сложила нож, сунула его обратно в карман толстовки и быстро поднялась на ноги с ребенком на руках. Пересекла гостиную, нагнулась и положила спящего младенца в ящик комода.

Лай Призрака усилился. Он стал угрожающим, свирепым.

Что-то находилось снаружи. Что-то, что пыталось проникнуть внутрь.

Не что-то. Она знала, что это было. Кто это был.

Она должна спрятать ребенка. Подняв с пола пистолет, Ханна поставила его на предохранитель и сунула в карман спортивных штанов. Она не могла носить с собой пистолет и ящик. Ей нужно действовать быстро.

Сердце бешено застучало, она присела на корточки и подняла ящик с мирно спящей внутри Шарлоттой, переместив его так, чтобы больная рука помогала уравновесить вес, хотя Ханна не могла ухватиться пальцами за край

Быстрым шагом она направилась из гостиной к лестнице, где повернулась боком, чтобы прижаться спиной к перилам и лучше видеть, осторожно поднимаясь по ступенькам, руки уже напряглись от неподъемного веса.

На вершине лестницы она направилась в фиолетовую спальню маленькой девочки, расположенную справа, прямо перед гостевой ванной. Хозяйская спальня находилась в конце коридора. Серый свет из окон наверху падал тускло и слабо, но его хватало, чтобы видеть.

Здесь было холодно. Намного холоднее, чем в гостиной с камином. Оставалось надеяться, что Шарлотта укутана в достаточное количество одеял, чтобы не замерзнуть.

Ханна снова присела на корточки и поставила ящик перед комодом в гостевой комнате. Затем встала на колени, снова взяла ящик и попыталась вставить его в пустую щель.

Ее руки дрожали, и она пошатнулась, чуть не выронив ящик. В животе забурчало. Она не могла допустить, чтобы Шарлотта проснулась сейчас. Ей нужна тишина и уединение.

Она попробовала еще раз, и на этот раз боковины защелкнулись, и Ханна дрожащими пальцами задвинула ящик. Она оставила несколько дюймов свободного пространства, чтобы ребенок мог дышать.

Если бы кто-нибудь заглянул в затемненную комнату, он не увидел бы ничего необычного. Ничего лишнего. Даже не заметил бы драгоценного младенца, спрятанного в комод.

По крайней мере, именно об этом она молилась с отчаянием, пронизывавшим все ее существо.

Лиам не вернулся. Она знала это в глубине души.

Если бы там был Лиам, Призрак не вел бы себя так, словно хотел разнести весь дом, чтобы добраться до того, кто скрывается за этими стенами.

Она не могла думать о том, что могло случиться с Лиамом. Не сейчас.

Ханна должна защитить себя и своего ребенка. Ханна и Призрак.

Она достала пистолет из кармана и в последний раз посмотрела на свою малышку.

— Я люблю тебя, милая девочка, — прошептала она. — Спи, и не просыпайся, пока не будет безопасно. Что бы ни случилось, не просыпайся.

Глава 14

Пайк

День двадцать первый

Пайк обогнул дом.

Ветер свистел в хрупких, лишенных листьев ветвях. Кристаллы льда били ему в лицо, словно тысячи крошечных булавочных уколов. Его ноги и руки онемели.

Он барахтался в глубоком снегу. Пошатываясь и оступаясь, Пайк держался за раненый бок. Между пальцев медленно вытекала кровь. Внешняя сторона его правого бедра горела, словно кто-то прижимал к ней раскаленную кочергу.

Два пулевых ранения. В него стреляли дважды, но он все еще шел.

Адреналин не давал боли захлестнуть его. Сила воли помогла ему держаться на ногах.

Его не волновали ранения. Ему плевать на все это. Кровь остановится. Раны заживут, как и любые другие, которые он получал до этого.

Боль лишь отвлекающий маневр, который он давно научился побеждать.

В бурю он едва смог проследить за следами, ведущими к дому. К счастью, следы Лиама оказались глубокими. Он был крупным мужчиной. Теперь он мертвец.

Все прошло не так, как представлял себе Пайк. Как он фантазировал несколько дней, несколько недель.

Неважно.

Он был охотником. Охотники умели приспособливаться. Быть гибкими. Они подстраивались на лету, пересматривая любой план действий по мере необходимости.

Лиам больше не представлял угрозы. Вот что важно. Именно это имело значение.

Солдат больше не стоял между Пайком и девушкой.

Она сидела в доме. Одна, если бы не эта проклятая собака.

Он слышал лай зверя за воем ветра и скрипом деревьев. Пес будет проблемой.

Никогда еще он так остро не желал иметь оружие. «Смит и Вессон», в котором не осталось патронов, превратился в бесполезный кусок металла. Он выбросил его в сугроб.

Пайк найдет выход. Он всегда находил выход.

Он продолжил осмотр дома. Пробираясь по снегу, тщательно и тихо проверял каждую дверь и окно на нижнем уровне.

Раздвижная стеклянная дверь была заколочена фанерой. Окна не поддавались. Солдат забил их деревянными клиньями.

Даже если бы он разбил окно, он не смог бы открыть раму. А зазубренное стекло не позволяло забраться внутрь без дополнительных травм.

Конструктивно дверь гаража представляла собой самую слабую часть дома. Проникнув через дверь гаража, он мог укрыться от жестокого ветра и не спеша взломать дверь внутрь.

В начале недели он раздобыл в одном из соседних домов обрезки бруса 2 на 4 и проволочную вешалку для одежды и переделал их под свои нужды. Он выпрямил вешалку и придал одному концу форму крючка.

Пайк вставил деревянный брусок в пространство между верхней частью двери гаража и рамой, создав двухдюймовый зазор. Через тонкий зазор между верхней частью гаражной двери и рамой он просунул конец крюка и просунул его внутрь.

Потребовалась минута, чтобы нащупать крючком аварийный предохранитель двери гаража. Он зацепил крючок и уверенно потянул вниз. Дверь освободилась от каретки, так что ему оставалось только ухватить ее снизу и открыть.

Даже если бы он не смог дотянуться до этого приспособления, крюк мог бы зацепиться за ручку на конце шнура, свисающего с рычага, и отключить деблокировку таким образом.

Меньше минуты, и он попал внутрь. В более благоприятных погодных условиях он проник бы внутрь гаража менее чем за десять секунд.

В большинстве гаражей имелся такой недостаток в системе безопасности. Этот ничем не отличался.

Его всегда удивляло, как мало людей задумываются о безопасности своего гаража. Как легко воры могут проникнуть в гараж, чтобы разграбить его содержимое или, что еще хуже, иметь все время в мире, чтобы взломать замок наружной двери, незаметно для соседей или соглядатаев, и попасть в дом.

Пайк отбросил снег, налипший на дверь гаража, и поморщился от боли, пронзившей бок и бедро. Ветер бил его, едва не сшибая с ног. В ушах стоял непрекращающийся лай собаки.

С усилием открыв хлипкую алюминиевую дверь настолько, чтобы проскользнуть под ней, он забрался внутрь. Снег пробрался под горловину его куртки и струйками стекал по спине, пока он скатывался под дверь в гараж.

Пайк резко вдохнул. Воздух здесь был холодным и спертым. Буря бушевала снаружи, а не здесь. Он моргнул, приспособив глаза к скудному серому свету, льющемуся из открытой двери гаража и единственного окна с левой стороны.

На ноги он поднялся медленнее, чем хотел. Огнестрельные ранения и изнурительный поход по глубокому снегу истощили его силы больше, чем Пайк готов был признать.

Его легкие горели от желания выкурить сигарету с гвоздикой, чтобы успокоить нервы, но он не желал тратить на это время. Он уже близко. Совсем близко.

Он помедлил, рассматривая окружающую обстановку. Перед ним по обе стороны гаража стояли седан и громоздкий золотистый внедорожник. Вдоль задней стены тянулся ряд из трех высоких металлических полок, заваленных хламом: ящиками и коробками, лопатами, граблями, инструментами, снегоуборщиком и бензопилой.

Справа от него находилась боковая входная дверь. Сразу за дверью у стены высился морозильный ларь. Рядом с ним стояла ручная косилка.

Бешеный лай собаки становился все громче. Раздался стук. Потом еще один. Дверь содрогнулась в своей раме.

Беззвучно ругаясь, Пайк двинулся к полкам сзади. Он попробовал бензопилу. Это заставит тупое животное замолчать.

Бензин кончился или ЭМИ вывело ее из строя? В любом случае, она не завелась.

Он осмотрел полки, ища что-нибудь получше. Его выбор пал на садовую лопату. Рукоятка была прочной, стальное лезвие сужалось к заточенному острию, а небольшая длина позволяла размахивать ею как дубиной.

С лопатой в руках он подошел к боковой двери, поставил ее и осмотрел замок.

Замок наружной двери оказался простым штифтовым тумблерным механизмом. У нее даже не имелось засова. Он молча порадовался своей удаче. Как раз вовремя все складывалось в его пользу.

Взломать замок оказалось несложно, хотя взбешенная собака с другой стороны, мягко говоря, смущала.

Пес чуял Пайка, чувствовал его так же, как Пайк чувствовал близость Ханны.

Когти царапали металл. Он бросался на дверь, сотрясая ее раму.

Пайк повернул замок и поднял лопату. Выдержал паузу. Его сердцебиение участилось, во рту пересохло от предвкушения. В нем пульсировало нетерпение. Темное возбуждение.

Сделай он все правильно, и окажется в нескольких секундах от Ханны. В нескольких секундах от того, чтобы провести с ней все время в мире.

Когда настал подходящий момент, он повернул ручку и изо всех сил ударил ногой в дверь. Как он и ожидал, дверь врезалась в собаку.

Зверь жалобно заскулил. Пес замешкался, качая головой, на мгновение ошеломленный.

Пайк схватил ручку лопаты обеими руками и с размаху обрушил ее на голову собаки.

В последнюю секунду зверь метнулся в сторону. Лопата промахнулась мимо черепа и ударила в мощное плечо. Удар прошелся по черенку и выбил рукоятку из рук Пайка.

Псина врезалась боком в дверной проем. На ноги она поднялась быстрее, чем Пайк ожидал. Пес свирепо зарычал, черные щеки отвисли, обнажив острые белые зубы.

Огромная собака заполнила дверной проем, оскалив клыки и рыча от ярости. Воспоминание пронзило его — библиотека, нависший над ним зверь, злобно целившийся в горло.

Пайк попятился назад. Он крутанулся и бросился бежать.

Обогнув задний бампер седана, он помчался так быстро, как только могли нести его ноги. Он почти не чувствовал режущей боли в боку и жжения в бедре.

С рычанием собака последовала за ним.

Пайк миновал заднюю часть седана и побежал по центру между двумя машинами. Его правая нога подкосилась, и он сильно ударился о борт седана. Свежий адреналин хлынул в него.

Прихрамывая, он двинулся вперед, ухватился за зеркало со стороны водителя и подтащил себя. Ему нужно сохранить автомобиль между собой и собакой достаточно долго, чтобы уйти. Ему не хватало всего нескольких секунд.

Зверь преследовал его, лаял и рычал. Животное поскользнулось, огибая заднюю часть автомобиля, лапы заскребли по полу и врезались в заднее крыло внедорожника.

Но собака с рекордной быстротой вскочила на лапы и снова бросилась на него.

Пайк, ковыляя, добрался до передней части машины. Он добежал до металлических стеллажей, схватился обеими руками за ближайший и рывком откинул его назад. Стеллаж покачнулся, а затем с грохотом упал.

Пайк рванул в сторону и проскочил под ним, оказавшись справа от седана, когда полка рухнула позади него — прямо на собаку.

От неожиданности и боли пес взвизгнул.

Пайк не потрудился оглянуться. Он миновал машину и бросился к открытой боковой двери.

Металл скрежетал о бетон. Предметы звенели и стучали о пол гаража. Собака лаяла в ярости.

Пайк не рискнул оглянуться, но он мог представить, как животное скребет когтями и вылезает из-под опрокинутой полки, пытаясь освободиться.

Пайк подошел к двери. Позади него, всего в нескольких футах, копошилась собака, готовая наброситься.

Пайк нырнул внутрь. Он повернулся, нащупывая ручку, и захлопнул дверь.

Собака врезалась в нее. Дверь содрогнулась. Гулкий стук отдавался в ушах Пайка.

Прижимая руку к окровавленному боку и тяжело дыша, Пайк сделал шаг назад в затемненный коридор.

Пес залаял в яростном негодовании. Он снова и снова бросался на дверь.

Глупое животное. Собаки должны быть умными и преданными. Эта оказалась совершенно бесполезной. Пайку давно следовало ее усыпить.

Свободной рукой он достал зажигалку «Зиппо» и направился на кухню в поисках ножа. Щелк, щелк, щелк.

Как успокаивающе звучал этот звук. Как приятно.

Несмотря на боль, несмотря на тянущую усталость, Пайк улыбнулся.

Он вернется, чтобы прикончить эту никчемную шавку позже.

Сейчас, однако, пришло время Ханны.

Глава 15

Ханна

День двадцать первый

Ханна встретила Пайка в коридоре.

Она услышала лай Призрака из другой части дома. Он по-прежнему жив, но каким-то образом оказался в ловушке. Он не мог добраться до нее.

В глубине души она поняла. Она осталась одна.

Страх сотрясал все ее тело. Сжимающий нутро ужас, словно поезд, несущийся на нее, ослепляющий резкий свет, заполняющий ее зрение.

Некуда идти. Некуда бежать.

Ее язык распух, рот наполнился желчью. Часть ее самой грозила провалиться во тьму. Ханна боролась с этим всем, что в ней сидело.

Она преодолела слишком многое, чтобы позволить страху управлять ею сейчас.

Ноги стали словно бетонные, когда она заставила себя выйти из фиолетовой спальни, где спрятала Шарлотту. Ханна прошла по длинному коридору к лестнице, затем спустилась в более короткий коридор, который вел в гостиную и кухню.

Каждый шаг, приближавший ее к Пайку, ощущался как предательство. Все ее существо кричало, чтобы она бежала, пряталась.

Двумя дрожащими руками она держала пистолет. Приклад располагался в изгибе ее большой руки, как учил ее Лиам.

Предохранитель снят. Магазин на семь патронов полон, в патроннике еще один патрон.

Этот пистолет ей подарила Сиси. Сиси, дерзкая старуха, оказавшая им помощь, подружившаяся с ними, только для того, чтобы быть убитой этим монстром. Тем самым монстром, который нашел ее здесь, вторгся в ее убежище и угрожал всему, что Ханна любила.

Она сделала последний шаг, вошла в короткий коридор и осторожно двинулась к гостиной. Пистолет держала высоко. Ее носки скользили по деревянному полу. Дыхание казалось слишком громким, пульс гулко отдавался в ушах.

Сперва она услышала это.

Щелк, щелк, щелк.

Ужас заморозил ее на месте.

Щелк, щелк, щелк.

Запах гвоздики ужалил ее ноздри.

В центре гостиной стоял Пайк.

Их разделяло десять футов. В неярком свете его силуэт резко выделялся. Наваждение, демон из ада.

Тем не менее, она сразу же узнала его. Его форму. Его запах. Его звук.

Он увидел ее и улыбнулся. Этот красный рот. Эти мертвые глаза.

— Ханна, Ханна, Ханна.

Ханна не могла пошевелиться.

Пайк сунул зажигалку в карман куртки. В другой руке он держал кухонный нож. Длинное, острое лезвие сверкало в свете огня.

— Прошло слишком много времени, тебе не кажется?

Она забыла слова. Забыла, как говорить. Забыла все, кроме страха.

Его взгляд переместился на оружие в ее руках.

— Что ты собираешься с ним делать? Мы оба помним, что случилось в прошлый раз. Это бесполезно с твоей искалеченной рукой. Почему бы тебе не опустить его? Борьба бесполезна. Ты знаешь это. Ты всегда это знала.

Ее поврежденная рука болела. Ее руки казались невероятно тяжелыми. Ее палец скользил по курку и дрожал.

Ханне удалось поднять «Ругер» так, что он оказался на одном уровне с головой Пайка, и она судорожно пыталась вспомнить все, чему учил ее Лиам. Поставить ноги. Выпрямить руки. Прицелиться.

— Давайте, наконец, покончим с этим, да? — Он сделал шаг к ней, ужасная улыбка все еще красовалась на его лице. — Опустить его, маленькая мышка.

— Я не мышка, — процедила Ханна.

Она нажала на спусковой крючок.

Пистолет дрогнул в ее руках. Выстрел разорвался в тесном помещении дома. Сотрясающий звук оглушил ее, зазвенел в ушах. Она моргнула, пытаясь перефокусироваться.

Пайк попятился назад.

Ханна не знала, попала ли она в него. Она еще дважды быстро нажала на курок. Пистолет дернулся, взрывы прогремели в ее ушах.

Она сделала шаг вперед. Выстрелила. Затем еще один шаг. Снова выстрел.

Ханна понятия не имела, стреляет ли она туда, куда целится. Ее сердце бешено билось крыльями о ребра. Адреналин переполнял ее. Трудно было видеть ясно, думать, сосредоточиться.

Она не привыкла к этому. Не тренировалась для этого.

Ее тренировки мало что значили в самый ответственный момент, когда паника дышала ей в затылок и все ставилось на карту.

Пайк попятился назад. Он схватился за левое плечо рукой с ножом. Его лицо исказилось в гримасе ярости и боли.

Она выстрелила еще раз, когда он повернулся и скрылся в глубине гостиной.

Она не позволит ему уйти. Только не снова. На дрожащих ногах Ханна последовала за ним.

В бешенстве осмотрела комнату. Два дивана и журнальный столик, придвинутые к дальней стене. Ее матрас с фиолетовыми простынями принцессы в центре комнаты. Огонь в камине потрескивал и шипел.

Когда она вышла из коридора, из-за стены гостиной появился Пайк. Он бросился на нее. Он зашел низко, под ее линией огня, делая выпад в сторону ее ног.

Паника охватила Ханну. Она нажала на спусковой крючок один, два раза. Бум! Бум!

Пайк выругался и бросился на пол.

Она прицелилась и выстрелила. «Ругер» щелкнул. Патронник был пуст.

Пайк стоял на четвереньках. В шести-семи футах от него. Тяжело дыша. Кровь залила его левое плечо, стекала по руке. Двухдюймовая рана на его куртке.

Пуля прошла навывлет. Достаточно, чтобы причинить боль, но недостаточно, чтобы нанести серьезный ущерб.

Рефлекторно Ханна снова нажала на курок. Щелк.

У нее не нашлось другого заряженного магазина. Она знала, где Лиам хранит еще патроны, но перезарядка с ее бесполезной рукой заняла бы слишком много времени. Пистолет в ее руке стал для нее таким же бесполезным.

Она слышала неистовый лай Призрака. Слышала грохот своего сердца в ушах, чувствовала, как оно колотится в груди.

Этого не могло быть. Она и ее худший кошмар находились в одной комнате, дышали одним воздухом. И у нее нет ничего, чем можно защититься.

Пайк медленно поднялся на ноги. Он отряхнулся и проверил плечо.

Ханна не могла двигаться, не могла дышать; ее ноги приросли к полу.

Пайк посмотрел на нее. Он все еще держал нож в руке. Он корчился от боли, но в его глазах горел темный огонь.

— Теперь тебе остается только бежать.

Глава 16

Ханна

День двадцать первый

Ханна побежала.

Пайк стоял прямо перед ней, загораживая выход. Все двери и окна были заблокированы. Потребуется время, чтобы их открыть. Время, которого у нее нет.

Некогда думать, некогда разработать план.

Она крутанулась и, спотыкаясь, побежала к лестнице. Ее мысли путались. Паника превратила ее мозг в кашу.

На не твердых ногах она преодолела короткий коридор и поднялась по ступенькам, держась за перила влажными ладонями, ее носки скользили по твердому дереву.

Пайк поднимался за ней, ругаясь.

Ханна добралась до верха лестницы и помчалась по узкому коридору. Справа — ванная комната для гостей, слева — две комнаты для маленьких девочек. Первая — розовая, вторая — фиолетовая.

В фиолетовой комнате спала Шарлотта — мирная, невинная и совершенно не замечающая, что за ней охотится тьма. Ханна миновала ее.

Она должна держать Пайка подальше от фиолетовой спальни, подальше от своей дочери.

Единственной связной мыслью в ее голове оставалась отчаянная молитва. «Спи. Пожалуйста, дорогой Бог, пусть она спит».

Это, и еще: «Помоги сбежать. Найти выход. Спасти. Остановить его».

Ханна добежала до конца коридора. Оставалось только одно направление. Она свернула прямо в спальню. Ее носки заскользили по полу, и она врезалась в дверь.

За спиной она услышала его ворчание. Пайк только что добрался до верха лестницы.

Захлопнув дверь, Ханна нащупала замок. Надолго он не задержит. Двери были даже не из настоящего дерева; замки с ручками выглядели хлипкими.

Ее безумный взгляд скользил по затемненной комнате, по фигурам, вырисовывающимся из тени. Массивная кровать, зеркало на одной стене, два комода, заставленные рамками с фотографиями.

Она бросилась за высокий комод рядом с дверью и со всей силы толкнула его. Он покачнулся на своих приземистых ножках.

Дверная ручка дребезжала. Пайк ударил кулаком в дверь.

— Открывай, черт возьми, Ханна!

Она дышала с трудом. В боку заныло. Ее живот, все ее тело болело в знак протеста. Она родила неделю назад. Она не в форме, все еще восстанавливается.

С отчаянным криком Ханна опустила плечо и снова врезалась в комод. На этот раз он наклонился. Она перевернула его на бок и придвинула к двери, в то время как Пайк врезался в нее с противоположной стороны.

Даже это дало бы ей всего несколько драгоценных секунд.

Она повернулась и снова осмотрела комнату. Две тумбочки по обе стороны кровати. На тумбочках стояли две маленькие лампы.

Ее мысли метались беспорядочно и неистово. Ханна не могла думать.

Может ли она ударить его по голове основанием лампы? Возможно. Но лампы маленькие, их основания выглядели хрупкими.

Она побежала вдоль кровати, добежала до ближайшей тумбочки и схватила лампу своей здоровой рукой. Потянула за нее. Стоило ей отбежать на несколько метров, лампа в ее руках дернулась.

Шнур застрял между тумбочкой и стеной. Он зацепился. Ханна нащупала тумбочку, попыталась сдвинуть ее больной рукой. Получилось сдвинулась на несколько дюймов.

Она проглотила стон отчаяния и мощным рывком опрокинула тумбочку. Выдернула шнур из стены.

Только тогда она поняла, насколько легкой оказалась лампа. Даже не настоящая металлическая. Какая-то подделка из композитных материалов из «Хобби Лобби». Это его даже не оглушит.

Дверь спальни тряслась и дребезжала. Постоянный стук, стук, стук, когда Пайк раскачивал дверь все шире и шире. Он окажется внутри через несколько секунд.

Ханне не стоило и пытаться вырвать у него нож или ударить его по голове чем-то, чего все равно не хватит, чтобы его вырубить.

Не с ее одеревеневшей рукой. Не в ее ослабленном состоянии. Не со слепым ужасом, пронизывающим каждую клеточку ее тела.

Она уронила лампу и бросилась в ванную комнату.

Одним взглядом окинула комнату. Ханна уже знала, где что находится. Только вчера она мыла здесь волосы.

Душевая кабинка справа от нее, туалет в собственной крошечной комнатке чуть дальше, двойное трюмо, заставленное средствами для волос, и огромное настенное зеркало прямо впереди, огромная ванна и шкаф слева.

Ханна присела под раковиной и открыла дверцу шкафа. Ножницы для волос, которые она использовала для стрижки. Вот что ей нужно.

Ее руки занемели и дрожали так сильно, что она с трудом открыла дверцу. Ножницы лежали в черном пластиковом футляре, спрятанном в глубине шкафа.

Ужас сделал ее неуклюжей. Каждое движение давалось медленно, отрывисто и не согласованно. Дрожащей, искалеченной рукой никак не получалось открыть этот чертов футляр.

Дверь спальни с грохотом распахнулась.

Время замедлилось.

Она слышала каждый звук. Призрак лаял внизу. Ветер стонал, деревья стучали, задевая дом.

Пайк шел к ней через спальню. Его шаги скрипели при каждом движении.

Она слышала его дыхание. Запах крови и гвоздики.

Пайк рывком открыл дверь ванной. Ханна мельком увидела его отражение в зеркале. Его фигура представляла собой темную массу, глаза — черные дыры.

Слишком поздно для ножниц. Слишком поздно для всего.

Ханна поднялась на ноги. Ее сердце бешено колотилось в груди.

Она схватила с полки баллончик с лаком для волос, развернула его и нажала на сопло. Распылила лак прямо ему в глаза.

Пайк закричал от боли.

Ханна пронеслась мимо него. Выскочила из ванной, промчалась через спальню и направилась в коридор.

Страх подгонял Ханну. Она не думала, не планировала. Просто превратилась в убегающего зверя, ничем, кроме паники и инстинкта, не руководствуясь.

Пронеслась по коридору и чуть не упала с лестницы. Последние несколько ступенек Ханна преодолела на заднице и снова вскочила на ноги, спотыкаясь, направилась через гостиную на кухню.

Бешеный лай Призрака становился все громче. Боковая дверь в гараж. Если она сможет добраться до нее, то выпустит Призрака...

— Ханна! — голос Пайка разнесся по дому.

Он находился прямо за ней, слишком близко. Уже бежал вниз по лестнице. Почти ее настиг.

— Я иду за тобой, маленькая шлюшка!

Ханна нащупала дверную ручку и рывком распахнула дверь. Бросилась в дверной проем, сделала шаг и упала в пустоту.

Ее колени подкосились, а ноги ударились о неровный пол. Сильный удар отдался в подошвы ног и позвоночник.

Она чуть не упала лицом вниз с лестницы.

Ханна скользила, спотыкалась, падала. Она размахивала руками, пытаясь найти опору. Больная рука ударилась о стену. Зато здоровой рукой она ухватилась за что-то круглое и гладкое. Перила. Ханна рывком остановилась почти на полпути вниз на узкой деревянной лестнице.

Лодыжки болели. Колени болели. В животе что-то кольнуло. Она почти ничего не почувствовала.

Сначала ее поразил запах. Запах земли, сырого бетона и затхлых старых вещей, как

воздух из могилы. Как будто несвежие призраки собираются вырваться на свободу.

Ужас наполнил Ханну.

В панике она открыла не ту дверь. Она оказалась не в гараже.

Ханна снова очутилась в подвале.

Глава 17

Ханна

День двадцать первый

Истошный вопль готов был сорваться с губ Ханна.

На самом деле это другой подвал.

Но это не имело значения. В ее нервном ужасе Ханне казалось, что это одно и то же.

Скрип над ней. Его тяжелые ботинки. Она чувствовала его, как холодный сквозняк, проникающий сквозь половицы, и колючий ужас в основании ее черепа.

Волна темноты, грозящая ее захлестнуть.

Последние три недели испарились в мгновение ока. Прошлое нахлынуло с новой силой. Она снова в подвале. В том самом подвале, в котором просыпалась каждый день на протяжении пяти бесконечных лет.

Ее тюрьма. Ловушка, которая поймала ее, вырвала из жизни, из семьи, из внешнего мира. Она поглотила ее, как могила.

Слепой страх овладел Ханной. Единственная мысль — спрятаться.

Ухватившись за перила для равновесия, едва видя сквозь ужас, она сбежала вниз по оставшимся ступенькам.

Вниз, вниз, в подвал.

Вниз, в яму ее худших кошмаров.

Два узких окна давали тусклый свет. На полу застыла грязь. Вонь червей и гнили. Паутина и грубые каменные стены. Все холодное и сырое.

Толстые пыльные балки ручной рубки пересекали низкий потолок. Огромная печь в дальнем углу.

Стопки и штабеля картонных коробок высотой выше ее головы. Старые расшатанные полки, заставленные мутными банками, ржавеющими металлическими инструментами, безделушками и хламом.

На другой стороне подвала она увидела пару наклонных дверей, как в «Волшебнике страны Оз». Двери фирмы «Билко», но слишком высоко, чтобы она могла до них дотянуться.

Ее взгляд зацепился за печь в углу. Печка стояла в нише, погруженной в тень.

За печью, в глубине алькова, находилось подпольное пространство. Высотой не более двух футов, оно уходило слишком далеко назад, чтобы видеть заднюю стену.

Там была темнота и паутина. Грязь и гниющие балки.

Укрытие.

Ботинки Пайка топали по лестнице в подвал.

Хромая, Ханна зашаркала по грязному полу к печи. Прижалась к каменной стене и протиснулась в узкое пространство между стеной и печью, задерживая дыхание, втягивая все еще вздувшийся живот, представляя, как многоножки и пауки падают ей на волосы, на лицо.

Вонь жира и грязи проникла в ее ноздри. Она пробиралась мимо труб, проводов и тусклых металлических фигур, пока не достигла проема в нижней части стены.

Она не могла его увидеть, только почувствовать пальцами.

Ханна присела, чтобы оказаться достаточно низко. Сжалась и опустила на живот. Опираясь локтями на твердую грязь, она двинулась вперед, протискивая свое тело в неглубокое пространство ползком.

Ее толстовка зацепилась за что-то, и она потянулась назад, чтобы стянуть ее. Ее рука едва могла пролезть рядом с туловищем. Она забралась в тесную щель так глубоко, как только могла.

Ханна едва могла двигаться. Грязь давила на ее живот, ноги, грудь и лицо. Вес всего дома давил на нее.

Шаги по мусору. Медленные, затихающие, но все равно приближающиеся, все равно неумолимые.

Они остановились в нескольких футах от печи.

— Так, так, — проговорил Пайк. — И вот мы снова здесь.

Она задержала дыхание. Запах железа. Медный привкус крови в задней части ее горла.

— Ты подстрелила меня, знаешь. Всего лишь рана. Довольно жалко, правда. А вот лак для волос... — Он крепко выругался. — Ты чуть не ослепила меня, маленькая мышка. Мои глаза до сих пор болят. Держу пари, ты этим гордишься. Уверен, ты думаешь, что сопротивление делает тебя особенной?

Ужас прокатился по ее венам. Ханна зажмурила глаза.

— Ну, ты не особенная. Ты — ничто. Ты всегда была никем. Мне не следовало оставлять тебя в живых так долго.

Пыль забивала ей ноздри и раздражала горло при каждом неглубоком вдохе. Ей потребовалось все силы, чтобы не чихнуть. Ее глаза слезились.

— Выходи! — Его голос ожесточился. — Ты думаешь, я не найду тебя? Думаешь, в этом обреченном мире есть место, где я не смогу до тебя добраться? Тебе некуда бежать. Тебе негде спрятаться.

Все ее тело дрожало. Темнота мерцала перед глазами, угрожая снова забрать в небытие. Ей нечего считать, не на что опереться.

— Твой солдат мертв, ты знаешь.

Горе смешалось со страхом. Она не позволяла себе думать об этом. Теперь они обрушились на нее.

Лиам, одиночка, которого преследовали потери и тайны. Лиам, храбрый, опытный солдат. Лиам, который решил спасти ее, который рисковал своей жизнью ради Ханна.

— Я убил его. Уверен, ты это знаешь. Ему не обязательно было умирать. Но он хотел спасти тебя. Он встал между нами. Сунул свой нос в дела, которые его не касаются.

Она подавила вскрик.

— Интересно, жалел ли он о том, что помог тебе, когда делал последние вздохи? Как считаешь? Я думаю, да. Конечно, он мне не сказал. — Пайк усмехнулся. — Вообще-то, он почти ничего не сказал.

Может быть, Пайк лгал. Может быть, это уловка, чтобы задеть ее. Чтобы заставить поддаться отчаянию и выйти. И ведь получилось. Отчаяние тянулось к ней, угрожая захлестнуть Ханну.

«Не похоже на ложь. Он здесь, а Лиама нет».

— Как насчет такого. Я предложу тебе сделку. — Он сделал паузу. — Отдай мне моего ребенка, и я оставлю тебя в живых.

Ханна не двигалась. Не дышала. Ее сердце забыло, как биться.

— Не думай, что я не заметил под этой мешковатой толстовкой. Ребенок. Ты его родила.

Часть ее отчаянно хотела верить, что он не поймет, что она родила ребенка. Что он даже не подумает ее искать. Как же она ошибалась.

— Последним был мальчик. Интересно... ты подарила мне сына... или дочь?

Она могла скрываться здесь. Часами. Даже днями. Он бы никогда ее не нашел. Даже если бы нашел, он не смог бы до нее добраться. Она надежно защищена от него.

Шарлотта — нет.

Ее малышка. Ее ребенок. Ее ответственность.

В страхе она бежала вместо того, чтобы сражаться. Возможно, прятки сохранили бы ей жизнь, но не защитили бы ее ребенка.

Никто не мог защитить Шарлотту. Никто, кроме Ханны.

— Оставайся здесь и прячься, как маленькая мышка, кем ты и осталась, Ханна, — продолжал Пайк. — Ты напугана и кротка? Такая же, какой всегда была. Несколько недель под солнцем не изменят твою сущность. Вот почему я выбрал тебя!

Она ненавидела свое трепещущее, предательское сердце. Презирала страх, сжимавший ее как тиски, панику, которая затуманивала мысли и лишала решимости.

Ханна пыталась сопротивляться. Она думала, что ей становится лучше. Она стала сильнее.

Что, если это не так? Что, если она уже потерпела неудачу?

Глава 18

Ханна

День двадцать первый

— Я знаю тебя, — заявил Пайк. — Я понимаю тебя! Лучше, чем кто-либо. Лучше, чем тот солдат. Лучше, чем твой муж. Лучше, чем твой сын... Майло.

При упоминании имени сына Ханна резко вдохнула.

Она почувствовала, как Пайк оживился. Почувствовала, как его внимание притягивается к ней, словно магнитом.

— А. Тебе это не понравилось, да?

Ханна прикусила язык, пока не почувствовала вкус крови.

— Милый маленький Майло, с такими темными глазами и темными кудряшками. Он станет настоящим дамским угодником, если вырастет.

Она почувствовала, что Пайк уходит, по отдаляющемуся голосу и глухим шагам.

— Я могу убить все, что ты любишь, Ханна. Мне не нужно прикасаться к тебе, чтобы причинить боль. Твой солдатик уже мертв. Эта чертова собака — следующая в моем списке.

Сквозь половицы донесся тихий плач. Характерный плач новорожденного.

Даже в подвале, даже за непрекращающимся лаем Призрака, звук легко узнаваем.

Сердце Ханны заколотилось в груди. Ужас, которого она никогда не испытывала, овладел ею.

— Ах! Вот оно что, — воскликнул Пайк. — Знаешь, может быть, я оставлю тебя здесь гнить. Может быть, сначала убью твоего ребенка, а потом вернусь за тобой. Может быть, ты должна умереть, зная, что его кровь на твоих руках. Так? А может... я отвезу его в Фолл-Крик. Я ведь бывал там все это время. Жил и работал рядом с Ноа. Смотрела, как Майлс растет. Он даже ужинал в доме моей матери. Ты знал об этом?

В груди Ханны зародился гнев. Ярость смешалась со страхом, горем и ужасом. Этот человек украл у нее все. Ее семью. Ее сына. Ее детей.

Майло и Шарлотта. Две камеры ее сердца, бьющиеся в унисон.

Она прожила пять мучительных лет ради своего сына. Для своей дочери она вернулась к жизни.

Ханна не для этого сбежала из своей подвальной тюрьмы. Она не для этого истекала кровью, не для этого боролась, не для этого пробивала себе дорогу в реальность.

Нельзя трусить в темноте. Страх не властен над ней. Она не позволит никому разрушить все, что она любила.

В конце концов, Пайк ведь только человек. Мужчина. Плоть и кровь. А не всемогущим демоном, которого невозможно победить.

Она уже заставила его истекать кровью. Она может сделать это снова.

— Последний шанс, Ханна.

Его прихрамывающие шаги затихали. Он направлялся к лестнице. Направлялся к Призраку и к Шарлотте.

Сердце Ханны едва не разорвалось в груди. Потолок подвального помещения давил на нее, тысячи тонн давили на нее. Вынуждая оставаться на месте, оставаться в ловушке.

Она все равно двигалась.

Ханна пятилась. Медленно, осторожно. Грязь и пыль щипали нос, зудели в горле, осыпались на губы. Бетон скребся о ее бока и спину.

Она толкалась, ползла и боролась, выбираясь из замкнутого пространства, ногами вперед. В узкой нише между печью и стеной она встала на колени, а затем, опираясь на стену, поднялась на ноги.

Ханна покрылась грязью, в волосах запутались паутины. Она не потрудилась их смахнуть.

Настоятельная необходимость подстегивала Ханну. Она должна добраться до Пайка до того, как он поднимется по лестнице. Она должна его остановить.

Она больше не бежала. Она шла к нему.

Несмотря на страх. Несмотря на ее деформированную, искалеченную руку.

Она будет бороться, даже если останется совсем одна. Она готова защищать тех, кого любила, каждой каплей крови, которая осталась в ее теле.

— Пайк! — крикнула Ханна. Ее голос звучал хрипло, в горле першило. Она толкалась и протискивалась сквозь путаницу проводов и труб. Острые предметы царапали и кололи ее. Она едва замечала. — Я здесь!

Она вышла из-за алькова.

Тусклый свет из узких окон отбрасывал на комнату неверные тени. Она привыкла к темноте. Она прекрасно видела.

Пайк стоял на полпути вверх по лестнице, одной рукой держась за перила, другой — за кухонный нож. Он остановился, услышав ее голос.

Повернулся к ней с изумленным выражением лица. Он не ожидал, что она выйдет.

Ханна сделала шаг к Пайку. Ноги дрожали, но не подводили ее. Она сделала еще один шаг.

— Вот она я.

В его глазах появился предвкушающий блеск. Этот взгляд жестокого удовольствия она так ясно помнила, когда он ломал ей пальцы. Когда он ее мучил.

Она не струсилась от этого воспоминания. Она просто его оттолкнула. Сосредоточилась на его прищуренных, покрасневших, слезящихся глазах, на красном пятне на его плече.

Она сделала это. Она причинила ему боль.

Он всего лишь мужчина.

Она вспомнила, кто она теперь. Она вспомнила, что забыла.

Ханна засунула руки в передний карман толстовки, подняла подбородок и направилась к нему.

— Я та, кто тебе нужен.

Он тяжело спускался по лестнице ей навстречу. Его походка была неровной. Медленнее, чем она ожидала. Кровь еще больше залила его ногу. Большое алое пятно запятнало правую сторону его зимней куртки

Возможно, она ранила его два или три раза. А может, Лиам сумел в него попасть. В любом случае, Пайк пострадал и ему сейчас больно. Больше, чем она думала.

Он остановился у подножия лестницы.

— Вынь руку из кармана. Никаких шуток, живо.

Она остановилась в футе от него. В пределах досягаемости его ножа. Он блестел в бледном свете. Пайк держал его низко и свободно. Он её не боялся. Он не хотел торопиться.

Ханна слышала плач своего ребенка. Слышала лай Призрака. Ее собственное неровное дыхание.

Она оторвала взгляд от лезвия и перевела его на Пайка. Достала правую руку, раскрыла пальцы, показывая ему, что она безобидна.

— Я та, кто тебе нужен, — повторила Ханна. — Возьми только меня.

Пайк посмотрел на нее.

— О, обязательно. Я мечтал об этом моменте. А ты? Я знаю, что мечтала. Знаю, что ты думала об этом так же, как и я.

Ее левая рука оставалась в кармане толстовки. В слепой панике Ханна забыла о ней, как и о себе. Теперь вот вспомнила.

Он наклонился ближе. Его дыхание коснулось ее лица, красный рот ухмылялся.

— Знаешь, я все равно заберу ребенка. Девочка или мальчик, это мое. Принадлежит мне. Так же, как и ты. Так же, как...

Ханна сомкнула изуродованные пальцы на рукоятке перочинного ножа. Болезненно, неловко, но они сжались. Скрученные, шишковатые пальцы, сломанные снова и снова.

Она достаточно их тренировала. Старалась ради этого.

Ханна вынула нож, открыв его мучительным движением большого пальца.

Пайк даже не взглянул вниз. Он совершенно не опасался женщины, которую уже сломал.

Искаленной рукой Ханна вонзила нож Пайку в живот.

Глава 19

Ханна

День двадцать первый

Четырехдюймовое лезвие повернулось под углом и вонзилось сквозь куртку Пайка в его живот до самой рукояти. Кровь хлынула на искореженные пальцы Ханна. Ее рука соскользнула с рукоятки.

Пайк изумленно вскрикнул. Он уставился на нож, застрявший у него в животе, и

разинул рот.

Прежде чем он успел прийти в себя, Ханна толкнула Пайка. Он ударился спиной о столб в нижней части лестницы и рухнул на колени. Кухонный нож выскользнул из его рук и упал на бетон.

Ханна бросилась вверх по лестнице. Ее ноги стучали по деревянным ступеням. Она схватилась рукой за перила и тянула себя вверх, к двери, к свободе.

Внизу Пайк застонал от боли и возмущения.

На вершине лестницы она открыла дверь в подвал. Взявшись одной рукой за ручку, задержалась на верхней ступеньке.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Ты умрешь здесь, в этом подвале.

Пайк уставился на нее. Его лицо исказилось наполовину в гримасе наполовину издевательски. Этот красный рот, который когда-то так ее страшил.

— Думаешь, сможешь убежать от меня... маленькая мышка? Ты думаешь... что можешь мне что-нибудь сделать?

Ханна ничего не ответила.

Пайк, пошатываясь, поднялся на ноги. Он тяжело дышал, пятно темной крови быстро расплзлось по его куртке. Дрожащими руками он вытащил перочинный нож и отбросил его в сторону. Схватился за окровавленный живот, тяжело раненный.

— Ты... не сможешь меня убить.

Ханна мрачно улыбнулась.

— А кто сказал, что это буду я?

Она сделала шаг в коридор. Вытерла окровавленные руки о штаны и взялась за ручку двери гаража. Распахнула ее настежь.

Ей не пришлось объяснять Призраку, что делать. Он и так знал.

Большой пиреней ворвался в дверной проем, одним прыжком пересек короткий холл и устремился вниз по лестнице.

Он кинулся на Пайка, сто сорок килограммов твердых мышц, сверкающих клыков и неумолимой ярости.

Пайк побледнел. Его лицо побелело.

— Стой! Назад! Стой! Слушайся, ты, глупый...!

Он так и не смог закончить предложение. Он едва успел поднять руки для самозащиты, как огромный пес кинулся на него.

С диким рычанием Призрак спрыгнул с половины лестницы и атаковал Пайка.

Пайк повалился назад, а Призрак набросился на него сверху, оскалив зубы, рыча и огрызаясь. Они с грохотом упали на пол. Пайк закричал, дико дергаясь.

Пес не колебался. Призрак сделал выпад. Его острые зубы вцепились в ткань на шее Пайка, разорвав ее, как папиросную бумагу. Он сомкнул свои мощные челюсти над яремной веной Пайка.

Пайк испустил неземной вой, который резко оборвался влажным бульканьем, когда Призрак разорвал ему горло.

Ханна прижалась к стене, слушая, как рвут и кромсают челюсти Призрака, слушая ужасные звуки умирающего в агонии человека.

Через несколько мгновений мучительные, булькающие стоны затихли.

Не осталось ничего, кроме тишины. Дом замер и ждал. Стены наблюдали.

Ханна вдохнула и выдохнула. Ее сердце колотилось в груди. На мгновение она посмотрела на свою окровавленную руку, как будто та ей не принадлежала.

Живая. Она жива.

Пайк, ее заклятый враг, ее монстр, наконец сдох.

Призрак — прекрасный, храбрый Призрак — восстановил справедливость для них обоих.

Глава 20

Ханна

День двадцать первый

Призрак скользил ногтями по бетонному полу. Он поднялся по ступенькам, слегка прихрамывая. Мокрая, залитая кровью морда ткнулась в большую руку Ханны.

Хотя это причиняло боль, она заставила свои деформированные пальцы двигаться. Зарылась ими в густой белый мех Призрака.

Ее ноги подкосились, и она опустилась на пол в нише между подвалом и гаражом. Прислонилась головой к стене.

Проходили минуты. Возможно, это были часы. Ханна дышала, просто дышала.

Наверху ее дочь перестала плакать. Должно быть, она снова уснула.

Она и правда в безопасности. Ханна защитила ее. Ханна и Призрак, вместе.

Призрак не отходил от нее. С тихим поскуливанием он плюхнулся ей на ноги, сто сорок фунтов безусловной любви и неизменного мужества.

Сердце Ханны сильно билось. Ей казалось, что оно может выскочить прямо из груди. Она погладила пса обеими дрожащими руками. Обхватила руками шею Призрака и прижалась щекой к его огромной голове.

— Я люблю тебя, ты ведь знаешь это, правда? Ты самый лучший пес на всем белом свете!

Призрак поднял морду и тихонько заскулил, как будто комплимент был так же очевиден, как нос на его морде.

— Обещаю, когда мир вернется к нормальной жизни, если это когда-нибудь произойдет, я буду должна тебе тачку, полную вяленой говядины. Ты попадешь в рай любителей вяленой говядины.

Призрак прижался головой к ее груди и замахал хвостом.

Наверху Шарлотта тихонько захныкала.

Ханна легонько толкнула Призрака.

— Пойдем к ней.

Призрак соскочил с ее ног. Она неуверенно поднялась на ноги. Он держался рядом, пока Ханна пробиралась из кухни в гостиную, а затем к лестнице.

Она поднималась по лестнице, Призрак шел рядом с ней. Не впереди или позади, а рядом. Он прильнул к ней, обеспечивая надежную поддержку, силу и комфорт. Как и всегда. Каким-то образом он чувствовал, что и когда ей нужно.

С каждым шагом Ханне становилось все легче. Тьма рассеивалась, как змеиная кожа. Она чувствовала, как сила возвращается в ее конечности, бодрость в ее душу.

Ханна бросилась по коридору, вошла в фиолетовую комнату и упала на колени перед комодом. Ее руки испачкались в крови, но ей все равно. Она выдвинула ящик, взяла малышку и прижала ее к груди.

Почувствовав запах матери, Шарлотта начала серьезно плакать.

— Я знаю, я знаю, — пропела Ханна. — Я здесь. Я здесь и никогда тебя не оставлю. Я обещаю, хорошо? Обещаю. Я здесь.

Призрак подошел и прикоснулся носом к щеке Шарлотты. Он обнюхал ее с головы до ног, словно проверяя, все ли с ней в порядке. Удовлетворившись, он одобрительно фыркнул.

— Теперь она и твоя тоже, — тихо сказала Ханна.

Призрак наклонил голову, наострил уши и посмотрел на нее так, словно этот факт для него совершенно очевиден. Он снова заскулил и занял позицию в дверном проеме.

Он сидел высокий и настороженный, неся вахту, — красивый принц, похожий на собаку, намеренный охранять свою маленькую стаю. Его плюмажевый хвост стучал по полу в медленном, довольном ритме.

Ханна сидела рядом с комодом, прислонившись к изножью кровати, и укачивала Шарлотту. Плач ребенка затих. Находясь на руках у матери, ее крошечное сморщенное личико расслабилось, и она снова погрузилась в сон.

Ханна почувствовала, как ее веки сомкнулись, а конечности внезапно потяжелели.

Она чувствовала усталость, такую усталость. Ее тело и разум истощились до предела. Но она не могла позволить себе отдохнуть. Еще нет.

Держа Шарлотту на руках, она неуклюже поднялась на ноги. Она не могла заставить себя отпустить дочь.

Призрак поднялся и тревожно заскулил. Она посмотрела на него. Он повернулся к дверному проему и радостно заскулил.

— Я знаю, мальчик. Я знаю.

Она вышла за ним из комнаты, спустилась по лестнице и направилась в гостиную. Призрак подбежал к входной двери и издал низкий, горловой рык.

Снаружи снег все еще падал с темно-серого неба. Ветер завывал за углами дома. Пальцы ледяного холода проникали сквозь щели в окнах.

У Ханнны сжалась грудь. Она почувствовала, как в горле поднимается рыдание, и сглотнула. Если она начнет реветь, то может никогда не остановиться.

— Ты собираешься найти его?

Призрак снова заскулил, высоко и жалобно.

Она посмотрела вниз на Шарлотту, мирно лежащую у нее на руках. Кривая вязаная шапочка была натянута на ее мягкий, хрупкий череп.

— Как думаешь, он еще жив? Я хочу, чтобы так и было. Но это не значит, что Лиам жив.

Призрак поскребся в дверь и умоляюще оглянулся на нее.

— Если кто-то и может остаться там в живых, то это он.

Пес подошел к ней, ткнулся носом в ее ладонь, затем вернулся к двери. Его хвост вилял взад-вперед. Он прижал морду к дверной ручке.

— Ты хочешь пойти туда. Ты хочешь его найти.

Призрак низко зарычал в знак согласия.

— Это будет опасно. Там смертельно опасно, Призрак. Я не могу.. — Она втянула воздух, ее глаза заслезились, и она крепче прижалась к Шарлотте. — Я не могу потерять и тебя.

Призрак поднялся на задние лапы и прижался передними к двери. Он был выше ее. Сильный, красивый и мужественный.

Она прикусила нижнюю губу, но медленно кивнула. Подняла подбородок.

— Тогда, я думаю, нам обоим придется быть храбрыми.

Призрак оглянулся на нее, в его красивых карих глазах застыл вопрос.

— Ты такой храбрый. Такой хороший и смелый. У меня есть еще одна просьба к тебе, мой друг.

Призрак ждал с нетерпением.

— Если он жив, найди его и приведи обратно. — Ханна потянулась к дверной ручке. — Найди Лиама.

Глава 21

Лиам

День двадцать первый

Лиам умирал.

Или, почти.

Он участвовал в войнах. Убил десятки людей. Выпрыгивал из вертолетов и самолетов. Выживал после взрывов бомб, осколков и нападений из засады.

Черт, он даже пережил падение самолета с неба в центре Чикаго.

И никогда не испытывал ничего подобного.

Он был парализован. Обморожение и переохлаждение овладели его телом и разумом. Не имело значения, насколько он крепок, насколько искусен или яростен — природа всегда оставалась сильнее, свирепее.

Он не только не чувствовал ног и не мог пошевелить ими, но и руки Лиама становились все более жесткими и онемевшими. Мерзлая земля под его задницей высасывала тепло из его тела. Снег припорошил волосы. Его лицо словно обожгло.

Лиам знал, что поддержание кровообращения в конечностях крайне важно для предотвращения обморожения. Он не мог ничего сделать с нижней частью тела, но он дергался и морщил лицо, растирая руками уши, щеки и нос. Шевелил пальцами в перчатках, сжимал ладони в кулаки, разминал руки.

При каждом вдохе холодного сухого воздуха он терял воду, которая должна увлажнять организм ради эффективного функционирования. Казалось, что клетки его дыхательных путей замерзают при каждом неровном вздохе.

Холод проникал в его сознание, проникал в его мозг. Его мысли начали замедляться, становились беспорядочными и разрозненными.

Его начали преследовать кошмары, образы прошлого — Джесса, Линкольн, ребенок, которого он оставил, его тезка. Его племянник.

Мысли о Ханне проскальзывали в воспоминаниях о Джессе. Он видел их обеих — теплую смуглую кожу и щедрую улыбку Джессы, нежное веснушчатое лицо Ханны и зеленые глаза, сияющие как драгоценные камни, манящие его, шепчущие ответ, в котором он отчаянно нуждался, но уже не помнил вопроса.

Иногда Лиам уже не различал, что было в прошлом, а что в настоящем. Где он находится и почему. Кого он преследовал и к кому ему нужно вернуться.

Время шло, и спустя какие-то минуты, часы, дни он уже не чувствовал холода. Он вообще ничего не чувствовал.

Он мог бы просто сидеть здесь и отдыхать. Ждать, пока Джесса или Линкольн придут за ним.

«Я не приду за тобой, — раздался голос Джессы в его сознании. — Никто не придет».

Его глаза жгло, как будто в глазные яблоки насыпали пепла. Моргать становилось все труднее. Слипались ресницы. Скоро его веки заледенеют.

Он ослепнет, и окажется парализованным.

«Ты должен встать, — сказала Джесса своим сильным, уверенным голосом. — Ты должен встать сейчас же».

Если он не поднимет свою задницу и не начнет двигаться, то умрет здесь. Лиам не боялся собственной смерти. Он никогда не боялся смерти. Он боялся того, что оставит после себя.

Ханна и Шарлотта останутся одни. И это неприемлемо.

«Ты должен идти. Ты должен идти к Ханне».

Он заставил себя сесть ровнее. Его спина ударилась о ствол дерева. С головы и плеч посыпались снежинки.

«Я уже готова уйти, — сказала Джесса. — Ты еще нет».

«Не покидай меня, — подумал он. — Ты мне нужна».

«Нет, — ответила Джесса, ее голос постепенно тускнел и отдалялся. — Больше нет».

Лиам знал, что никогда снова не услышит ее голос в своей голове. Точно так же как понимал, что она права.

Только Ханна нуждалась в нем сейчас. Ханна, к которой ему нужно добраться.

Это уже не просто миссия. И давно перестала быть таковой. Его замороженное сердце оттаивало болезненно, мучительно медленно, но все же оттаивало.

Он заботился о ней. Он заботился о Шарлотте. Он должен вернуться к ним. Он хотел вернуться к ним с каждым ударом своего сердца.

Он доползет до нее, если придется.

С болезненным стоном Лиам заставил себя двигаться. Неловко прижав AR-15 к спине, он опустился на бок и перекатился на живот. И пополз вверх по крутому склону.

Это походило на попытку вскарабкаться на гребень застывшей волны. Опираясь на предплечья, он подтягивался, опираясь на руки. Снег залеплял лицо, рот, руки хватались за следующую ветку, следующий тонкий ствол, торчащий из снега, следующий клубок корней, утопающих в пороше.

Лиам тащил себя вверх, дюйм за дюймом, шаг за шагом.

Его волосы замерзли, превратившись в ломкие нити. Руки горели от снега, щеки обжигало. Ноги и руки казались неподъемными — кровь в венах замерзла до состояния ила. Пальцы на ногах жгло.

Пальцы ног. Жгло. Болезненно.

Он попытался пошевелить ими. Они онемели. Обе ноги онемели. Одновременно они горели, словно он прижимал их к горячей плите.

Если бы его действительно парализовало, он бы ничего не чувствовал. Вообще ничего.

Лиам подавился вдохом, который рассек его легкие.

Воспоминание пришло к нему разрозненными фрагментами. Такое уже случалось раньше, много лет назад в Афганистане после выполнения задания. Его раздробленные диски сместились, скрежеща, защемляя важный нерв, который на несколько часов лишил его чувств в нижней части тела.

Его ноги болезненно покалывало, словно их пронзали иголками. Это было чертовски больно. Ощущение медленно распространялось вверх по ногам, а вместе с ним и боль. Электрические разряды пронзили его позвоночник, обжигая нервы.

Но он мог чувствовать. Он мог пошевелить ногами.

Лиам охватило облегчение, которое так же быстро сменилось нервным страхом.

Ханна. Он должен идти к Ханне.

Он посмотрел вверх. Прямо над его головой из ствола дерева торчала толстая ветка. Он потянулся и ухватился за нее. Окаменевшие руки несколько раз соскальзывали, но в конце концов Лиам крепко ухватился и поднялся на ноги.

Он передвинул ногу вперед, напрягаясь, чтобы опустить пятку, затем носок, каждый шаг давался медленно, жестоко, с усилием. Лиам уперся в склон, ноги болели, мышцы горели, боль засела глубоко.

Бело-горячая электрическая боль пронзила его позвоночник. Он вскрикнул. Вдохнул резкий воздух, который разорвал его горло и легкие.

Ему нужно справиться с болью, иначе она захлестнет его, повергнет в шок.

Он уже сталкивался с подобной болью. И знал, что делать.

Лиам мысленно представил себе боль, как белый огненный шар у основания позвоночника. Он пропустил ее через свое тело — огненный след нервов, мышц, костей и сухожилий.

Создал четкий образ боли во всей ее полноте. Затем заключил его в ментальную коробку и запечатал. Он запер свою боль.

Это частично сработало. Его мысли оставались слишком медленными и неровными. Холод блокировал его разум, рефлексy, все.

«Если ты не можешь думать, ты не сможешь ее заблокировать». Это сказал ему старый приятель, армейский рейнджер.

И все же, этого хватило. Этого должно было хватить. Провал нельзя допускать.

Его сердце билось так быстро, что Лиам почувствовал, как пульсируют виски. От невероятного напряжения он вспотел, его тело покрылось липкой испариной под слоями одежды.

Как только он промокнет, ледяной холод заберет его гораздо быстрее.

Если он остановится, то умрет.

Наконец, он добрался до вершины оврага и рухнул. Ему нужно перевести дух и восстановить силы. Лиам лег на спину, тяжело дыша, уговаривая свое тело двигаться, продолжать путь.

С трудом поднявшись на ноги, он направился к лесу, ища следы, оставленные им и Пайком.

Он не знал, где находится, не мог сориентироваться в условиях белой мглы. Люди могли замерзнуть до смерти в пяти футах от своего дома — в пяти футах от безопасного места, которое не смогли бы увидеть, услышать, почувствовать или ощутить в ослепительной снежной буре.

Лиам продвигался вперед. Он боролся с желанием идти вперед с вытянутыми руками. Абсолютная белизна стала противоположностью абсолютной черноты.

Он спотыкался на снегу, утопая в сугробах, шатаясь от дерева к дереву. Красные капли привлекли его внимание. Он едва не прошел прямо по ним, прежде чем заметил. След из брызг крови рядом с двумя группами следов почти засыпало, сгладило и едва не стерло жестоким ветром.

Почти, но не совсем. Если он прищурится, то сможет их разглядеть.

Лиам пошел по следам, не сворачивая с дороги, — сказывались годы тренировок. Он не

знал, как далеко его ноги пройдут, сколько времени продержится, пока температура его тела не упадет до критического уровня.

Если бы речь шла только о его выживании, он остановился бы сейчас и из последних сил создал снежное укрытие, чтобы заблокировать безжалостный ветер и оптимизировать тепло собственного тела.

Это спасло бы его от замерзания до смерти. Он смог бы спокойно переждать снежную бурю.

Но Лиам не имел права больше медлить. Монстр охотился за Ханной. Он должен его остановить. Должен вернуться к ней.

Он выкрикнул имя Ханны так громко, как только мог. Его рот принял форму, чтобы произнести правильные звуки, но он ничего не услышал.

Лиам закричал снова. Ветер так сильно заглушил голос, что он не знал, издал ли он вообще какой-нибудь звук.

Он — солдат. Он обучался этому. Его учили выживать в любых условиях, в любом месте.

Он таким и был. Это вбито в каждую частичку его существа.

Лиам продолжал двигаться. Каждый шаг совершался медленно и неуверенно, требуя огромных усилий и концентрации. Его позвоночник горел, ноги напоминали деревянные бруски, отделенные от его собственного тела.

Он оказался в снежном шаре, который с силой трясла невидимая гигантская рука. Снег был везде, куда бы он ни посмотрел. Во всех направлениях. Пока он не стал сомневаться, что это земля или небо, лево или право.

Тем не менее, Лиам сохранял способность воспринимать окружающую обстановку. Завывающий ветер. Гнущиеся, скрипящие деревья — белая сосна, сахарный клен, красный дуб, болиголов. Непрекращающийся снег.

Через каждые несколько ярдов он останавливался, чтобы прислушаться. Давно выработанная привычка, но он ничего не слышал. Ничего не видел...

Между деревьями промелькнуло какое-то движение.

Он прислонился к тонкому стволу осины и нащупал свое оружие. Руки ощущались как ледяные глыбы. Сколько патронов у него осталось? Пять? Десять? Он не мог вспомнить. У него был «Глок», но Лиам уже сомневался, что сможет нажать на курок.

Он не в том состоянии, чтобы эффективно защищаться. Даже он понимал это.

Фигура снова двинулась. Перебегает от дерева к дереву. Так размыто и нечетко, что ему могло показаться.

Это был не мужчина, не человек. Возможно призрак.

Это Линкольн, вернувшийся отомстить. Его глаза смотрели обвинительно. «Как ты мог оставить меня? Как ты мог позволить ей умереть?»

Лиам моргнул.

Не Линкольн. Его брат-близнец умер и ушел.

Его призрак существовал только в сознании Лиама, а не здесь, в этом суровом зимнем пейзаже. Не в снегу и холоде.

Джесса. Но это и не она. Она оставила его. И не собиралась возвращаться. Даже ее голос. Лиам знал это и смирился.

Белая фигура на фоне стены ослепительной белизны. Белая тварь, скачущая по снежным завалам, вздымая брызги снега.

Размытая фигура постепенно обретала очертания по мере приближения. Лиам едва мог различить длину тела, царственную голову, длинный оперенный хвост.

Облегчение разлилось по его венам. Даже в бреду Лиам знал, кто это.

Призрак пришел за ним. Большой пушистый ангел, несущийся по снегу.

Пес бросился к нему, задорно лая. Он восторженно кружил вокруг Лиама. Неужели он лаял все это время, а Лиам его не слышал, не воспринимал?

Он заставил свой затуманенный разум сосредоточиться. Зарылся онемевшей рукой в шерсть Призрака и крепко прижался к нему.

— Веди меня к нашей девочке, — сказал он, его голос прозвучал глухо. — Отведи меня к Ханне.

Глава 22

Ханна

День двадцать второй

Тихий, но настойчивый звук проник в сон Ханны. Она открыла глаза.

Казалось, прошло несколько часов с тех пор, как Призрак бросился в метель на поиски Лиама. Она пыталась бодрствовать, но усталость наконец ее сморила.

Она лежала на диване на привычном месте Лиама. «Ругер» был перезаряжен и находился на полу рядом с диваном в пределах досягаемости.

Шарлотта спала на ее груди, крошечная грелка согревала все тело Ханны. В доме царила полная темнота, только в камине слабо мерцал огонь.

Она затаила дыхание и напрягла слух.

Звук повторился. Низкий, далекий лай.

Ханна села так быстро, что Шарлотта протестующе захныкала. Она прижала малышку к себе и осторожно положила ее в колыбельку. Ханна принесла ее вниз и поставила у камина, чтобы держать ее в тепле и неподалеку.

Она схватила пистолет здоровой рукой, следуя наставлениям Лиама. Подошла к двери и прижалась к ней ухом, прислушиваясь.

Снова лай. Чуть громче.

Она знала этот звук. Знала его, как свое собственное имя.

Надежда зародилась в ее груди. Может быть, это и бесполезно, может быть, даже бессмысленно, но Ханна все равно надеялась. Всем своим разбитым сердцем.

«Будь жив. Пожалуйста, будь жив, — молилась она, горячо произнося слова. — Возвращайся ко мне».

Она нащупала замок, отбросила в сторону дверную задвижку и распахнула входную дверь.

Ветер рванул дверь. Ей пришлось крепко держать ее, чтобы она не захлопнулась, когда снег, ветер и холод хлынули внутрь.

Порыв морозного воздуха ударил ее по лицу. Снежинки впились в лицо и облепили ресницы и брови.

Ханна проигнорировала все это. Прикрыв глаза больной рукой, она вглядывалась в снежную тьму.

Вдалеке двигалась тень. Может быть, две тени.

— Сюда! — закричала она во всю мощь своих легких. — Иди сюда!

Она вспомнила о свистке, который Лиам дал ей, спрятанном под толстовкой. Вытащила

его и дунула изо всех сил.

Призрак ответил лаем.

Ханна снова свистнула и закричала. Холод обжигал ее легкие. Ей было все равно. Она бешено махала руками.

— Давай! Ты почти на месте!

В десяти ярдах от нее из темноты появились две фигуры.

Призрак пробирался по снегу, опустив голову, заложив уши, мощные ноги напрягались при каждом шаге. Лиам шатался рядом с ним. Спина согнута, плечи сгорблены, одна рука зарыта в шерсть вдоль позвоночника Призрака. Пес практически тащил его за собой.

Но он был жив. Лиам Коулман жив.

Ханна выбежала на снег. От внезапного холода она словно окунулась в замерзшее озеро. Ханна погрузилась в снег по самые колени. На ней были только носки, но ей все равно.

Облегчение разлилось по ее венам. Она могла бы разрыдаться от радости.

Она бросилась к Лиаму, схватила его и перекинула руку через свое плечо. Он оказался таким тяжелым. И таким, таким холодным. Его лицо приобрело пепельный оттенок под шарфом, обмотанным вокруг нижней половины головы. Он выглядел полумертвым.

Ее охватило беспокойство. Она должна завести его внутрь. Она должна его согреть.

К счастью, он еще держался на ногах. Иначе Ханна не смогла бы затащить его в дом.

— Давай! Ты почти на месте!

— Дж-есса? — пробормотал Лиам.

Ее легкие сжались. Он не мог ее видеть. Его веки склеились от льда и снега. У него начались галлюцинации.

— Это я, Лиам. Ну же. Это я.

Ханна пошатываясь шла вперед. Один дрожащий шаг за другим. Снег обжигал ей ноги. Снег, прилипший к куртке Лиамы, заморозил ее шею и плечи.

Каким-то образом они с Призраком затащили его в дом. Лиам ввалился внутрь, спотыкаясь. Ханна больше не могла держать его вес, и он рухнул на колени прямо в дверном проеме. Призрак проскользнул в дом, и она закрыла и заперла дверь.

Она почесала Призрака под подбородком.

— Хороший мальчик! Я знала, что ты справишься. На кухне тебя ждут свежая вода и еда. Я разожгу огонь через минуту и согрею вас обоих.

Призрак встряхнулся, осыпая Ханну снегом. Куски льда и снега все еще цеплялись за его шерсть.

По крайней мере, у него густой, не пропускающий холод мех. Призрак был рожден для этого, его предков вывели, чтобы выдерживать низкие температуры в Пиренейских горах.

С ним все будет в порядке. С Лиамом — нет.

Лиам нуждался в ней.

— Дж-есса, — пробормотал Лиам. — Мне жаль. Мне так жаль.

Он качался на коленях. Казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Мне нужно, чтобы ты помог, Лиам, — твердо сказала Ханна. — Мне нужно дотащить тебя до матраса. Ты уже почти там. Пойдем.

Ханна подхватила его под руки и потащила к фиолетовому матрасу перед камином. Для этого ей потребовалась каждая унция силы, а потом еще немного.

С усилием она перевернула его на спину. Казалось, что Лиам весит полтонны.

Хуже того, каждый сантиметр его тела казалось застыл. Его била сильная дрожь. Губы

посинели. Лицо побагровело, кончик носа побелел от обморожения.

Ханна запаниковала. У Лиама переохлаждение. Пока он жив, но если она не поторопится, он не проживет долго.

Всего три недели назад Лиам нашел ее слабой и дрожащей посреди Национального леса Манисти. Он позаботился о ней. Теперь настала ее очередь проявить заботу о нем.

Пока она спала, огонь стал слишком слабым. Ханна добавила несколько поленьев и разожгла огонь. Пламя выплеснулось в дымоход. Искры взвихрились.

Тепло согрело ее. Оно согрело бы и Лиама, но она должна избавить его от этой одежды.

Так быстро, как только могла, Ханна расшнуровала его ботинки. Трудно справиться с задачей, когда у нее всего полторы руки. Она стиснула зубы от досады, когда снимала ботинки и обе пары носков. Внешний шерстяной носок намок, но, слава богу, пакеты сохранили его ноги сухими. Тем не менее, снять их было почти так же трудно, как перчатки.

— Прости, — прошептала она, толкая и дергая его за верхнюю часть тела, чтобы снять куртку. Лиам лежал практически мертвым грузом. — Помоги мне!

Он вырвал руку из ее хватки и дико замахал руками. Ханна увернулась. Он чуть не ударил ее по лицу.

— Нет! — прокричал он. — Отойди от меня! Дж-есса, я иду! Я приду за тобой!

Лиам бредил, у него были галлюцинации. Признак сильного переохлаждения.

Ханна выросла на Верхнем полуострове. И хорошо знала, как выглядят гипотермия и обморожение. Она понимала, что делать. Она должна согреть Лиама и повысить основную температуру его тела, не доводя до шока после переохлаждения.

В доме не было теплой ванны, чтобы засунуть его в нее, что представляло собой лучший метод, но и самый опасный. Прикладывать тепло непосредственно к коже тоже плохая идея. Массаж тоже, хотя это кажется нелогичным. Массаж конечностей может привести к циркуляции более холодной крови от кожи к центру, шокируя тело.

Вместо этого следовало наложить на него гипотермическое обертывание. При гипотермическом обертывании все части тела должны быть закрыты, а открытых мест должно остаться как можно меньше. Для этого достаточно спального мешка и нескольких одеял.

Но сначала ей нужно освободить его от остальной одежды. Лиам мог причинить ей боль, если бы захотел. Даже если он этого не хотел. Он силен и обучен убивать. Ханна не раз видела, как он это делает.

Она смотрела на него сверху вниз, положив руки на бедра.

— Лиам Коулман, снимай одежду, сейчас же!

Он вздрогнул, словно вынырнув из оцепенения.

— Дж-есса...

— Да, это Джесса. — Часть ее ненавидела себя за эту ложь. Но еще большая часть готова сделать все необходимое, чтобы сохранить ему жизнь. Если он послушает Джессу, то так тому и быть. Он сможет возненавидеть ее позже. — Я Джесса. И я пытаюсь спасти твою жизнь. Ради всего святого, сними свою чертову одежду!

Лиам немедленно отреагировал. Повинуясь, он нащупал свою толстовку. Ханна опустилась на колени рядом с ним и помогла. Она выдернула его руку из левого рукава толстовки, затем из правого. Он смог приподняться настолько, чтобы стянуть с себя одежду с длинными рукавами.

Она недолго размышляла, кто такая эта Джесса; как получилось, что Лиам повиновался

ей так быстро и безропотно. Ханна никогда не считала его покладистым. Ни в малейшей степени.

Джесса ему явно дорога. Он любил ее, по-видимому.

Ханна сглотнула.

— Теперь твои штаны.

Его пальцы слишком онемели, чтобы расстегнуть ремень и другие вещи. С пылающим лицом Ханна сделала это за него. Ей было стыдно не за него, а за себя. Она даже не знала почему.

Призрак сидел перед камином, греясь. Он наблюдал за ними, озадаченно склонив голову.

— Я знаю, это странно, — проговорила Ханна, стягивая с Лиам штаны. — Поверь мне знаю.

Она схватила одеяла с дивана и накрыла ими его обнаженное, распростертое тело. У нее нет спального мешка, чтобы положить его внутрь; свой она потеряла вместе с рюкзаком в библиотеке.

— Я должен признаться, — пробормотал Лиам. Его красивые серо-голубые глаза смотрели в пустоту, вдаль, в какое-то другое место, на какого-то другого человека. — Я оставил его. Я оставил его там.

— Ты можешь признаться позже, — бодро сказала Ханна. — Сейчас тебе нужно сосредоточиться на том, чтобы выжить.

Она прижала ладонь к его обнаженному плечу, широкой груди. Какая-то часть ее сознания отметила, как хорошо он сложен, какую скрытую силу таят в себе эти бугристые мышцы.

Верхнюю часть его торса испещряли шрамы. Царапины и синяки украшали плоть Лиам. Это было тело солдата, воина.

Ее сердцебиение участилось. Когда-нибудь она хотела расспросить его о происхождении каждого боевого шрама, но не сегодня.

Его кожа все еще напоминала лед. Совсем не как у человека.

Беспокойство скрутило ее живот. Она могла бы нагреть несколько бутылок с водой и положить их ему под мышки и к паху. Могла попытаться заставить его выпить что-нибудь теплое и сладкое, но Лиам настолько обессилел, что не смог бы много выпить. Она боялась, что этого будет недостаточно.

Он балансировал на грани бессознательного состояния. Возможно, на грани смерти.

Ей нужно его вернуть. Сделать что-то большее.

Лиам защитил ее, спас, заботился о ней. Сильный, ворчливый и немногословный, но при этом никогда не проявлявший жестокости. Всегда думал в первую очередь о ней — о ее защите, безопасности, комфорте.

О нем никто не заботился.

Теперь нет. Она здесь. Она позаботится о нем.

На этот раз она его спасет.

Ханна опустила на пятки, закусилась нижней губой и осмотрела комнату, отчаянно ища что-нибудь, что могло бы помочь, ответы, в которых она нуждалась.

Ничего не было. Ничего, кроме нее самой.

— Ты не умрешь из-за меня, — прошептала Ханна. — Я тебе не позволю.

Огонь потрескивал. Поленья тлели и плевались. По комнате разливалось тепло.

Призрак посмотрел на нее. Его хвост подрагивал. Шарлотта крепко спала в своем ящике. Им было тепло. Они в полной безопасности.

Она поднялась на ноги. Стянула с себя толстовку. Позволила ей упасть на пол. Затем стянула две термофутболки с длинными рукавами и майку под ними.

Стащила вниз спортивные штаны и выпуталась из еще влажных шерстяных носков. Минуту она стояла обнаженная, чувствуя себя уязвимой и незащищенной.

Ханна и раньше обнажалась перед Лиамом. Он помог ей родить. Он спас ей жизнь. Он спас жизнь ее дочери.

В этом поступке нет ничего предосудительного. Ничего плохого. Ни в ее наготе. Ни в том, что она собиралась сделать.

Она не колебалась, когда двигалась к матрасу. Никаких сомнений в ее сознании. Она подняла одеяла и скользнула под него. Обернула одеяла вокруг них двоих, подоткнув концы под ноги.

Подавшись вперед, Ханна прижалась своим мягким телом к его сильному, мускулистому туловищу, обхватив его тонкими руками, сложив ноги на его бедрах. Прильнув к нему, она направила тепло своего тела в Лиам, свою жизненную силу, свою энергию.

Она желала ему жизни каждым упрямым, яростным ударом своего сердца.

Веки Лиам дрогнули и открылись. Он повернул голову и посмотрел на нее.

И сказал:

— Ханна.

Глава 23

Ноа

День двадцать третий

— Какие новости? — спросил Ноа.

Он связался по рации с Дейвом Фаррисом, чтобы узнать ежедневную сводку новостей, полученных по радиосвязи, но Дейв попросил о личной встрече. Новости должны быть серьезными.

Ноа на час оторвался от своих обязанностей, захватил обед в коричневом бумажном пакете и отправился к Дейву в сельскую местность к северу от Фолл-Крика. Майло нравился Дейву, поэтому Ноа решил дать Квинн передышку и взять сына с собой.

На пятнадцати акрах Дейва стояла массивная сорокафутовая антенна, которую он построил десять лет назад для своего любимого хобби. В его кабинете, располагавшемся в гараже, стоял большой письменный стол и стеллажи, заставленные приборами, оцетинившимися проводами, ручками и всякими другими штуками.

Хотя Розамонд подарила Дейву дом в «Винтер Хейвене», в гараже у него стоял генератор, и он практически жил здесь — только ел, принимал душ и спал в новом доме.

Дейв повернулся в своем офисном кресле, мрачно улыбнулся и отдал Ноа честь.

— Привет, шеф Шеридан! Сколько лет, сколько зим.

Ноа все еще не привык к этому обращению. Его выбрали всего неделю назад, когда шеф Бриггс внезапно отказался от своих обязанностей.

Шеф Бриггс слыл угрюмым человеком, который упорно держался старых традиции и противился нестандартному мышлению и быстрым решениям, необходимым для эффективного реагирования на кризис ЭМИ. Для Фолл-Крик даже лучше, что он покинул свой пост, чтобы помочь своему взрослому сыну и невестке в Сент-Джо, соседнем городке.

Ноа не бросил бы Фолл-Крик. Он не просил об ответственности, не хотел ее, но, приняв

должность с головой погрузился в свои новые обязанности.

Он расправил плечи, став немного выше.

— Последняя метель выдалась на редкость жуткой? Как раз тогда, когда мы думали, что у нас будет передышка.

— Какая именно? — проворчал Дейв. — Их уже было так много, что я, кажется, сбился со счета. Как будто геомагнитные поля сместились, и мы на самом деле в Антарктиде, а не в Мичигане. Черт возьми.

— Знакомое чувство. — Ноа устроился в помятом кожаном офисном кресле рядом с Дейвом. Он указал на узкий стол в углу для Майло. — Разложи свои вещи там, сынок.

Ноа принес рюкзак с блокнотом и цветными карандашами для Майло. Поскольку Квинн была в некотором роде художником, Майло неожиданно заинтересовался рисованием.

На обед Ноа взял сэндвичи с арахисовым маслом и медом и крекеры, чтобы макать их в пакетики с яблочным соусом. Сыр у них теперь официально закончился.

Как только наступит весна, уверяла Розамонд, город заключит торговые сделки с местными фермерами, чтобы производить сыр, молоко и яйца. Но до конца зимы им придется довольствоваться тем, что есть.

Но в Фолл-Крике все складывалось как нельзя лучше, особенно учитывая состояние остальной страны. Благодаря Дейву городской совет регулярно получал свежие новости о стремительном крахе практически всего.

Дейв предложил Майло, а затем Ноа открытый пакет «Доритос».

— Извините, что у меня нет деликатесов более высокого класса, чтобы предложить моим гостям. В последнее время выбор невелик.

В свои шестьдесят с небольшим Дейв был громким, шумным белым мужчиной, который любил рыбалку, радиостанции и спортивные автомобили. Он работал в городском совете и владел гостиницей «Фолл-Крик».

Розамонд подарила ему один из домов в «Винтер Хейвене», который он щедро разделил с тремя своими давними друзьями и их семьями. Дома в «Винтер Хейвене» начинались от пяти тысяч квадратных футов — места хватало.

Ноа взял горсть чипсов.

— Как дела в гостинице?

Дейв скорчил гримасу.

— Что могу сказать об этих парнях из ополчения. Они привезли мне достаточно бензина, чтобы древние генераторы в гостинице работали. Теперь в гостинице чуть ли не лучше, чем в «Винтер Хейвене», поскольку солнечные батареи сейчас покрыты снегом.

Дейв открыл гостиницу на пятьдесят комнат для самых уязвимых пожилых и больных граждан Фолл-Крика — тех, кто болен раком, волчанкой и другими изнурительными болезнями. Он предложил несколько комнат для волонтеров и их семей, если они будут ухаживать за постояльцами и проверять их состояние.

Щедрость Дейва Фарриса спасала жизни. И он был не единственным.

Несколько десятков офицеров запаса добровольно тратили свое время на уборку мусора, помощь в санитарных работах и других неотложных нуждах. Аннет Кинг, бывшая директор средней школы Фолл-Крик, и детский медбрат Шен Ли вместе с несколькими жителями города неустанно трудились над организацией приюта в школе для тех, у кого в домах не было каминов или дровяных печей.

Никогда еще Ноа так сильно не гордился своим городом.

— Фолл-Крик в большом долгу перед вами. Надеюсь, когда-нибудь мы сможем отдать этот долг.

Дейв пренебрежительно пожал плечами.

— Сейчас наличные нужны только для одного — вытирать задницу.

— В наши дни — это не так уж мало.

— Без шуток. — Дейв наклонился вперед на своем сиденье и подмигнул Майло, который прислушивался к ним, пока рисовал. — Я так экономно расходую туалетную бумагу, как будто завтра не наступит.

Майло хихикнул.

— О, конечно, смейтесь, — усмехнулся Дейв. — Все это веселье и шутки, пока она не закончится.

— Представьте себе, что о нас напишут в учебниках истории, — сказал Ноа.

Дейв поднял в воздух указующий перст, словно читал претенциозную, самодовольную лекцию в колледже.

— И тогда начались войны за туалетную бумагу...

Они все дружно посмеялись. Они отчаянно в этом нуждались.

— Все хорошо, сынок? — спросил Ноа, когда они вновь обрели контроль над собой. — Взрослым нужно поговорить.

Майло показал ему большой палец вверх.

— Понял, папа.

Ноа и Дейв повернулись к радиоприемнику и понизили голос, а Майло вернулся к своим рисункам супергероев.

— Есть новости о спасательной команде? — спросил Дейв.

— Они нашли семь или восемь жителей Фолл-Крика. Пара застряла в Сент-Джо, им нужно попасть в Довагиак. Вот и все.

Бишоп, Рейносо, Перес и еще несколько человек отсутствовали уже два дня. Они проверят еще один город — Уотервлиет — прежде чем закончить поиски и вернуться в Фолл-Крик окончательно.

Розамонд отправила их на спасательную операцию якобы для всего Фолл-Крика, но на самом деле она искала своего сына, Гэвина Пайка. Он исчез в день ЭМИ и не вернулся домой.

Дейв еще больше понизил голос.

— Значит, Бишоп не знает о кладовой общины Кроссвей?

У Ноа заняло в груди. Он взглянул на Майло.

— Нет, Бишоп не знает.

— Полагаю, он не очень хорошо это воспримет.

Ноа боялся, что ему придется сказать Бишопу. Как начальнику полиции, ему придется с этим смириться, как и с другими неприятными аспектами этой работы. А вот как другу Бишопу, это будет просто ужасно.

— Как думаешь, что он может сделать?

— Ничего. Он примет это, как и все остальные.

Дейв поджал губы. Он изучал Ноа, на мгновение замешкавшись, прежде чем заговорить.

— Это кажется немного... жестким.

Ноа устал говорить об этом, устал от жалоб.

— Это просто объединение запасов, чтобы легче было за всем следить.

— И это никак не связано с теми людьми, которых убили в «Винтер Хейвене»? Или с тем, что некоторые стороны хотят осуществлять неправомерный контроль?

Ноа разочарованно вздохнул.

— Вы пригласили меня сюда, чтобы тоже ругать, Дейв?

Дейв откинулся в кресле и поднял руки в примирительном жесте.

— Эй, приятель, я совершенно спокоен. Просто поделился некоторыми проблемами. Как друг.

— Я знаю. Вы встревожены. Все обеспокоены. Мне это ясно дали понять. Как и большинство членов городского совета.

— Эй, разве можно винить совет за то, что он расстраивается, когда суперинтендант принимает односторонние решения, ни с кем не советуясь? У нас уже неделю не было ни общего собрания, ни собрания совета.

— Она занята тем, что не дает городу развалиться, Дейв.

— Я просто хочу сказать, что единственные люди, которые сейчас располагают едой — это ополченцы. Кучка незнакомцев с оружием. Люди недовольны, приятель. Я знаю, тебя это тоже беспокоит.

Конечно, беспокоит. Но приходится идти на уступки, чтобы сохранить мир. Чтобы защитить город. Ноа устал оправдываться, устал защищать суперинтенданта.

Люди не понимали. Они не хотели понимать.

Ему не хотелось спорить с Дейвом Фаррисом. Ему нужна помощь Дейва.

— Замечание принято к сведению, — вздохнул Ноа. — Может быть, поговорим о том, зачем вы меня пригласили? Я должен возвращаться обратно.

— Да, да. Конечно. — Дейв повернулся лицом к стене радиоаппаратуры. — Честно говоря, дела там совсем плохи. Нам чертовски повезло.

— Расскажите, что слышали.

— Как и говорил совету, я установил контакт с большинством городов и деревень в радиусе ста миль. Слава богу, есть сельские радиолюбители. Несколько банд из Бентон-Харбора покинули город и начали нападать на близлежащие районы. Большая часть Детройта погрязла в бандитских войнах.

— Эти банды действуют где-то рядом с нами?

— Пока нет. Но сообщения о жестоких нападениях на соседние города продолжают поступать. Они совершают нападения с целью захвата. Нападают на одну часть города, потом уходят, прежде чем город успеет организовать оборону. Через несколько дней нападают на другой район. Если кто-то сопротивляется, его убивают выстрелом в голову, как при казни.

— О них есть какие-нибудь подробности?

— Не много. Они одеты во все черное, на лицах либо черные лыжные маски, либо жирная краска. У них есть полуавтоматы, и они знают, как ими пользоваться. Единственная хорошая новость — после нападения на Найлс они, судя по всему удаляются, а не приближаются. Похоже, они охотятся на окраины Каламазу. Последнее сообщение пришло из Поу Поу, в сорока милях к северо-востоку отсюда. Хотя, конечно, не все города поддерживают радиосвязь.

Ноа потер лицо, почесал колючую челюсть. Теперь у него практически полноценная борода.

— Есть еще хорошие новости?

— Некоторые города объединяются, чтобы сформировать мобильную группу безопасности. Добровольные полицейские, пожарные, военные и бывшие военные. Если на какой-либо из городов нападут, они по рации вызовут эту команду для защиты.

— Если они придут туда вовремя.

— Да, есть такое. Это бы не сильно помогло во время всех этих метелей.

— Даже в хорошую погоду передвижение медленное и трудное. За тридцать минут можно натворить немало разрушений и насилия.

— В целом согласен. Но это все же лучше, чем ничего. — Дейв закинул в рот последнюю горсть поломанных чипсов, свернул пакет и выбросил его в мусорное ведро под столом. Он огляделся в поисках салфетки, не нашел ее и вытер руки о штанины. — Вот бы Фолл-Крик присоединился.

Ноа фыркнул.

— Не думаю, что Розамонд Синклер пойдет на это.

— Нет, скорее всего, нет. Она всегда любит прокладывать свой собственный путь. И я уверен, что она не захочет делиться своим отрядом ополченцев.

Ноа хмыкнул.

— Что-нибудь еще?

— В некоторых прибрежных городах дела идут хорошо. Саут-Хейвен, Саугатак и Холланд. Они пытаются понять, как заниматься подледной рыбалкой.

— У нас есть люди, которые ловят рыбу в озерах Чапин и Фолл-Крик.

— Хорошая затея. Очень хочется жареной рыбы. Немного уклеи, уолли и мелкого окуня. Я несколько раз видел Джулиана у реки напротив гостиницы. Интересно, поймал ли он что-нибудь хорошее?

При упоминании Джулиана Ноа напрягся. Они почти не разговаривали десять дней, с тех пор как Розамонд назначила Ноа начальником полиции вместо собственного сына.

Ноа не знал, как преодолеть эту пустоту. Джулиан всегда тяготел к мстительности и злобе. Но никогда он не вымещал свою злобу на Ноа — до сих пор.

Ноа хотел думать, что Джулиан смирится с этим. Что он увидит, что Ноа отлично справляется со своей работой, полезен для Фолл-Крика. Что он одумается, и все вернется на круги своя.

Какая-то часть его души шептала, что нормально уже никогда не будет — ни для страны, ни для Фолл-Крика, ни для него и Джулиана.

Иногда казалось, что единственное, что удерживает небо от обрушения, — это две руки самого Ноа, подобно атланту, согнувшегося под тяжестью всего мира, напрягаясь и изо всех сил он пытается удержать мир на плаву.

— Что-нибудь более существенное? Есть сведения о том, кто запустил ЭМИ?

— Пока только разговоры и слухи. Наша система противоракетной обороны подверглась атаке изошренных хакеров. Должно быть, им помогли изнутри. Наша национальная безопасность была поставлена под угрозу. Они вывели систему из строя как раз настолько, чтобы ядерные бомбы могли нанести удар.

— Кто это «они»?

— Пока не знаю. У меня есть друг из Вашингтона, который говорит, что военные готовятся к чему-то большому. Правительство очень осторожно говорит обо всем. Все, что я знаю, это то, что сначала они думали, что это Китай. Теперь ходят слухи, что тот, кто за этим стоит, пытался подставить Китай.

— Китай нет смысла. Они ненавидят нас, но им нужно, чтобы мы покупали весь их хлам. Они покупают все наши долги для политического влияния и контроля. Они хотят нас подчинить, а не уничтожить.

— Верно. Северная Корея уничтожила бы нас, если бы могла. Иран ненавидит нас. Может быть, Россия? Может быть, мы не узнаем, пока президент не уничтожит их ядерным оружием.

Ноа вздохнул.

— Я очень надеюсь. Даже если это ничего не изменит на земле для нас, это важно. Знать, что Америка отомстила.

— Да, черт возьми, — согласился Дейв, размахивая кулаком. — Америка не собирается лежать и терпеть это. Никогда.

Майло вскочил на ноги. Он изобразил руками форму пистолета и притворился, что стреляет поперек голов Ноа и Дейва.

— Мы поймаем плохих парней. Им нас не одолеть!

— Я очень на это надеюсь, малыш, — устало вздохнув, сказал Дейв. — Нам всем остается только надеяться.

Глава 24

Квинн

День двадцать третий

В условиях апокалипсиса купание проходило просто ужасно. Квинн любила душ, как и любая другая девушка. Теперь же это была сплошная боль в заднице.

Бабушка и дедушка всегда говорили об установке крутой самотечной душевой системы на всякий случай, но у них никогда не находилось денег в их ограниченном бюджете. У них имелся открытый солнечный душ — по сути, большой черный мешок, который они наполняли водой и нагревали на солнце, но Квинн не желала пользоваться им при минус двенадцати градусах.

Пока бабушка и Квинн мылись с помощью старинной системы из полотенец, мыла и горячей воды. Они кипятили воду, которую Квинн качала из колодца, в большой кастрюле на дровяной плите.

Когда от воды пошел пар и появились маленькие пузырьки, Квинн сняла кастрюлю с плиты, отнесла ее в ванную и поставила на тумбу.

Она избавилась от грязной одежды, затем осторожно опустила в воду полотенце для рук и позволила ему впитать горячую воду, не намокая полностью.

Горячим влажным полотенцем с куском мыла для рук она протерла и продезинфицировала руки и туловище, спину и ноги, ступни и подмышки, а затем интимные части тела.

Полотенце никогда не оставалось горячим долго, сколько бы раз она его ни окунала. К концу она дрожала и приплясывала, пытаясь согреться в прохладном воздухе. Поэтому одевалась она так быстро, как только могла.

Квинн изучала себя в зеркале. Показались черные корни. Яркие голубые волосы, с которыми она ходила несколько лет, быстро исчезали. Забавно, как быстро меняются приоритеты. Она больше не заботилась о макияже или краске для волос.

Синий цвет ей очень нравился, но это не основная причина, по которой она красила волосы. Она смотрела на черные корни, пока ее глаза не затуманились.

С темными волосами, как все отмечали, она очень похожа на Октавию Райли. Ее мать— наркоманка была последней, на кого Квинн хотела бы походить.

Теперь Октавия мертва. И это уже не имело значения.

Она не скучала по матери. Квинн говорила себе, что нет. Ей не хватало матери, которой той полагалось быть.

Она все еще чувствовала дыру в своем сердце, которая никогда не заживет. Даже рубцовая ткань болела, когда она надавливала на нее.

Бабушка постучала в дверь.

— Ты там еще жива?

Квинн прочистила горло, чтобы избавиться от внезапного комка эмоций. Она яростно потерла глаза и открыла дверь.

— Это не заняло и десяти минут.

— Мне показалось гораздо дольше. — Бабушка была одета в джинсовый комбинезон, зимние сапоги и объемный вязаный свитер поверх нескольких рубашек с длинными рукавами. Морщины пересекали ее обветренное лицо. Ей было около семидесяти, но ее голубые глаза по-прежнему оставались такими же острыми и умными, как всегда.

Локи пробрался между ног бабушки и запрыгнул на крышку сиденья унитаза. Один и Тор проскочили прямо за ним. Коты следовали за бабушкой, как ее личная свита.

— Ну что, снова чувствуешь себя чистой? — Бабушка посмотрела на кастрюлю на туалетной тумбочке. — Ты, несомненно, использовала всю воду.

Квинн почесала Локи за ушами.

— Да, только я не мыла волосы уже пять дней. Вся кожа головы жирная, и я чувствую себя отвратительно.

Теперь они мыли волосы только раз в неделю. Видимо, так делали раньше, до того, как у всех появилась водопроводная вода и шикарные ваннные комнаты.

Бабушка считала, что это нормально, но Квинн это раздражало до чертиков.

— Мы всегда можем сбрить твои волосы, — со злобным смехом сказала бабушка. — Это решит проблему вшей.

— Полегче, бабуля, — отозвалась Квинн. — И у меня нет вшей.

— У меня есть кое-что от зуда. — Бабушка прислонила трость к стене и прошла мимо Квинн. Она порылась в шкафчике под раковиной в ванной и достала бутылочку с детской присыпкой.

Квинн уставилась на нее так, словно та могла ее укусить.

— Для чего это?

— Натри этим кожу головы. Это как сухой шампунь. Поможет снять зуд между мытьем волос.

— У меня закончились шампунь и кондиционер, — сказала Квинн. — Я обыскала кладовку в подвале, но не нашла, где ты их спрятала.

Бабушка усмехнулась.

— Это потому, что их там нет.

Квинн уставилась на нее.

— Это не смешно.

— Я не шучу. Шампунь лишает волосы естественных масел. На самом деле он тебе не нужен.

Квинн скорчила гримасу.

— Только не говори мне, что ты действительно не мыла волосы все это время. Так вот откуда этот странный запах?

— Поосторожнее с нахальством, соплячка. — Бабушка снова нагнулась под раковину и достала коробку с пищевой содой. — Используй это.

— Разве это не должно быть на кухне?

— Она отшелушивает кожу головы и помогает избавиться от кожного сала. Смешай пищевую соду, воду и несколько капель эфирного масла лаванды в пустой бутылке из-под шампуня, взболтай, чтобы получилась паста, и вот, пожалуйста. Домашний шампунь.

— Я предпочитаю мой «Pantene Pro-V», большое спасибо.

— Мы много чего предпочитаем. Это мир, который мы имеем.

— Премного благодарна, — пробормотала Квинн. Кожа головы так сильно зудела, что она была готова попробовать что угодно. Она протянула руку. — О, хорошо. Я возьму это.

— Не суди, пока не попробуешь, девочка. Это очень полезно. Из пищевой соды можно сделать отличную зубную пасту.

Квинн застонала.

— Только не говори, что с этого момента мы будем делать собственную зубную пасту.

— Конечно, будем.

— Вот почему у нас такие запасы соды внизу?

В бабушкиной тайной кладовке, спрятанной в подвале, хранилось фунтов десять пищевой соды. А может и больше.

— У нее трехлетний срок годности, и она отлично подходит для десятков других целей, кроме выпечки. Сода облегчает укусы насекомых, сыпь, воспаление и зуд. Из нее можно сделать ополаскиватель для рта или смешать с кукурузным крахмалом для дезодоранта. Она так близка к чудодейственному продукту, как мы только можем себе представить.

— Отвратительно.

— Когда все вокруг рушится важно только, работает ли это. Чем дешевле, чем универсальнее и чем проще хранить, тем лучше.

— Да, да, я знаю. — Квинн знала. Она понимала и ценила все, что сделали бабушка и дедушка, чтобы подготовиться к подобной катастрофе.

Шампунь из пищевой соды и зубная паста. Еще две вещи, которые можно добавить в колонку «Причины, по которым Апокалипсис — отстой».

По крайней мере, у них имелась возможность сделать то, что им необходимо. Так и есть. Она не могла представить себе жизнь без средства для чистки волос и зубов.

Бабушка посмотрела на нее в зеркало, и выражение ее лица стало неожиданно серьезным.

— Ноа рассказал мне, что произошло в «Винтер Хейвене». Неужели ты думала, что я не услышу об этом?

Квинн покраснела.

— Предатель, — пробормотала она.

Бабушка прищелкнула языком.

— Не вини Ноа. Мне не нравится то, что я слышала о твоём нападении на этого дурака-солдата. Ни капельки.

— Они даже не настоящие солдаты.

Бабушка нахмурила свои белые брови.

— А оружие у них настоящее?

— Да, — Квинн вздохнула. — Я знаю, бабушка. Знаю. Я собиралась быть осторожной и терпеливой, как ты и сказала. Но когда этот придурок Десото начал толкать Майло, я просто вышла из себя. Он душил маленького ребенка, бабушка. Я должна была что-то сделать.

Бабушка снова прищелкнула языком.

— У тебя в крови огонь твоего деда.

— Я не буду вести себя глупо, обещаю.

— Ты нажила себе врага, вот что ты сделала. Эта большая обезьяна тебя не забудет.

По позвоночнику Квинн пробежал холодок. Она вспомнила, как Десото смотрел на нее, как будто хотел задушить ее прямо там и тогда.

— Знаю.

Бабушка поджала губы.

— Может быть, тебе стоит носить с собой оружие.

У Квинн была своя винтовка 22 калибра для стрельбы по мелкой дичи. Она держала ее под рукой, когда находилась в доме, но обычно не брала с собой. Вряд ли винтовка могла справиться с одним из АК-47 ополченцев.

Взгляд Квинна упал на бабушкин «Моссберг 500», прислоненный к стене прихожей рядом с ванной. Бабушка везде брала его с собой. Она даже ложилась с ним в постель, чтобы его можно было легко достать посреди ночи.

— Он тебе нужен, бабушка. Если кто-то попытается вломиться в дом, когда меня не будет, ты должна защитить себя.

Бабушка схватила трость и тяжело оперлась на нее. Она внезапно показалась усталой и постаревшей.

— Просто будь осторожна. Ты единственная родня, которая у меня осталась.

Квинн натянуто усмехнулась.

— Всегда есть кошки, чтобы составить тебе компанию.

— Я серьезно, девочка.

Грудь Квинн сжалась. В этом мире осторожность не гарантирует безопасности.

— Я знаю.

Глава 25

Лиам

День двадцать четвертый

Лиам проснулся, задыхаясь.

Воспоминания о боевых действиях нахлынули на него, и он покрылся холодным потом. Мужчины кричали, хрипели, вопили. Взрывы потрясли его до глубины души. Трассеры и ракеты, пролетающие над головой. Пули, пыль такая густая, что он чувствовал ее вкус.

Адреналин заливал его синапсы, отгоняя страх, хаос, сенсорную перегрузку и заставляя сосредоточиться на задании: определить цели, стрелять, перезаряжать, остаться в живых.

Он выстрелил прямо вверх. Лиам не понимал, ни где, ни в каком времени он находится. Тревога захлестнула его. Он наощупь поискал пистолет, оружие.

— Вот, он здесь.

Что-то сунули ему в руки. «Глок». Он сомкнул пальцы вокруг его корпуса, такого же знакомого, как его собственные руки

Кошмар медленно исчезал, но сердце все еще сильно билось. Пот высыхал на его коже.

Моргнув, Лиам огляделся вокруг, оценивая обстановку. Выстрелы и взрывы стихли.

Дым, огонь и крики исчезли. Вонь, жара, пот и паника ушли.

Он снова был в доме, в гостиной. Сидел на матрасе с фиолетовой принцессой, укрытый кучей разномастных одеял. Камин у него за спиной. Диван придвинут к стене. Окна закрыты.

Призрак растянулся по другую сторону камина. Его морда лежала на лапах, карие глаза настороженно смотрели на Лиама.

Рядом с ним в ящике комода мирно спала маленькая Шарлотта.

Ханна стояла на коленях рядом с матрасом. Ее новые, более короткие волосы рассыпались по плечам. На красивом лице читалось беспокойство.

— Я перезарядила его. Я думала, ты так захочешь.

Ханна и Шарлотта Роуз были живы. Они находились в безопасности.

Гигантская рука разжала его грудь.

Он передернул затвор «Глока» и проверил патронник. В патроннике сверкнул патрон 124 калибра с остроконечной оболочкой.

Положил пистолет на матрас рядом с собой и сделал медленный вдох.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ханна.

Кончики его пальцев рук и ног были обморожены. Все его тело болело. Боль в пояснице тупо пульсировала. Лиам чувствовал себя совершенно истощенным.

— Как будто меня переехал грузовик.

Ее губы подергивались.

— Это хорошо, да?

— Почти.

— У нас закончились дрова. Я сожгла последние столики, которые ты нарубил. И книжный шкаф, и журнальный столик. Сейчас на растопку пошел кухонный стол. Его мне пришлось рубить самой.

Лиам посмотрел на куски дров, тлеющие и плюющиеся в камине. Огонь горел тепло и привлекательно.

— Ты молодец.

Ханна просияла.

— Я думала, что сломаю руки, но у меня получилось.

Она встала и поспешила к кастрюле, стоявшей у огня. Зачерпнула из нее суп и налила его в миску прихваченной откуда-то ложкой. Вернулась к нему, осторожно, чтобы не расплескать суп, и протянула ему миску.

— Я надеялась, что ты скоро проснешься. Тебе нужно что-то теплое.

Он осторожно попробовал. Суп был горячим, но приятно успокаивал, скользя по горлу. Внезапно его обуял голод. Пустой желудок грыз его так, словно он не ел целую неделю.

Лиам проглотил еще несколько ложек, затем сделал паузу.

— Как долго я пробыл в отключке?

— Три дня.

Он поморщился.

— Три дня?

— Одно время все висело на волоске. — Она закусила нижнюю губу. — Я думала... думала, что ты не выживешь.

— Меня трудно убить.

— Да, конечно. — Она отвернулась. Ее щеки покраснели. — Мы волновались.

Призрак ударил хвостом в знак согласия. Он пыхтел, его черные желваки вытягивались назад, как будто он ухмылялся.

— Призрак нашел меня. В ту метель...

— Он знал, что ты все еще где-то там. Верил, что найдет тебя. И он нашел.

Грудь Лиама сжалась.

— Умница.

— Доедай свой суп. Я сделаю чай. Запасы на исходе, но у нас в кладовке еще есть немного меда. Тебе нужно больше калорий.

Он потянулся и взял Ханну за руку.

— Подожди.

Ее ладонь была мягкой и теплой. Он не хотел отпускать ее. Он почувствовал, как жар поднимается по его лицу.

— Пайк. Мы сражались в лесу. Я ранил его. Подстрелил по крайней мере один раз, может быть, два. Он сбежал. Я знал, что он идет сюда. И надеялся, что он умрет по дороге. Может быть, так и случилось. Я думал...

Ханна не отдернула руку.

— Он и правда мертв. Хотя все-таки появился здесь.

Сердце Лиама замерло. Лед пробежал по его венам.

— Что случилось?

Ее глаза потемнели, как будто зрачки съели изумрудную зелень радужки.

— Он зашел через гараж. И запер Призрака внутри. Я не могла добраться до Призрака. Пайк пришел за мной и Шарлоттой. Я схватила «Ругер». Я стреляла в Пайка, пока не кончились патроны. Хоть и попала в него один раз, но в плечо. У меня так тряслись руки, и это просто чудо, что я вообще попала в него.

Сердце Лиама сильно стучало в груди. Он сжал ее руку и не отпускал.

Ханна рассказала ему все остальное. Говорила медленно, с перерывами, но ее взгляд не отрывался от его глаз. В ее глазах мелькали тени боли, потери, но и триумфа.

С каждым ее словом его ярость росла, но и гордость тоже. Лиам гордился Ханной. Гордился тем, что она сражалась, как дикарка, защищая себя и своего ребенка.

Ханна совсем не походила на ту испуганную женщину, которую он обнаружил в лесу. Она стала совершенно другим человеком.

— Мы убили его, — закончила она. — Призрак и я. Мы сделали это вместе.

Призрак поднял морду и наострил уши, как будто знал, что они говорят о нем. Он громко и самодовольно твякнул.

— Хорошая работа, мальчик, — хрипло сказал Лиам, эмоции сковали его горло. — Вы оба молодцы.

— Он до сих пор внизу.

— Пусть там и сгниет.

Рот Ханны дернулся.

— Так и думала, что ты это скажешь.

Рядом с псом Шарлотта зашевелилась. Она раскинула свои маленькие ручки, как морская звезда, и захныкала.

Прежде чем Ханна успела подойти к ней, Призрак осторожно погладил ее носом, как мать гладит спинку ребенка. Шарлотта на мгновение приоткрыла глаза, издала довольное бульканье и тут же заснула.

— Она смеется, — удивился Лиам.

— В этом возрасте это просто газики.

— И все-таки она смеялась.

— Верь во что хочешь.

— Это правда. Я все видел.

Ханна подавила улыбку. Она поднялась на ноги.

— Тебе нужно подкрепиться. Я принесу тебе чай.

— Я приготовлю. — Лиам откинул одеяла и начал вставать. Его мышцы слишком ослабли. Ноги дрожали, как желе, под его весом.

— Сядь, — приказала Ханна. В ее голосе не слышалось ни колебаний, ни двусмысленности. Это был приказ.

Лиам опустил обратно на матрас.

— Я в порядке.

Ханна сжала руки в кулаки на бедрах.

— Ты оправаляешься от гипотермии. Ты ранен, и едва не погиб. Ты не должен делать все сам.

Лиам только хмыкнул.

— Ты упрямый, как ребенок.

Призрак забавно оскалился.

Лиам уставился на него.

— На что ты смотришь?

Призрак просто вильнул хвостом.

— Предатель, — проворчал Лиам. — Я думал, ты на моей стороне.

— Он на нашей стороне, — сказала Ханна. — Но на моей больше.

— Полагаю, это справедливо.

Лиам посмотрел вниз. Внезапно он понял, что полностью обнажен. Не только верхняя половина тела, но и везде. Голый, как в день своего рождения.

Его охватило смущение. Он ухватился за ближайшее одеяло и обернул его вокруг своей талии.

— Что, черт возьми, случилось с моей одеждой?

— Твои ботинки у камина. Я набила их старой газетой, которую нашла в кабинете, чтобы они быстрее высохли. Что касается твоей одежды... — Ханна жестом указала на диван. — Она почищена, постирана и сложена на диване, когда ты будешь готов.

— Я... ты сняла ее... сама, — пробормотал он.

Ее глаза сузились.

— А кто, по-твоему, заботился обо всем последние три дня?

Лицо Лиам горело при мысли, каким Ханна его видела. О телесных выделениях которые она убирала. Это заставило его почувствовать себя слабым, беспомощным и уязвимым.

Он ненавидел это чувство больше всего на свете.

Выражение ее лица смягчилось.

— Лиам. Ты сделал то же самое для меня.

— Это не то же самое.

— Конечно, то же самое.

Она права. Но ему все равно не нравилось.

В ее глазах блеснул намек на озорство.

— Кроме того, такой ты мне даже больше нравишься.

— Голый?

Теперь пришла очередь Ханны краснеть.

— Такой смущенный и растерянный. Это освежающая перемена.

Он фыркнул.

— Теперь я могу забрать свою одежду?

— Через минуту. Сначала тебе нужно привести себя в порядок. На тебе кровь. И ты грязный. Честно говоря, от тебя воняет.

Это вызвало у него натянутую улыбку.

— Видела бы ты меня в Ираке.

— Могу себе представить.

Лиам посмотрел на диван. Расстояние до другого конца комнаты вдруг показалось ему милей.

— Дай мне хотя бы боксеры. Оставь мужчине хоть немного достоинства.

Ханна слегка ухмыльнулась, но протянула ему сложенные боксеры. Она вернулась на кухню — видимо, чтобы дать ему возможность побыть наедине. Лиам быстро оделся, и через минуту она вернулась с горячим чаем с таким количеством меда, что он мог есть его ложкой.

Ее живот все еще немного вздымался после родов, но двигалась она по-другому. В ней появилась непринужденная грация, уверенность, которой раньше не наблюдалось. Он почувствовал влечение к ней.

Ханна направилась на кухню и вернулась с большой миской воды. Поставила ее у огня, чтобы согреть. Рядом она положила полотенце и стопку чистых салфеток.

— Я могу помыться сам.

— Я знаю. Но тебе пока не стоит вставать на ноги. Как только поднимешься, ты не будешь отдыхать. Ты будешь носиться здесь, как лев в клетке. Отдохни еще день, чтобы восстановиться.

Лиам не мог оторвать от Ханны глаз. Ее кожа, казалось, мерцала в свете костра. Теплый свет подчеркивал ее скулы, тонкий изгиб носа, маленький упрямый подбородок. А ее зеленые глаза сияли.

— Ты страдал за всех остальных. Ты служил своей стране. Ты отдал свое тело, свой разум, рисковал своей жизнью. — Она слабо улыбнулась ему. — Позволь кому-то другому помочь тебе хоть раз. Позволь мне помочь тебе.

Он не мог ей отказать. Он никогда не умел отказывать красивым женщинам. Особенно такой женщине, как Ханна.

Нехотя он кивнул.

— Доверься мне, — сказала она.

Лиам доверился. Боже, помоги ему, но он ей верил.

Глава 26

Лиам

День двадцать пятый

Ханна мыла Лиама.

Она окунула ткань в воду, выжала ее и начала вытирать ему спину. Вода была горячей, но не обжигающей. Она смыла грязь, пот и засохшую кровь. Ее маленькие теплые руки действовали твердо, но нежно, когда она вытирала его голые плечи, спину, грудь.

Ее пальцы не дрогнули, когда она провела по его порезам, царапинам и шрамам. Его поврежденная войной кожа.

Несколько минут Ханна работала в тишине. Никто из них не говорил.

Призрак тихонько пыхтел. Огонь потрескивал и вспыхивал. Тепло и мерцающий свет огня делали комнату теплой и уютной.

Ее близость немного нервировала, но в то же время успокаивала. Лиам не мог припомнить, чтобы раньше испытывал такую нежность. Это казалось приятным. И было правильно.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — спросила Ханна.

— Конечно.

Ее слова прозвучали нерешительно, осторожно.

— Когда бредил, ты говорил всякое.

Лиам застыл на месте.

— Что?

— Ты с кем-то разговаривал. С кем-то по имени Джесса.

Он закрыл глаза. Свет костра плясал за его веками.

— Ты можешь рассказать мне, ты знаешь. Тебе не обязательно, но я рядом. Я всегда выслушаю.

Ханна проследила шрам от пули на его пояснице. Прикоснулась к нему с нежностью, заставившей его почти расплакаться по причинам, которые Лиам не мог назвать или объяснить.

Он так долго был сильным. Жестким и твердым. Сейчас он чувствовал себя как угодно, но только не сильным.

Его защита ослабла. Ханна полностью его обезоружила.

Лиаму казалось, что он разлетается на части, кусок за куском.

Ханна доверила ему свои осколки. Возможно, он мог бы сделать то же самое.

— Кое-что случилось, — проговорил он, запинаясь. — В Чикаго.

Она села и переместилась на матрасе так, что оказалась лицом к лицу с ним, устремив взгляд на него, ее лицо выражало теплоту, сострадание и открытость.

— У меня был брат по имени Линкольн. Мой близнец. Его жену звали Джесса. Я... — Лиам сглотнул. — Она была моей невесткой. Она ждала их первого ребенка. Я полетел в Чикаго, чтобы с ними повидаться. Посттравматический синдром моего брата становился все хуже. Джесса беспокоилась о нем. Она сказала, что я нужен ему, что я единственный, кто может достучаться до Линкольна. Это был канун Рождества. Они только что забрали меня, когда случилось ЭМИ. Мы находились в центре Чикаго, и машина просто остановилась. Светофоры, телефоны, все. Мы врезались в машину впереди нас. Все обошлось — никто не пострадал, но у Джессы заклинило ремень безопасности. Мы с Линкольном вышли из машины. Мы просто стояли там. Я думал, у нас есть время. Я не предполагал... я не знал.

— Самолеты — они тоже перестали работать. Мы наблюдали, как один разбился. Потом между зданиями появился другой. Огромный и так низко. Скользил прямо на нас. Времени не оставалось. Я крикнул Линкольну, чтобы он бежал, но его посттравматический синдром дал о себе знать, и он замер. Он не двигался. Он впал в транс — не понимал, где он

и что происходит. Джесса все еще оставалась в машине. Ремень безопасности не поддавался. Самолет все снижался. У меня кончалось время. Мне пришлось выбирать. Линкольн или Джесса.

Он резко вдохнул.

— Боже, помоги мне, я выбрал Джессу. Джессу и ребенка. Я знал, чего бы хотел Линкольн. Он бы убил меня, если бы я спас его и позволил ей умереть. Мне казалось, что я вырываю собственное сердце из груди, оставляя его. Но я все-таки ушел. Я должен был.

— Я освободил Джессу, и мы побежали. Она не могла двигаться быстро, так как была на девятом месяце беременности. Самолет опускался позади нас. Без двигателей он падал почти бесшумно. Этот великий предвестник смерти проплывал над нами и опускался на наши головы. Нам удалось укрыться в банке. Я толкнул Джессу вперед себя, крикнул ей, чтобы она спряталась за чем-нибудь. Она укрылась. Я держался чуть позади нее.

— Я видел, как самолет падает. Крылья ударялись о здания и отрывались, как будто их сделали из бумаги. Фюзеляж взорвался. Огромные куски шрапнели размером с автомобиль разлетались во все стороны, разбивая машины и здания, пробивая сталь, стекло и кирпич. Я бросился в укрытие. Как только смог, я поднялся на ноги, ища Джессу, выкрикивая ее имя. Кругом стояла такая пыль и дым. Все горело. Я нашел ее в задней части банка. Сначала подумал, что с ней все в порядке. Я думал, что мы выжили.

Лиам сделал паузу. В горле поднялся ком. Его глаза горели.

Ханна не стала торопить. Она ждала.

Через мгновение он вновь обрел самообладание и продолжил.

— Большой кусок шрапнели раздробил ей бедро и задел бедренную артерию. Я наложил жгут, но этого все равно оказалось недостаточно. Она истекала кровью. Мы были в двух милях от больницы. Две мили ада. Ни одна машина не работала. Люди бегут, кричат и вопят. Я нес ее почти всю дорогу. Мы... мы не дошли. Она умоляла меня остановиться. Она говорила, что ей нужно отдохнуть. Мы оба все понимали. Она думала о ребенке, а не о себе. Она знала, что будет дальше. Я тоже знал, но пока не хотел себе в этом признаваться. Это казалось слишком ужасным, слишком чудовищным.

— Мы нашли отель, где нас приютили. Я заплатил наличными. Одна из сотрудниц предоставила нам номер. Ее звали Приша Хунджан, и она помогла нам. Она сделала все, что могла. Джесса — она была такой храброй. Смелее, чем я. Она сказала мне, что умирает. Она ведь была врачом, она понимала, что происходит. Ребенок мог жить в ее утробе только пару минут после ее смерти. Вот почему она отказалась добираться до больницы. Это заняло бы слишком много времени, прежде чем ей помогли бы. Она бы умерла, и ребенок тоже. Она твердо решила не допустить этого.

Он ожесточенно вытер глаза.

— Она рассказала все, что мне нужно сделать. Шаг за шагом. Она умирала, и у нее все еще хватало силы духа объяснить мне, как ее вскрыть. Она... она умерла там, в том номере отеля. Я ничего не мог сделать, чтобы ее спасти. Я не мог ее оплакивать. У меня оставалось две минуты, чтобы вытащить ребенка, или мой племянник умрет. Выбора у меня не было, я сделал это. Я разрезал ее живот. Раскрыл ее внутренности и вытащил сына Джессы и Линкольна. Легко говорить, но это самое трудное, что я когда-либо выполнял. Если бы я сделал разрез на четверть дюйма глубже, я бы случайно убил ребенка. Каждый разрез требовал точности. И каждая секунда означала, что он теряет кислород...

Лиам содрогнулся от воспоминаний.

— Ты спас его, — мягко сказала Ханна. — Так же, как ты спас Шарлотту.

Лиам тяжело кивнул. Его руки лежали на коленях, пальцы сжались в кулаки.

— Это не конец. Это еще не все. Родители Джессы жили в Чикаго. Джесса попросила меня отвезти к ним ее сына. Приша помогла мне вымыть ребенка и смастерить из полосок простыни переноску. Я пошел к ним пешком. Я едва помню это место. Там были родители Джессы. Мистер и миссис Брукс. Они забрали ребенка. Я сказал им, чтобы они выбирались из Чикаго. У них была старая классическая машина, которая все еще работала, и родственники, владеющие фермой в Тусколе, маленьком городке где-то в Иллинойсе. Я пожелал им удачи и... ушел.

— Та шапочка, которую ты подарил Шарлотте... ты сделал ее для своего племянника.

— Да. Он был в ней по дороге из отеля к родителям Джессы. Она упала в снег. Когда я увидел ее снова, то не смог смириться с тем, что придется вернуть ее обратно. Мне хотелось сохранить память о нем. Мне просто... мне нужно было это.

— О, Лиам, — прошептала Ханна. — Мне так жаль.

— Они назвали его в честь меня. Они назвали его Лиамом.

Слезы хлынули. Он не пытался остановить их. Горе накатывало на него волнами.

Ханна придвинулась к нему ближе. Она обхватила его грудь своими тонкими руками и прижалась к нему. Она ничего не говорила. Она просто его обняла.

— Я оставил его там. Как я мог оставить его? Мне следовало сопровождать Бруксов в Тасколу. Я должен был убедиться, что они в безопасности. Я мог бы это сделать. Это то, что я делаю. Я такой, какой я есть.

— Это было слишком больно, — проговорила Ханна.

Он чуть не сломался, оставив этого ребенка. Его сердце уже разбилось на миллион осколков из-за потери Линкольна и Джессы. Как бы сильно он ни любил своего племянника, его сердце не могло вынести еще одной потери.

И снова он выбрал изоляцию вместо любви. Одиночество вместо привязанности.

Бегство всегда служило для него решением жизненных проблем. Но это невыход.

— Это не в первый раз, — добавил Лиам.

Он продолжил свой рассказ. Так надо было. Он должен избавиться от всего этого. Его словно яд разъедал изнутри. Если он не справится сейчас, то не сможет никогда.

— Я любил своего брата. Я любил Джессу. — Он сжал челюсти. — Любил с того момента, как впервые ее увидел. Я ничего не мог поделать. Она выбрала Линкольна. Я никогда не обижался на нее за это. Никогда. Но и перестать любить ее я тоже не мог.

Он чувствовал себя опустошенным. Всю эту любовь некуда девать, кроме как внутрь, чтобы выскрести все расширяющуюся дыру в центре себя.

— Из-за этого я отдалился от них обоих. Я позволил этому встать между нами, как стене, преодолеть которую я не решался. Четыре года я не видел своего брата. Я не видел ее. Я жил один, утопая в собственных страданиях. Это было неправильно. Я сильно ошибся.

Ханна сжала его плечи. Он позволил себе раствориться в ней. Она излучала тепло, мягкость и комфорт, все то, чего он не верил, что заслуживает.

— Мы нужны друг другу, — сказала она. — Никто из нас не может сделать это в одиночку.

Они два израненных человека. Такие разные и такие одинаковые. Оба они выжили. Оба страдали от травм и потерь. Зеркала страданий и борьбы друг друга.

Но Ханна не могла его спасти. Так же, как и Лиам не мог спасти ее. Нет. Тяжелую

работу придется делать самому.

Но это не значит, что путешествие нужно совершать в одиночку.

Тогда он понял, что отказался не от человечества. Он отказался от самого себя. Отказался от шанса на жизнь, наполненную смыслом, на человеческую привязанность, на любовь.

Сколько бы лжи он ни говорил себе, теперь он понимал правду.

Любовь приносила боль. Она приносила страдания. Но она того стоила.

Он отстранился от Ханны. Их лица разделяли считанные сантиметры.

Его сердце разрывалось, наполняясь эмоциями, которым он не мог дать названия. То, что он пытался отрицать даже для себя. Но больше не мог. И не хотел.

Его мир давно был темным и бессмысленным. Ханна придала ему смысл. Ханна дала ему надежду.

Лиам протянул руку и заправил прядь волос ей за ухо. Он мог бы поцеловать ее. Он жаждал этого.

Шарлотта громко заплакала.

Ханна улыбнулась ему. От этого у него в груди что-то кольнуло.

— Долг зовет, — мягко сказала Ханна. Она поднялась на ноги и подошла к ребенку.

Лиам не мог отвести от нее глаз. Он снова влюбился в женщину, которую никогда не мог иметь. Влюбился полностью, бесповоротно и от всего сердца.

Лиам полюбил Ханну Шеридан.

Глава 27

Ханна

День двадцать седьмой

В голубом небе ярко светило солнце. Воздух был свежим и почти теплым по сравнению с предыдущими неделями, где-то около минус одного градуса.

Ханна взяла Призрака на прогулку. Вернее, Призрак вывел ее на прогулку.

Они шли по главной улице по заснеженному тротуару, со всех сторон виднелись закрытые и исписанные граффити здания. Улицы пустовали.

Чуть раньше она встретила нескольких соседей, которые отважились выйти за пределы своих домов. Это были сельские жители, жители маленького городка. Крепкие и выносливые. Но они тоже боялись, устали.

Они просто хотели, чтобы все вернулось на круги своя. Но ничего не возвращалось. Ничто и никогда не будет прежним.

В этом мире любой может стать угрозой. Неважно, насколько безобидным он казался на первый взгляд.

Призрак резвился впереди нее. Он бросался на снежки, которые она ему кидала. Зарываясь мордой в снег, он радостно фыркал, пробираясь через сугробы, и его царственный пышный хвост реял за ним, как флаг, развевающийся на ветру.

Как бы тепло и уютно ни было в доме, ей нужно сменить обстановку. Необходимо выбраться на улицу.

Лиам снова встал на ноги, но переохлаждение и травма спины отняли у него много сил. Он слишком много пережил.

Он не робот, как бы ему ни хотелось притвориться им. Его тело ослабло, как и у любого человека. Оно могло выйти из строя. Оно могло сломаться.

Ханна оставила Лиаму отдыхать с Шарлоттой, прижавшейся к его широкой груди, его рука защищала ее спину. Вид их вместе что-то сделал с ней, согревая и одновременно сжимая ее сердце.

Прошло два дня с тех пор, как Лиам поведал ей о своем прошлом, когда он обнажил свои самые больные места.

Каждое разбитое сердце ломается по-разному. Она знала характер своих собственных трещин. Теперь знала и его.

Она чувствовала себя польщенной, оказанной ей честью, когда он доверил ей свои секреты, свои страхи и свои уязвимые места. Так же, как она доверяла ему. Она не предаст это доверие, ни за что.

Это немного странно — заглянуть в одиночество другого человека. Как будтоходишь в темную пещеру, ощупываешь стены, натыкаешься на острые углы, изучаешь очертания чужого, но знакомого места.

Ханна понимала его боль. Узнала себя в нем, в этой темной пещере потерь, сожалений и горя. Они выбирались из нее, медленно, осторожно и неуверенно, но вместе.

Эти драгоценные минуты мира и спокойствия казались украденными. Словно Ханна, Лиам и Шарлотта попали в полупрозрачный пузырь, плавающий вне времени.

Но это не так. Как бы сильно она ни заботилась о Лиаме. Как бы они оба ни нуждались в этом, чтобы восстановиться физически и эмоционально, чтобы исцелиться. Время шло. Разбитый мир вращался, становясь еще более разбитым с каждым днем, с каждым часом.

Она с болью подумала о Майло. У нее осталась ответственность и цель, которую она не могла потерять из виду даже на мгновение.

Ей нужно воссоединиться с сыном и мужем. Вся ее семья должна быть вместе и в полном составе.

Ей нужно вернуться домой.

Гул моторов привлек внимание Ханны.

В жутковатой тишине нового мира, наступившего после ЭМП, шум двигателя казался оглушительным. Он прорезал тишину, как консервный нож жестяную банку.

Ее пульс ускорился. Инстинктивно она спряталась в тени под навесом парикмахерской. Ханна не хотела, чтобы ее увидели. Лучше всего избегать даже возможности неприятностей.

Она нащупала оружие. Лиам достал из подвала ее перочинный ножик. Он лежал в кармане брюк, а «Ругер» в кармане куртки — заряженный, на предохранителе и готовый к стрельбе.

Гул двигателей становился все громче, все ближе.

Она напрягла уши, пытаясь разобрать, откуда доносятся звуки. Прикрыв глаза больной рукой, здоровой полезла в карман, пальцы сжались вокруг рукоятки 45-го калибра.

Внизу по улице, примерно в тридцати ярдах, три грузовика свернули за угол и с грохотом понеслись в ее сторону.

Нащупав левой рукой дверь у себя за спиной, она попыталась открыть ее. Дверь оказалась заперта. В отличие от других магазинов и кафе на этой улице, окна и двери парикмахерской оставались нетронутыми.

Адреналин пронзил ее насквозь. Ее ладони стали влажными в перчатках.

Бежать поздно. Внезапное движение привлекло бы их внимание. Оставалось надеяться, что глубокие тени обеспечат достаточную скрытность, и они просто проедут мимо.

— Призрак! — отчаянно прошептала Ханна. — Ко мне!

Почувствовав напряжение в ее голосе, Призрак перестал рыться в сугробе, наполовину прикрывающем пожарный гидрант, и поскакал к ней.

Она надавила ему на спину.

— Сидеть. Не отходи от меня.

Он послушно сел. Пес следил за приближающимися грузовиками, его взгляд стал внимательным и настороженным. Как и у Ханны.

Грузовики оказались старыми и потрепанными, выпущенными где-то в 1970-х годах. Один был белый, другой черный. Третий, вероятно, имел бежевый цвет, но он слишком покрыт грязью и копотью, чтобы определить наверняка.

Машины имели зимние шины и ехали медленно, со скоростью около десяти миль в час. Когда первый грузовик приблизился к ее укрытию, она заметила, что по бокам каждого из них что-то нарисовано.

Ханна прищурилась от яркого солнечного света, чтобы прочитать наспех нацарапанные слова: «Полиция Фолл-Крик».

Кровь бросилась ей в уши. Ханну охватила волна головокружения. Ноги ослабли и затекли. Она прислонилась к стеклянной двери салона, успокаивая нервы.

Она прочитала неправильно. Она прочитала то, что хотела увидеть, а не то, что там на самом деле написано.

Первый грузовик проехал. Ханна сфокусировала взгляд на втором грузовике. Белый. На нем красовались большие, черные и кристально чистые буквы.

Она замерла в нерешительности.

Надежда расцвела в ее груди, борясь с осторожностью. Надежда победила.

Ханна бросилась на дорогу. Ее сердце билось о ребра, дыхание застыло в горле, как молитва.

Она подняла руки, держа пистолет в правой руке, и дико замахала.

— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!

Белый F150 резко затормозил. Шины заскользили. Ханна отпрыгнула назад с дороги. Призрак бросился к ней с оглушительным лаем.

Грузовик остановился посреди улицы. Водительская дверь открылась, и из нее вылез мужчина. Под зимней курткой на нем была полицейская форма, пистолет в кобуре у бедра, а винтовка перекинута через плечо.

Он откинул куртку и положил руку на рукоятку своего табельного оружия.

— Мы можем вам помочь?

Она с трудом выговаривала слова.

— Вы из Фолл-Крика. Вы из полицейского департамента Фолл-Крик.

— Да, мэм. Так и есть.

Он выглядел знакомым. Латиноамериканец лет сорока, толстошей и крепкий, как танк. Он выглядел так, будто мог разбивать арбузы кулаками. Суровый, но его лицо не выражало недоброжелательности.

Призрак прижался к внешней стороне ее бедра. Он не рычал, но его жесткая, настороженная поза говорила достаточно убедительно. Лучше не связывайся с нами, иначе...

Офицер посмотрел на Призрака. Его глаза расширились.

— Большой у вас пес.

— Ага.

— Он дружелюбный?

— Только иногда.

— Думаю, это справедливо. — Он слегка улыбнулся. — Не хотите убрать пистолет? Я рад поговорить, если вы хотите, но трудновато сосредоточиться, когда вокруг бряцает смертоносное оружие.

Он говорил вежливо. Любезность может означать что угодно. Любой может вести себя хорошо.

Ханна не теряла бдительности. Она опустила пистолет, направив его на землю, но держала в обеих руках. Палец касался спусковой скобы. Если бы понадобилось, она бы без колебаний выстрелила.

— Без обид, — сказала она, — — но я его не уберу.

— Никаких обид. — Он наблюдал за ней, изучая. Нахмурившись в замешательстве. — Я вас знаю?

— Думаю, да. Наверное. — Ханна выдохнула. Воспоминания из другой жизни затопили ее сознание. — Вы работали с моим мужем. Он офицер полиции Фолл-Крик. Его зовут Ноа Шеридан.

Лицо офицера стало пепельным. Его рот исказился. Он открыл рот, затем закрыл его. Покачал головой взад и вперед.

— Нет. Не может быть.

Пассажирская дверь открылась. Выскочила женщина-офицер с дробовиком в руках. Она обошла грузовик спереди и остановилась рядом с первым офицером.

Она тоже была латиноамериканкой, полноватой и широкоплечей, ее черные волосы были коротко подстрижены до подбородка. Она выглядела так, будто могла выдержать кулачный бой, бой с оружием — любой бой.

Она прислонила ружье к плечу и направила его на Ханну.

— Какие-то проблемы, Рейносо?

— У меня галлюцинации, — сказал первый офицер Рейносо. — Я окончательно сошел с ума. Вот что происходит.

Женщина-офицер перевела взгляд с Рейносо на Ханну. Ее глаза сузились.

— Вы выглядите знакомо.

— Ты ее узнаешь? — спросил Рейносо. — Я не сошел с ума, верно? Она действительно там.

— Я действительно здесь, — сказала Ханна.

Рейносо смотрел на нее, как на привидение. Он перекрестился.

— Перес, она говорит, что она жена Шеридана.

Женщина-офицер Перес скорчила гримасу.

— Жена Шеридана мертва.

— Я не мертва, — тихо сказала Ханна. — Я очень даже жива.

Теперь она узнала Рейносо. Он и офицер Перес были сослуживцами Ноа. Она не помнила их имен. Она не знала их хорошо, не как хороших друзей Ноа. Не как...

Впереди них хлопнула дверь черного грузовика. Из него выскочил здоровенный чернокожий мужчина с афро и помчался к ним с удивительной скоростью. Он был одет в джинсы и фиолетово-желтую гавайскую рубашку под поношенной кожаной курткой.

Сердце Ханны учащенно забилося.

Мужчина замедлил шаг, приближаясь к ней. Его рот открылся.

— Святая мать Божья... Ханна? Ханна Шеридан?

Кровь бросилась ей в уши. Все ее тело покалывало от пальцев ног до головы. Ей хотелось плакать, кричать и смеяться одновременно. Слишком много эмоций, чтобы их перечислить, нахлынули на Ханну, как цунами.

Он знал ее. И она знала его.

— Аттикус Бишоп.

Все его лицо засветилось. Широко улыбаясь, раскинув руки, он направился к ней.

Призрак с рычанием прыгнул между ними. Бишоп остановился.

— Все в порядке, Призрак, — сказала Ханна, слезы душили ее. — Это Бишоп. Он... он друг.

Призрак сдержанно запыхтел, но позволил Ханне отодвинуть его с дороги. Бишоп одним широким шагом пересек пространство между ними и заключил ее в свои объятия.

Он сжал ее так сильно, что она едва могла дышать.

Ханна думала, что ей это будет неприятно, что она инстинктивно отпрянет от прикосновения незнакомца, но он не казался ей незнакомцем. Бишоп словно старый друг, которым он и был.

Она уже забыла, какой невероятной силой обладают его медвежьи объятия, но все вернулось в одно мгновение. Поток воспоминаний, спрятанных на долгие годы, запертых, чтобы она могла выжить, и ждавших момента, чтобы вырваться на свободу.

Рейносо и Перес смотрели на них, затаив дыхание. Медленно Перес опустила ружье.

Бишоп отодвинул Ханну на расстояние вытянутой руки и заглянул ей в лицо.

— Ханна! Это действительно ты. Это ты. Я не могу в это поверить. Ты жива! Это чудо. Поистине, чудо! Как это может быть?

Она не вытирала слезы. Позволила им стекать по ее лицу.

— Это долгая история.

— Еще бы! — Он усмехнулся, его белые зубы сверкнули, все его лицо сияло. — Но мы не те, кому ты хочешь рассказать, я уверен. Пока нет.

Он издал громкий, восторженный вопль, который эхом отозвался в хрустящем воздухе.

— Посмотрите на меня! — закричал Бишоп. — Я счастлив, как ребенок в рождественское утро. Какой подарок! Слава Богу! Он приносит радость даже среди горя. И какая же это радость! Ноа будет — он будет в полном шоке!

— А Майло? — прошептала Ханна. Ее горло сжалось. Она едва могла произнести его имя. Столько всего могло произойти за пять лет. Она понятия не имела, жив ли он вообще...

Бишоп увидел выражение ее лица.

— Он в порядке! Майло в порядке. О, Ханна, подожди, пока ты его не увидишь. Он хороший ребенок. Просто фантастический. Ты будешь им гордиться.

Она обмякла от облегчения. Только Призрак, прижавшийся к ее ногам, удерживал ее в вертикальном положении.

— Мне не хочется прерывать встречу, — сказал Рейносо. — Но мы сейчас возвращаемся в Фолл-Крик. Мы заехали в Уотервлиет только для того, чтобы забрать отца одного из наших людей и привезти его с собой в город. На самом деле мы искали пропавших жителей. Мы нашли парочку из них. Чертовски повезло, что вы вообще нас встретили.

— Это провидение, — произнес Бишоп, в его голосе не звучало ни капли сомнения. — Чудо. Бог наблюдает за всеми нами, даже сейчас.

— Что бы это ни было — удача, инопланетяне, вуду — мы примем это. — Рейносо

повернулся к Ханне. — А у меня есть шеф полиции, который приедет меня, если я не привезу вас к нему как можно скорее. Запрыгивайте, и мы отвезем вас домой.

Ее сердце забилося при мысли о доме.

Наконец-то, после пяти долгих лет, Ханна вернется домой.

Глава 28

Ханна

День двадцать седьмой

Ханна привела группу из Фолл-Крика к дому. Она представила их Лиаму, который встретил гостей у входной двери с хмурым видом и наставленным на них стволом своей AR-15.

Он не встретил их тепло, но, по крайней мере, Ханна убедила его впустить их в дом.

Бишоп плакал от радости, когда держал Шарлотту на руках.

— Дети — это такой подарок, — проговорил он задыхающимся голосом.

Призрак кружил вокруг него, беспокойно поскуливая, как чрезмерно заботливая наседка. Призрак явно не доверял этим людям ребенка, которого ему поручили защищать от всех угроз.

Лиам выглядел таким же встревоженным. Ему не нравилось, когда в его убежище вторгались. Он не любил чужаков.

Но они не были чужаками для Ханны. Для Ханны они свои люди.

Никто не спросил, кто отец ребенка, но она видела вопросительные взгляды офицеров. Им не терпелось допросить ее, узнать, где она была и что с ней случилось.

— Это еще не все, — сказала Ханна тихо, но уверенно. Она подошла к двери в подвал. — Человек, который похитил меня пять лет назад. Его тело там, внизу. Вам стоит посмотреть на него.

Она открыла дверь. На них обрушился гнилостный смрад разлагающегося тела. Перес отшатнулась назад, сдерживая дыхание.

Ханна осталась на верху лестницы, пока Рейносо и Перес спускались вниз, прикрывая рты и кашляя от зловония. Призрак стоял рядом с ней, низко рыча.

Она не боялась спускаться в этот подвал. Просто ей это не нужно. Больше нет.

У основания лестницы Рейносо склонился над телом. Перес включила фонарик и осмотрела останки.

Ханна слышала их голоса как будто издалека.

— Где его горло? Посмотри на это, оно практически вырвано.

— Святой ад, — проговорила Перес. — Ты видишь это?

Рейносо посмотрел на Ханну, его лицо помрачнело.

— Вы знаете, кто это?

Она ничего не сказала, просто внимательно наблюдала за ним.

— Это Гэвин Пайк. Сын Розамонд Синклер.

— Я знаю.

— Суперинтендант будет вне себя, — проговорил Рейносо. — Она сойдет с ума из-за этого.

Перес выпрямилась. Она уставилась на Ханну с серьезным выражением лица.

— Кто его убил?

Прежде чем она успела открыть рот, Лиам заговорил у нее за спиной.

— Я.

Глава 29

Ноа

День двадцать седьмой

Прежде чем завершить рабочий день и отправиться к Квинн и Молли, чтобы забрать Майло, Ноа заглянул в приют в школьном спортзале, чтобы проверить, как обстоят дела.

Все выглядело так же удручающе, как он и помнил. Несколько сотен человек, теснящихся в слишком ограниченном пространстве, кровати и спальные мешки, покрывающие пол, дети, бегающие вокруг, плачущие младенцы.

Он слышал ропот людей, все следили за ним, делая вид, что не сильно интересуются. Некоторые из горожан выглядели недовольными. Другие злыми или откровенно несчастными.

Их лица истончились, некоторые исхудали. Даже когда ополченцы кормили всех, никто не ел столько, сколько обычно. Стресс брал свое.

— Как идут дела? — спросил Ноа у бывшего директора Аннет Кинг. Она вызвалась управлять приютом вместе с Шеном Ли, их детским медбратом.

— Идут, — ответила Аннет. Ей было около сорока лет, она выглядела измотанной и уставшей. Она не красилась. Ее серебристые волосы с короткой стрижкой все еще выглядели хорошо, в отличие от волос большинства людей в наши дни.

Она указала рукой за спину.

— Там небольшая группа бездельников. Вон там, в углу, угрюмая группа. Это как средняя школа, только со сварливыми взрослыми.

— Привет, шеф! — обратился Ли, подойдя к Ноа и Аннет. Слегка полноватый американец китайского происхождения в возрасте около тридцати лет, Ли был дружелюбным, общительным парнем и чертовски хорошим медбратом.

— Мы много трудились над тем, чтобы все включились в работу и прониклись ею, — сказала Аннет. — У всех сменный график, так что никто не торчит в туалете постоянно. Мы разделили их на команды, которые занимаются приготовлением пищи, уборкой, санитарией, вывозом мусора, уходом за детьми и образованием. Несколько человек остаются ответственными за определенную область без замены для обеспечения непрерывности и эффективности.

— Норман Клей — шеф-повар, поэтому он отвечает, например, за кухню. Рейчел — одна из моих лучших учителей. Она следит за тем, чтобы дети получали как минимум два часа занятий каждый день, а также занимались декоративно-прикладным искусством и играли на свежем воздухе. Некоторые родители действительно испытывают трудности. Мы стараемся, чтобы дети оставались как можно более здоровыми.

Ноа взглянул еще раз. При ближайшем рассмотрении он увидел, что три стола в углу завалены писчей бумагой, ножницами и клеем, а также разбросанными учебниками. Три человека подметали, а на кухне столовой слева от него несколько человек мыли огромную стопку посуды.

Аннет поджала губы.

— Я думаю, нам нужно добавить какую-то новую учебную программу к основам математики, чтения, письма и естественных наук. Может быть, добыча пищи? Определение

съедобных растений? Как разводить огонь? Боюсь, нам придется заново осваивать эти навыки. Всем нам.

Ли скорчил гримасу.

— Мы справимся. Это может длиться дольше, чем кому-то хочется, но, в конце концов, это временно. В следующем году в это время у нас снова будут Нетфликс и Фейсбук, и все вернется на круги своя.

Аннет нахмурилась, но не стала с ним спорить. Ноа тоже не хотелось. Он устал сообщать плохие новости.

— Я попросила Саттера достать несколько книг из местных библиотек, но он, кажется, не очень хочет этого делать. — Аннет посмотрела на Ноа, как бы взвешивая свои слова. — Такое ощущение, что они не хотят, чтобы мы что-то делали для себя.

— Они просто невероятно заняты, — сказал Ноа. — Наверняка у нас найдется несколько жителей, знающих старые порядки. Я знаю, что Молли разбирается в этом. Может быть, она захочет заглянуть к вам.

— Это было бы здорово, — согласилась Аннет.

— Какие-нибудь проблемы в последнее время? Все ладят?

Аннет нахмурилась еще больше.

— Люди продолжают говорить о том, что случилось в «Винтер Хейвене».

— Это действительно прискорбная ситуация, — жестко сказал Ноа. — Надеюсь, мы сможем избежать подобного в будущем.

— Согласен, — произнес Ли. — Люди просто должны делать то, что нужно, вот и все.

— Два человека мертвы, — тихо сказала Аннет. — Многие горожане шокированы и расстроены.

— Эй, закон и порядок очень важны, — возразил Ли. — Люди должны знать, что они не могут делать все, что хотят. Не в кризисной ситуации. Мы все должны работать вместе на благо всех остальных. Как по мне, ополченцы — просто находка. Они кормят и согревают нас, так ведь? У меня нет ни одного плохого слова, чтобы сказать о них. Розамонд отлично справляется со своей работой. Как и вы, шеф.

Аннет насупилась, как будто не соглашаясь. Но когда она повернулась к Ноа, ее улыбка выглядела искренней.

— Мы ценим, что вы так часто приходите нас проведать, шеф Шеридан. Это важно.

— Всегда пожалуйста. Мы должны заботиться друг о друге. Чем еще я могу помочь вам, ребята?

Ли усмехнулся.

— Теперь, когда мы решили вопрос с водой, и люди стали правильно фильтровать воду, дела пошли лучше. Однако мы все еще боремся с пневмонией и гриппом.

Аннет полуобернулась, чтобы посмотреть на людей, сгрудившихся позади нее.

— У людей стресс. Одно дело, когда ты находишься в своем доме, но когда все теснятся вместе, нет возможности уединиться, и конца этому кризису не видно? Это изматывает людей.

— Признаюсь, я начинаю немного беспокоиться о том, что у нас могут возникнуть проблемы с психическим здоровьем. — Ли понизил голос. — Я вижу много симптомов депрессии, тревоги, посттравматического стрессового расстройства. Проблемы с гневом тоже. Дети ведут себя агрессивно. Взрослые то же самое.

— Я поговорю с Саттером о необходимости поиска Прозака и противотревожных

препаратов.

Ли покачал головой.

— Нельзя просто так накачивать людей антидепрессантами. Не тогда, когда вся их жизнь так перевернулась. Я не знаю. Я стараюсь поддерживать у всех бодрость духа, но хорошая ободряющая речь просто не помогает.

— Жаль, что нет под рукой психологов, — сказала Аннет. — Нам бы очень пригодилась помощь в этом вопросе.

— Я постараюсь что-нибудь придумать, — пообещал Ноа. Как будто ему не хватает новой заботы.

— Перед катастрофой я прочитал о недавнем исследовании, которое показало, что тайленол можно использовать для блокировки или устранения эмоциональной боли, равно как и физической, — поделился Ли. — Стоит попробовать.

Ноа кивнул.

— Я поговорю с Саттером.

— Есть кое-что еще. — Аннет сделала шаг ближе. — Тина Ганди сообщила мне, что заправка больше не доступна для обычных людей. Я зашла туда во время перерыва, чтобы проверить, и она оказалась права.

— Они объяснили тебе причину? — спросил Ноа.

— Ополченцы, стоящие на страже, сказали, что припасы на исходе. То, что осталось, нужно для тех, кто охраняет город.

Ли легко пожал плечами.

— Эй, дела обстоят непросто, но легко не бывает нигде. Это правда, что нашим первым помощникам бензин нужен больше, чем нам. У меня нет с этим проблем.

— Не мог бы ты распространить немного этого позитивного настроения вокруг? Мы в нем отчаянно нуждаемся. — Ноа вздохнул и почесал свой заросший щетиной подбородок. Он уже три недели не брился, но в последнее время гладкое лицо интересовало его меньше всего. — Это временно, пока ополчение не найдет свежие источники.

Аннет кивнула, но не выглядела убежденной.

— Совет за это не голосовал, Ноа.

— У нас не получилось проголосовать. — Собрание три дня назад прошло не очень хорошо. Люди испытывали слишком сильное напряжение, были слишком разобщены. Половина выступала на стороне Розамонд, другая половина — громко против. Собрание превратилось в перепалку между помятым Дэррилом Виггинсом и разъяренным Майком Дунканом. Прежде чем дело дошло до драки, Розамонд прекратила встречу раньше времени и выгнала всех.

— Тем не менее, это не совсем по протоколу...

Его рация запищала. Благодарный за отвлечение, Ноа вышел наружу и поднес рацию ко рту.

— Шеридан слушает.

— Ноа! — почти кричал Бишоп.

Ноа дернул головой.

— Оу. Что случилось?

— Ничего! Абсолютно ничего не случилось!

Такого счастья в голосе Бишопы Ноа не слышал давно, точно еще до того, как его семья погибла. Он не мог представить, что это может быть за новость. Если это хорошие новости,

он с благодарностью принял бы их.

— Что происходит?

— Друг мой, тебе лучше присесть.

— Просто скажи мне.

— Это чудо! Я до сих пор не могу поверить. Я стою здесь, смотрю на нее и не верю.

— Аттікус Бишоп, если ты не...

— Это Ханна.

Сердце Ноа замерло в груди. Мир остановился. Птицы перестали петь. Солнце померкло в небе.

— Значит, нашли ее тело?

— О нет! Это гораздо лучше. Мы нашли ее. Мы нашли Ханну. И Ноа — она жива!

Ноа резко сел. Прямо на бордюр. Его ноги подкосились, а живот резко дернулся вверх. Холодный, мокрый снег просочился сквозь брюки. Он не почувствовал этого.

Ноа не мог дышать. Он не мог говорить. Он с трудом пытался сформировать связную мысль. Его разум гудел, как улей, все вокруг размывалось и отдалялось.

Он не мог осмыслить слова Бишопы. Они не имели смысла.

Этот сценарий снился ему тысячу раз. Каждый раз Ноа просыпался весь в поту, пульс учащенно бился, а потом возвращался в холодную тихую спальню и горе пробивало еще одну дыру в его сердце.

— Ты хорошо меня слышал? — Рокочущий голос Бишопы вернул его обратно. — Ноа, ты слышал?

— Я слышал тебя. Этого... этого не может быть. Бишоп, не лги мне. Не делай этого со мной.

— Всё правда. Она реальна. Это реально, Ноа. Это происходит.

Бишоп никогда бы не солгал о таком. И ошибки бы не допустил.

Свободной рукой Ноа сорвал перчатки и бросил их на снег. Он уставился на свое обручальное кольцо, сверкающее на солнце. Его руки дрожали. Дрожало все его тело.

— Шеф Шеридан, вы в порядке? — спросила Аннет Кинг, наклонившись над ним. — Что-то случилось?

Он едва услышал ее, едва зарегистрировал ее голос. Его всего трясло. Надежда, какой бы хрупкой она ни была, никогда не умирала. Никогда. Она ожила в его груди, сильнее и яростнее, чем когда-либо.

Ноа не помнил, как начал плакать. Слезы стекали по его лицу в бороду. Его нервы вибрировали. Все стало чистым, ярким и прекрасным.

Ноа тяжело сглотнул.

— Я... я могу услышать ее голос? Могу поговорить с ней?

— Я сделаю еще лучше! — прорычал Бишоп. — Хватай своего сына. Бери Майло. Мы будем у вас дома через тридцать минут. Мы привезем Ханну домой.

Глава 30

Ханна

День двадцать седьмой

— Я не должен быть здесь, — пробурчал Лиам.

— Нет! — Ханна схватила его за руку. Чувство вины укололо ее. Она тут же опустила его руку. — Я имею в виду, я не знаю. Я хочу, чтобы ты был здесь. Пожалуйста. Прости меня,

я не знаю, что со мной творится.

Они стояли на крыльце нового дома ее семьи в «Винтер Хейвене», автономном поселении в Фолл-Крике. Большие красивые шале, домики и коттеджи уютно расположились среди деревьев на берегу реки.

Сам дом оказался огромным и слегка внушительным: современный двухэтажный бревенчатый сруб с обширным крыльцом и огромными окнами.

Несколько минут назад Бишоп высадил Ханну, Шарлотту, Лиама и Призрака на подъездной дорожке. Он предупредил по рации, так что Ноа и Майло знали, что они скоро приедут.

Цунами эмоций захлестнуло Ханну.

— Что, если он не узнает меня? Ему было три года. Он не узнает меня. Я не должна ожидать этого от него. Это слишком много. Что, если я ему не понравлюсь? Что если все не так... если все будет не так... что если все пойдет неправильно...

Лиам коснулся ее плеча.

— Они — твоя семья. Это все, что тебе нужно помнить.

Она кивнула и погладила Шарлотту по спине. Малышка лежала на груди Лиама, обвязанная полосками простыни под его курткой. Он предложил нести ее, чтобы у Ханны руки оставались свободными, и она могла прижать к себе сына, обнять мужа.

Она с трудом могла поверить, что это реально. Что это действительно происходит.

Ханна повернулась и посмотрела назад. Солнце сияло. Небо окрасилось в насыщенный кобальтово-синий цвет. Белый снег сверкал, как бриллианты. Яркий свет почти ослеплял, но она не отводила взгляда.

Призрак носился по двору, пытаясь поймать тающие комья снега, падающие с веток. Казалось, он почувствовал, что нужен ей.

Он промчался по снегу, взбежал по ступенькам и остановился. Не налетел на нее, а остановился рядом с ней. Прижался мордой к ее руке и успокаивающе заскулил.

Ханна глубоко вздохнула.

— Мне это важно, мальчик. Спасибо.

Она взяла себя в руки и подняла подбородок. Целая жизнь воспоминаний пронеслась перед ней — купание Майло в ванной, Майло, покрытый мыльными пузырями и хихикающий; танцы с Ноа на кухне; пение Майло перед сном, когда они прижимались друг к другу в его слишком маленькой кровати.

Она позвонила в дверь. Ее руки дрожали. Эмоции переполняли Ханну. Предвкушение, надежда, тревога, тоска, страх.

Она так долго ждала этого момента. Молилась об этом. Жаждала его. Прошла через ад, чтобы попасть сюда.

Дверь открылась.

По другую сторону стоял мальчик. Высокий, намного выше, чем она помнила. Пухлая детская мордашка из ее воспоминаний превратилась в лицо восьмилетнего ребенка. Худенькое и нескладное тело, сплошные локти и колени. Но знакомая оливковая кожа. Непокорные черные волосы, завивающиеся вокруг ушей. Эти большие, серьезные глаза.

— Майло, — прошептала она.

Он уставился на нее, не говоря ни слова.

Все, что Ханна могла сделать, это удержаться и не схватить его, не притянуть к себе, не заключить в объятия.

Она сдержалась. Она будет для него чужой. Конечно, будет. Она должна помнить об этом. Должна думать о его чувствах.

У нее щипало глаза. Комок в горле слишком велик, чтобы его проглотить.

— Привет, Майло, — попыталась она снова. — Я... — «Я твоя мама. Я люблю тебя больше всего на свете. Я прошла через ад и обратно, чтобы добраться до тебя». Она не сказала ничего из этого. Пока нет. — Я Ханна.

Майло оглянулся на кого-то внутри дома, затем снова посмотрел на Ханну. Он напрягся. Он выглядел нервным, растерянным. Может быть, немного испуганным.

Дверь открылась шире.

Там стоял Ноа. Ее муж. Мужчина, за которого она вышла замуж. Танцевала с ним. Спала с ним. Создала семью.

Он выглядел так же, но по-другому. То же телосложение, та же легкая, спортивная походка и темно-каштановые волосы. Теперь он казался старше. Его лицо огрубело, похудело. Но он все еще оставался красивым. Он всегда был красив.

Черты лица Ноа исказились. Он обошел Майло, вышел на крыльцо и раскрыл объятия. Его глаза покраснели, на щеках блестели слезы. Он уже плакал.

— Ханна, — сказал он. — Это действительно ты?

— Я, — прошептала она. — Это я.

Ноа обнял ее. Она протянула к нему руки и обняла его в ответ. Ничто не могло подготовить ее к этому. Ханна не знала, на что это должно быть похоже.

Раньше они так легко подходили друг другу. Теперь они не знали, куда деть свои руки. Получалось неловко, словно они части головоломки, которые не совсем подходили друг другу.

С низким рычанием Призрак протиснулся между ними.

Она отступила назад. Ноа ее отпустил.

Он протер глаза. Его обручальное кольцо сверкало в солнечном свете. Ханна с ужасом поняла, что он все еще его носит.

Пять лет. Он не женился снова. Он не снял кольцо. Он ее ждал.

Слезы хлынули сами собой. Она не могла их сдержать.

— Прости, — сказал Ноа. — Прости меня.

— За что?

— За то, что потерял тебя. Это моя вина. Я должен был пойти за тобой. Я не должен был...

— Нет. Это не твоя вина. И не моя вина. Виноват один человек, и его больше нет.

Она увидела вопрос в его глазах, но он не задал его. Сейчас еще не время.

Ханна прочистила горло.

— Ноа, это Лиам Коулман. После того, как я сбежала, он нашел меня в лесу. Он спас мне жизнь. Три или четыре раза, на самом деле. Без него меня бы здесь не стояло.

Лиам неловко издал полу-стон, полу-кашель.

— Она справилась сама.

Ноа шагнул вперед. Он сжал руку Лиама и энергично пожал ее.

— Спасибо, Лиам. Огромное спасибо. Мы никогда не сможем отплатить тебе. Мы никогда не сможем отблагодарить тебя достаточно.

Ноа, казалось, впервые заметил младенца, прижатого к груди Лиама.

— О, у тебя есть ребенок. Как замечательно.

У Ханны свело живот. Она знала, что это произойдет. Не существовало достойного способа сказать это.

— Она не его, Ноа. Она моя.

Ноа покраснел. По его лицу стремительно пронеслась сложная гамма эмоций. Она увидела момент, когда его осенило.

Слова, которые Ханна не могла произнести, но они висели в воздухе, как пелена: «Она моя... и от монстра, который похитил меня. Она — плод самого ужасного, что может сделать один человек с другим. Но она прекрасна, она моя, и я люблю ее. Пожалуйста, пожалуйста, полюби ее тоже».

Удивление промелькнуло на его лице, затем быстро пробежала тень отвращения, почти сразу же сменившаяся стыдом. Ноа заставил себя улыбнуться, но улыбка выглядела приклеенной к его лицу, как наклейка.

— Ничего. Все в порядке. Все будет хорошо.

Он сказал это больше для себя, чем для нее или Майло. Она понимала его нежелание, эту внутреннюю реакцию отвращения. Разве она не чувствовала то же самое девять месяцев?

Но все равно это ранило. Что-то темное и пустое открылось в ее груди.

Ноа махнул рукой, волнуясь.

— Где мои манеры? Проходите внутрь. Пожалуйста. Мы так взволнованы — я и Майло. Мы бы ждали тебя снаружи, но подумали... мы хотели, чтобы ты не переживала. Мы не хотели перегружать тебя объятиями и поцелуями... — Он прочистил горло. — В общем, я запутался. Заходи. Это твой дом.

Это не было похоже на ее дом. Ханна затолкала эту мысль поглубже и прошла в холл.

Там оказалось тепло и светло, пол из ореховых досок и сводчатые потолки. Дом был богато обставлен. Он выглядел как картинка из журнала. От электрического света у нее заболели глаза.

Она расстегнула куртку, сняла шапку и перчатки. Лиам сделал то же самое. Ноа собрал их вещи и повесил все в шкаф для одежды.

Повернулся к ним. И тут он заметил ее поврежденную руку. На его лице отразилось не отвращение или брезгливость, а тревога, жалость.

Ханна думала, что жалость будет все же лучше, чем альтернатива. Она ошиблась.

В ней вспыхнул гнев, смешанный со стыдом, за которым последовал протест. Она сопротивлялась желанию спрятать руку. Она больше не собиралась ничего скрывать.

Взгляд Ноа скользнул мимо ее уродства и вернулся к ее лицу. Он улыбнулся, счастливо и искренне.

— Ты здесь. Ты действительно здесь. Я не могу в это поверить. Майло, это твоя мама. Она дома.

Майло ничего не сказал.

Сердце Ханны сжалось.

Призрак протиснулся между ног Ханны и Лиамы и вошел в дом впереди них.

— Собака! — воскликнул Майло. Его лицо просветлело. Нежелание общаться исчезло. — Можно мне его погладить?

— Конечно. Его зовут Призрак. Он тоже герой. Он спас мне жизнь.

Призрак медленно обошел вокруг Майло. Он обнюхал носки Майло, его штанины, живот, руки и грудь. Большой пиреней настолько велик, что ему едва приходилось поднимать голову, чтобы обнюхать лицо и волосы Майло.

Майло держался очень спокойно. Он выглядел не испуганным, а потрясенным. С осторожностью он протянул руку и почесал за ушами Призрака.

Призрак радостно тьякнул, пригнул голову и прижался верхней частью черепа к маленькой груди Майло.

— Ты ему нравишься, — отметила Ханна.

Майло слабо улыбнулся.

Ханна опустила на колени. Она не могла оторвать глаз от сына. Он был так прекрасен. Он так вырос, больше, чем она могла себе представить.

Он был всем, о чем она мечтала, всем, за что она так яростно держалась в те темные, несчастные годы. Единственный осколок надежды в безнадежном существовании.

Желание обнять его казалось непреодолимым. Во всей вселенной не существовало ничего более желанного, чем заключить его в свои объятия и никогда не отпускать. Но Ханна не могла. Пока нет.

Он как олень в лесу, настороженный и нерешительный. Одно неверное движение — и он может броситься наутек.

Настоящий момент словно создан из стекла. Все так хрупко, так легко разбивается.

Почувствовав ее смятение, Призрак вернулся к Ханне и сел рядом с ней. Он уткнулся ей в шею и тихонько заскулил.

— Майло... ты помнишь меня?

Майло оторвал взгляд от собаки и посмотрел на нее. Медленно, он покачал головой.

Она готовила себя к этому. Рассудком Ханна понимала, что лучше не верить в обратное. Но это все равно поразило ее, как удар по сердцу.

Нельзя вернуться в прошлое, нельзя вернуть потерянные часы, дни, месяцы и годы. Потерянные моменты смеха, слез, гнева, душевной боли, радости, любви — они ушли навсегда.

У Майло похитили детство. У Майло украли мать.

Они уже не те люди, что были в канун Рождества пять лет назад. Как они могли остаться прежними? Каждый из них по-своему изранен, травмирован и поражен.

Ханна не единственная, кто страдал. Ее отсутствие оставило зияющую дыру в их жизни. Их личности превратились в нечто изломанное и разбитое.

В этот момент, когда ее муж стал чужим, а сын почти неузнаваемым, Ханна испугалась, что их разбитые кусочки никогда не соединятся обратно.

Горькое осознание поразило ее так сильно и стремительно, что у нее ослабли ноги. Если бы она не стояла на коленях на полу, она могла бы упасть. Призрак прислонился к ее боку, предлагая свою поддержку.

— Ханна, — сказал Лиам с беспокойством в хриловатом голосе. Он снова коснулся ее плеча. — Ты в порядке?

Страх закрался в ее душу. Что, если она больше не помнит, как быть женой? Или, что еще хуже, матерью? Ожидания воссоединившейся семьи навалились на нее огромным грузом. Но она не дрогнет перед ними.

— Я в порядке. — Ханна выдохнула, взяв себя в руки, и посмотрела на Майло. — Я знаю, что это странно, непривычно и некомфортно. Я... чужая для тебя. Что бы ты ни чувствовал, это нормально. Мы можем снова узнать друг друга. Давай начнем с дружбы. Ты можешь называть меня Ханной. Ты не против?

Она не дышала, пока он не кивнул. Майло протянул руку с той же трогательной

улыбкой.

— Договорились.

Ее пальцы сомкнулись вокруг его пальцев, таких теплых, маленьких и чудесных. Она почувствовала, как ее сердце одновременно разбивается и восстанавливается.

— По рукам.

Глава 31

День двадцать седьмой

Позже, после того как Майло заснул, а Ноа устроил Лиаму в гостевой спальне в конце коридора, Ханна и Ноа наконец остались наедине друг с другом. Ханна покормила Шарлотту и уложила ее спать на глубоком диване в окружении подушек.

Призрак устроился на кухне у ног Ханны. Он лежал, положив голову на лапы, и его внимательный взгляд попеременно метался между Ханной и Ноа. Пес присматривал за ними.

Ему сразу понравился Майло, но он продолжал смотреть на Ноа недобрый взглядом. Если вдруг Ноа подходил слишком близко к Ханне, он низко предупреждающе рычал.

Ноа нервно перемещался по кухне, стараясь обходить Призрака стороной.

— Хочешь кофе? Я могу сделать без кофеина. Или горячий шоколад? У нас есть печенье. Последние яйца грозили вот-вот испортиться, поэтому мы с Майло испекли шоколадное печенье с арахисовым маслом.

— Я в порядке, спасибо. — Желудок Ханны слишком сильно сводило, чтобы есть. Она сидела у кухонного острова на кованом табурете с полированной деревянной обивкой.

Со всех сторон огромной кухни возвышались нарядные белые шкафы с позолоченными стеклянными дверцами и молдингом в виде короны. Сводчатый потолок создавал ощущение огромного пустого пространства.

Она погладила кончиками пальцев большой мраморный остров.

— У вас прекрасное место.

— Спасибо. После ЭМИ Майло требовался дом с электричеством и отоплением.

Ханна прикусила нижнюю губу, но ничего не сказала. Находясь здесь, она чувствовала себя так странно. Сидя на ярко-белой кухне с мужем при электрическом освещении и говоря о кофе и выпечке печенья, как будто все нормально.

Как будто мир не перевернулся с ног на голову там, снаружи. Как будто их жизнь не рухнула здесь.

Все настолько далеко от нормы, что обыденность этого красивого дома с его теплом, светом и водопроводом казалась почти непристойной.

Неловко и нерешительно Ноа подошел и встал рядом с островом. Между ними осталась пара табуретов. И Призрак.

Когти Призрака щелкнули по деревянному полу, когда он поднялся на лапы и устоялся на Ноа. Он не зарычал, но обозначил свое присутствие.

Ноа выглядел неуверенно, словно хотел подойти ближе, но сдерживал себя. Из-за Призрака, но и из-за чего-то еще. Она заметила растерянность в его глазах.

Он покрутил обручальное кольцо на пальце.

— Тебе оно действительно нравится?

Ханна подумала об их старом доме — уютной гостиной с камином из красного кирпича, несовпадающих друг с другом диване и кресле, антикварном журнальном столике,

который она сама покрасила. Обшарпанной кухне, которую они хотели переделать, но так и не нашли на это денег. Гнезде из одеял в детской кроватке Майло, которое пахло яблочным шампунем и детской присыпкой.

Он давно уже перерос эту детскую кроватку, с досадой подумала она.

— Здесь нет ощущения дома, — честно ответила Ханна.

Ноа окинул взглядом массивную гостиную, возвышающийся каменный камин, тяжелую темную кожаную мебель, деревянный пол, выскобленный вручную. Все чистое и отполированное, но не их.

— Нет, наверное, нет. Хотя может. Так и будет.

Ханна ждала, когда он спросит, что с ней случилось. Где она пропадала последние пять лет. Он не спросил. Может быть, Ноа ждал, пока она наберется смелости и заговорит об этом сама. Может быть, он не хотел знать.

Она проследила пальцами вихрящийся узор на мраморе.

— Ты не женился снова.

— Нет, не женился. Я не мог.

Ее желудок сжался.

— Нет... подруги?

Он покачал головой.

— Никого, кроме тебя, Ханна. — Ноа попытался криво улыбнуться. — Я никогда не думал ни о ком другом в этом смысле. Никогда. Даже если между нами не все складывалось хорошо. Я хотел вернуть тебя, Ханна. Я всегда хотел тебя вернуть. Всегда была только ты.

Она посмотрела вниз на свои руки. Ее изувеченная рука выглядела жалко на фоне идеального, безупречного мрамора.

— Ты не обязан мне. Я... я ни к чему тебя не обязываю. Я хочу, чтобы ты знал это. Я сломлена, Ноа. Я не та девушка, которую ты знал. Не та, на которой ты женился. Я больше не она. Еще не знаю, кто я, но то, что случилось со мной...

— Мне все равно, — поспешно сказал он. — Мы это переживем. Мы пройдем через это. Все будет хорошо.

— То, что со мной сделали... Я не могу винить тебя за то, что ты не сможешь это принять. За то, что не можешь не знать этого.

— Это не будет проблемой.

Ханна хотела поделиться с ним своим прошлым, как делилась им с Лиамом. Но Лиам не был ее мужем. Она понимала, что это совсем другое. Это очень тяжелое бремя — просить другого нести его.

— Ты... ты хочешь что-нибудь узнать? О том, что со мной случилось?

Ноа смотрел в потолок, быстро моргая, не встречая ее взгляда.

— Ты не сбежала.

— Нет. Меня похитили.

Он выдохнул, как будто долго удерживал дыхание.

— Я полицейский. Я понимаю, что бывает. Ты не должна снова переживать эту боль, Ханна. Теперь все в порядке. Все будет хорошо.

Она кивнула, ожидая, что он еще скажет.

— Я знаю, что у нас были проблемы раньше. Знаю, что мы не дотягивали до идеала. Но мы любили Майло. Мы любили его всем сердцем, и это ведь должно что-то да значить? Мы можем начать снова. Начать сначала. Я всегда любил тебя. Я люблю тебя.

— А Шарлотта?

Ноа колебался. Она увидела это на его лице — вспышку сомнения.

Ее желудок провалился в пятки. Ханна отвернулась.

— Я... я постараюсь, — запинаясь, проговорил он. — Я научусь. Обязательно.

Просить этого от него слишком много. Она не могла требовать от него больше, чем он мог дать. Это несправедливо. Разве нет?

В ее голове промелькнул образ: большой, сильный Лиам держит на руках маленькую Шарлотту, обхватив рукой ее мягкий череп, в его глазах свет. Гордость и привязанность. Яростная преданность.

Ханна отогнала это воспоминание. Думать об этом сейчас не имело смысла.

— Ты хочешь ее поддержать? — ее голос прозвучал тихим шепотом. Она не дышала.

Ноа посмотрел на ребенка на диване. Посмотрел на свои руки, на обручальное кольцо, потом снова на Ханну.

— Сейчас она спит. Может быть, позже?

Должно быть, он увидел разочарование в ее лице.

— Все будет хорошо, Ханна. Все будет хорошо. Мы теперь вместе. Ты вернулась. Как сказал Бишоп, это чудо. Все получится. Я знаю, что все получится.

Ноа не хотел видеть трещины. Он не хотел видеть уродство. Не хотел признавать трудный путь, который лежал перед ними.

Сегодня сделан первый шаг в грандиозном путешествии. Путешествие, которое их маленькая семья пробовала пройти, пока мир рушился вокруг них.

Все шансы против них. Шансы были против них всех.

Страданий и боли будет столько же, сколько радости и счастья.

Ханна знала это. Она понимала это и принимала.

Но не была уверена, сможет ли Ноа. Справится ли он.

Она старалась, чтобы обида не отразилась на ее лице. Может быть, он будет готов позже. Слишком многое нужно принять — ее чудесное возвращение, жена, давно умершая, вдруг оказалась очень даже живой. Живая, но израненная и другая почти во всех отношениях.

Ей нужно рассказать ему, кто это с ней сделал, но это может немного подождать. Хотя бы несколько минут.

Ханна решила сменить тему на что-то более радостное, на что-то общее.

— Майло... он такой большой. Расскажи мне о нем. Я хочу знать все.

Лицо Ноа просветлело. Его любовь к их сыну совершенно очевидна. С этим никогда не возникало проблем.

— Он такой умный. И храбрый. Этот ребенок бесстрашен. Когда ему было четыре года, он пытался прыгнуть с трамплина в бассейне клуба. Никаких плавсредств или чего-то подобного. Я успел подскочить до того, как он упал в воду. Но мне пришлось следить за ним как ястреб. Он довольно тихий, немножко серьезный. — Ноа ухмыльнулся. — В этом он похож на тебя. Он любит читать и лего. Мстителей. Обычные детские вещи.

— Он все еще любит арахисовое масло?

— О, боже. Он бы ел масло во время каждого приема пищи, если бы я ему позволил.

Она улыбнулась.

— Блинчики, намазанные арахисовым маслом и увенчанные взбитыми сливками?

— Его абсолютный фаворит.

Сердце Ханны сжалось. Он все еще оставался ее сыном. Все еще ее Майло.

Они найдут путь друг к другу. Она свято в это верила.

— Есть еще кое-что, что тебе нужно знать, — тихо сказал Ноа. Он уставился на свои руки. — У Майло серьезная болезнь.

Ужас охватил Ханну.

— Что? Что с ним?

— Через два года после твоего исчезновения он начал болеть. По-настоящему болеть. Врачи диагностировали у него болезнь Аддисона. У него все в порядке. Он относительно здоров и счастлив. Ему просто нужно принимать лекарства.

Ханна представила себе больного и испуганного Майло в больничной палате. И ее там нет. Его матери там не оказалось.

Сожаление обрушилось на нее. Сколько бы она отдала, сколько бы гор перевернула, чтобы стереть последние пять лет, вернуться назад и все изменить. Ее сердце болело от любви и печали.

— Что случится, если у него не будет лекарств?

Ноа не ответил. Его молчание уже достаточный ответ.

В груди стало слишком тесно. Стало трудно дышать.

— Без этого он умрет.

Медленно, Ноа кивнул.

Молот упал, безжалостно и неотвратимо. Лекарства означали фармацевтические компании, производство, распределительные склады, открытые аптеки и функционирующую цепочку поставок. Из-за ЭМИ все это исчезло. По крайней мере на годы вперед.

— Где его взять?

— У нас его много, не волнуйся. Ополченцы, они ходят и собирают еду и припасы для общины. Они привезли по крайней мере пятилетний запас лекарств. Пять лет, Ханна! К тому времени страна снова заработает. Цепь поставок будет восстановлена. — Он улыбнулся ей. — Он в порядке, Ханна. Мы в порядке.

Трудно было представить, как Майло будет жить в мире без больниц, машин скорой помощи и первоклассного медицинского обслуживания.

Гигантская рука, сжимавшая сердце Ханны, не отпускала его.

Глава 32

Ханна

День двадцать седьмой

— Я приготовлю горячий шоколад, — сказал Ноа, хотя она не просила об этом. Бросив настороженный взгляд на Призрака, он обогнул остров, чтобы добраться до столешницы и пошарить в шкафах.

Ханна поняла, что он хочет отвлечься. Ноа никогда не умел справляться с неприятными эмоциями. Он предпочитал сглаживать ситуацию и делать вид, что все в порядке, даже если это совсем не так.

И среди катастрофических перемен некоторые вещи остаются неизменными.

Призрак коснулся ее бедра. Она потянулась вниз и рассеянно почесала его за ушами.

— Я так рада была увидеть Бишопа, — Ханна в очередной раз пыталась сменить тему разговора на более нейтральную. — Мы должны пригласить его и Дафну. Не могу дождаться, когда увижу Юнипер и Хлою.

Ноа застыл на месте. Он стоял неподвижно, спиной к ней. Его рука зависла над банкой с горячим шоколадом.

По позвоночнику Ханны пробежал холодок.

— Что?

Ноа повернулся к ней, его лица помрачнело.

— Дафна. Девочки. Они... они мертвы.

Она уставилась на него, пораженная.

— Что случилось?

Ноа рассказал ей о Рэе Шульце и его банде головорезов. О резне в церкви Кроссвей. Сколько людей погибло. Про испытания Майло и Квинн. Как Бишоп был вынужден наблюдать за тем, как его жена и дочери умирают у него на глазах.

К концу рассказа Ханну трясло. Слезы застилали ей веки. Ее сердце болело от горя и сострадания и горело от гнева. Бессмысленная жестокость и смерть. Ужас, который пережил Бишоп. Потеря его прекрасной семьи.

Прошел месяц с момента крушения, и все вокруг пришло в упадок. Все в этом городе уже потеряли так много. Столько боли, горя и лишений.

Она покачала головой.

— То, через что прошел Бишоп... я даже не могу представить.

— Ополчение позаботилось об этом. Они поймали монстров и восстановили справедливость в Фолл-Крике. Этого больше никогда не случится. Никогда. Мы... пошли на жертвы. Мы позаботились об этом.

— Ополчение?

— Мы пригласили их в Фолл-Крик. Они получили дома в «Винтер Хейвене» в обмен на защиту. Банды и организованные преступники нападают на близлежащие города. Поскольку цепь поставок нарушена, люди уже в отчаянии и голодают. Губернатор дал понять, что его не волнует, что будет с его гражданами. Во всяком случае, не в сельских общинах. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям и Национальная гвардия заняты в других местах. Нас бросили. В обозримом будущем мы предоставлены сами себе.

Ханна видела солдат в камуфляжной форме с полуавтоматическими винтовками на контрольно-пропускном пункте в Фолл-Крик. Еще больше ополченцев патрулировало центральную улицу и «Винтер Хейвен».

Она так сосредоточилась на том, чтобы вернуться домой к Майло и Ноа, что почти их не замечала. До этого момента.

— Они обеспечивают нашу безопасность. — Ноа поставил локти на остров и наклонился к ней, его глаза сияли, а лицо стало серьезным. — Это место безопасно, Ханна. Мы можем начать все сначала. Мы можем построить здесь жизнь.

— Я надеюсь на это.

— Я знаю. У нас есть дом с электричеством и теплом. У нас есть еда, припасы, лекарства для Майло. Розамонд позаботилась об этом. Она позаботилась о нас.

Сердце Ханны сжалось при упоминании Розамонд Синклер. Мать Гэвина Пайка. Во рту стало сухо и густо, словно он набит бумажными полотенцами.

Пришло время рассказать ему. Даже если Ноа не до конца готов к подробностям, он должен знать.

Ноа сузил глаза.

— Что? Что такое?

— Бишоп рассказал тебе о теле в подвале? Он сказал тебе, кто это был?

— Нет, не говорил. Я сомневаюсь, что услышал бы это, даже если бы он сказал. Я не мог ни на чем сосредоточиться после того, как он рассказал мне о тебе.

Ханна сглотнула.

— Это был человек, который меня похитил. Кто украл меня из моей жизни. Человек, который держал меня в плену и пытал пять лет.

Ноа застыл на месте.

— Кто?

— Сын Розамонд Синклер. Гэвин Пайк.

Ноа быстро выпрямился. Он отпрыгнул назад от острова, словно она обожгла его. Табурет грохнулся на пол. Он сделал три быстрых шага назад, пока не уперся спиной в стену шкафов.

Его лицо застыло. Он недоверчиво покачал головой.

— Нет. Нет, нет, нет...

Она молчала.

Он прижал обе руки к груди и в шоке уставился на Ханну. Ужас, замешательство и неверие боролись в его глазах.

— Как...

— Он держал меня в своем охотничьем домике на севере. В Национальном лесу Манисти.

Ноа вздрогнул. Пошатываясь, он подошел к раковине на противоположной стороне острова. Он едва дошел. Ноа наклонился над раковиной, его вырвало.

Он оставался там, держась рукой за фарфор, тяжело дыша, его лицо покрылось испариной и побледнело.

— Каждый раз, когда он уезжал туда... каждые выходные... все это время, он... что он делал с тобой...

Ноа включил кран. Он набрал пригоршню воды — свежей, чистой, проточной воды — и плеснул ее себе на лицо. Взял полотенце и вытер рот.

Закрыв глаза.

— Ребенок. Она от... Она...

Он не мог заставить себя произнести эти слова вслух. Это сделала Ханна.

— Шарлотта не принадлежит Пайку. Она не его. Ее зачатие не имеет значения. Она невинна.

Ноа открыл глаза, моргнул и кивнул. Он выглядел так, словно находился на грани отчаяния.

— Хорошо, — прошептал он, больше для себя, чем для нее. — Хорошо, хорошо.

Он выпрямился, все еще дрожа.

— Он мне никогда не нравился. Никогда. В нем всегда чувствовалось что-то... неправильное. Как будто он презирал тебя, даже когда тебе улыбался. Но я никогда не думал... мы никогда не подозревали его. Никто не подозревал. Он был здесь, все это время. Я разговаривал с ним. Я обедал с ним в доме Розамонд...

Ноа скривился, пораженный.

— О, черт. Он разговаривал с Майло. Он наблюдал за ним. Мне это никогда не нравилось. Я никогда...

Он оттолкнулся от раковины. Ноа расхаживал по просторной кухне, сжав руки в кулаки

и прижав их к вискам. Он выглядел так, словно пребывал в шоке.

У Призрака на спине поднялась шерсть. Он тихо зарычал. Возможно, ему не нравились беспокойные метания Ноа. А может, он почувствовал, о ком они говорят.

Ханна зарылась рукой в его шерсть и погладила по макушке. Это успокоило их обоих.

Пораженный Ноа встретился с ней взглядом.

— Как я мог не понять? Все это время. Он жил прямо здесь, у меня под носом. Я должен был догадаться!

В ней проснулось сочувствие. Ее муж страдал. Ханна видела, как это отразилось в каждой поре и линии его лица.

— Ты не знал. Ты не несешь ответственности за то, чего ты не знал.

— Я должен был что-то сделать! — Ноа закричал, мучаясь.

— Он прекрасно разбирался в том, что делал, — тихо сказала Ханна. — Я поверила ему, когда он остановился той ночью и пообещал помочь мне. Я села прямо в его грузовик. Он оказался хамелеоном.оборотнем.

— Он психопат, — прошипел Ноа.

— Он был психопатом. Теперь он мертв.

Это заставило Ноа задуматься.

— Как?

— Я убила его. Я и Призрак вместе. — Она колебалась. — Лиам сказал Рейносо, что это сделал он.

Ноа застыл на месте. Кровь отхлынула от его лица. На мгновение его дыхание стало беззвучным. Она видела, как в его голове вращались шестеренки, кусочки становились на место. Один за другим.

— Розамонд, — проговорил он. — Джулиан.

— А что с ними?

— Она никогда не поверит в это. Не о ее драгоценном сыне.

Ханна напряглась.

— Мне все равно, во что она верит.

Он покачал головой.

— Твой друг-солдат поступил умно. Я не хочу, чтобы она обвиняла тебя в этом. У Джулиана вспыльчивый характер. Ты помнишь, какой он. Розамонд... она плохо воспримет эту новость. Будет лучше, если это будешь не ты.

— Но это сделала я.

— Я знаю это. Ты это знаешь. Это все, что имеет значение. Просто... доверься мне, хорошо?

Она уставилась на него.

— О чем ты мне не говоришь?

Ноа обошел остров и подошел к ней.

Призрак оцетинился. Он встал между ней и Ноа.

Ноа остановился в двух шагах от нее.

— Не волнуйся. Я буду оберегать тебя, Ханна. Я не дам тебя в обиду.

Ханна не спросила, почему ей нужна защита от Синклеров. Холодный озноб пробежал по ее шее. Что-то — какой-то глубинный первобытный инстинкт — ее предостерег.

Убийство Гэвина Пайка могло положить конец одному кошмару, но лишь положить начало новому.

Глава 33

Джулиан

День двадцать восьмой

Джулиан был уверен, что ослышался. В гостиной Ноа вдруг стало душно. Низкое жужжание заполнило его уши.

— Что ты только что сказал?

Давно пропавшая жена Ноа сидела в мягком кресле из белой кожи в гостиной в «Винтер Хейвене». Ноа стоял по одну сторону от нее, взволнованный и напряженный. По другую сторону расположились высокий, настороженный незнакомец, представившийся Лиамом Коулманом, и огромный белый пес. Жена Ноа держала на руках младенца.

Джулиан стоял лицом к ним, Перес и Рейносо — по бокам от него, со старомодными тетрадами и карандашами в руках. Майло отослали в его комнату. Сейчас они допрашивали Ханну Шеридан и мужчину, которого она вчера привезла с собой в Фолл-Крик.

— Может, тебе не стоит здесь находиться, — сказал Ноа, когда только приехали Рейносо и Перес. — На лицо конфликт интересов.

— Черта с два, — ответил Джулиан. — У меня такое же право быть здесь, как и у тебя! Может, мне лучше позвать суперинтенданта?

После этого Ноа не стал спорить.

Само присутствие Ханны шокировало Джулиана. Каждое ее слово приводило его в шок еще больше. Рассказ о том, как ее похитили на обочине дороги и держали в подвале на севере целых пять лет. Что ей пришлось пережить. Как ей удалось сбежать.

И кто это был, кто сделал это с ней.

Она смотрела на него твердо, не вздрагивая и не опуская глаз, без страха или стыда.

— Это был Гэвин Пайк. Он сделал это со мной.

Джулиан почувствовал себя так, словно его ударила в брюхо огромная невидимая рука. Стало трудно дышать. Гэвин Пайк, его брат, безумный психопат?

— Не может быть, — произнес он, потому что именно это следовало сказать. — Это не может быть правдой.

— Это правда, — спокойно возразила Ханна.

Его мысли неслись вскачь. Верилось с трудом. Но так ли на самом деле? Ее история не выходила за рамки возможного. Не там, где дело касалось его брата.

— Невозможно.

Ханна ничего не сказала. Просто наблюдала за ним.

Чем больше он думал об этом, тем быстрее все становилось на свои места, обретая смысл. Одержимость Гэвина этими походами на выходные. Его телефон, о котором он не хотел, чтобы кто-то знал, и который он тайком проверял во время заседаний совета или семейных ужинов в доме их матери.

Ханна подняла левую руку, чтобы заправить прядь волос за ухо. Что-то с этой рукой было не так.

Джулиан прочистил горло и указал пальцем.

— Что случилось?

— Меня пытали.

Он не мог оторвать глаз от ее гротескно изуродованной руки.

— Как?

— Он ломал мне пальцы. Нарочно. В наказание, если я делала что-то, что ему не нравилось. Несколько раз, просто так. Они заживали криво, а потом он ломал их снова. И снова.

Ноа вздрогнул. Лиам Коулман помрачнел. Перес строчила заметки, разинув рот.

Ханна не двигалась. Она не отрывала глаз от лица Джулиана.

Дрожь пробежала по его позвоночнику. Инстинктивно он потянулся правой рукой к двум пальцам левой руки, сломанным в детстве. Несчастный случай, всегда настаивала его мать.

Он мысленно увидел лицо своего брата. Эта жестокая, тонкая улыбка. Подобие улыбки. Имитация. Тем более леденящая душу, поскольку очень напоминала настоящую.

Прошло пятнадцать лет, а он не забыл. И никогда не сможет забыть.

Тогда это была правда. Все было правдой.

Джулиан встретил взгляд Ханны и увидел в ее глазах облегчение. Она поняла, что он поверил. Ее подбородок слегка приподнялся.

— Так где же он? — спросил Джулиан, сохраняя нейтральный голос и выражение лица. — Что он может сказать в свое оправдание?

— Он мертв, — отозвался Коулман. — В доме в Уотервлите, когда он преследовал нас, я сразился с ним. Он пытался убить Ханну и меня. Защищаясь, я выстрелил в него три раза и ударил ножом в живот.

У Джулиана закружилась голова. Смерть Гэвина потрясла его больше, чем все предыдущие. Его сводный брат. Драгоценный, любимый сын его матери. Мертв.

Внутри него клокотало множество эмоций. Он ждал печали, удара скорби. Не дождался.

Он знал, что должен чувствовать. Он должен страдать от слабости, ужаса и потери. Джулиан не почувствовал ничего из этого.

Онемение распространилось по его телу. Возможно, это шок. Может быть, что-то другое.

Его старший брат напоминал большую и зловещую тень. Он всегда казался больше, чем жизнь. Слишком злой, чтобы умереть.

Жестокий и хитрый отморозок. Достаточно жестокий, чтобы мучить свою собственную плоть и кровь и наслаждаться этим. И достаточно умный, чтобы избежать наказания.

Никто, кроме Джулиана, никогда не видел этого. Во всяком случае, до Ханны. И уж точно не его мать, которая поклонялась земле, по которой ходил Гэвин.

Теперь, наконец, правда вышла наружу. И Гэвин мертв.

Джулиан тяжело вздохнул. Его мать будет опустошена, в ярости, вне себя. Он должен будет позаботиться о ней, разобраться с последствиями и опередить их. Но что касается самого Джулиана...

Его брат больше никогда не будет дразнить или высмеивать Джулиана. Он больше никогда не будет золотым мальчиком их матери. Джулиан освободился от него навсегда.

Возможно, даже у апокалипсиса есть свои плюсы.

— Ты убил Гэвина, — произнес Джулиан. — Именно это ты хочешь мне сказать?

— Да, убил, — повторил Коулман.

Глаза Ханны мерцали. Джулиан перевел взгляд на Коулмана. Он выглядел как человек, знакомый с убийствами. Человек, который убивал часто и без зазрения совести.

— Ты арестован, — сообщил Джулиан, уже доставая наручники.

— Нет, — возразил Ноа. — Он не арестован.

— По протоколу...

— Ты слышал их, — откликнулся Рейносо. — Это была самооборона.

— Даже если и так. Мы обязаны взять его под стражу и провести расследование.

Ноа сделал шаг вперед.

— Мы только что это сделали.

— Все, что мы нашли на месте преступления, соответствует их показаниям, — подтвердил Рейносо. — Собака вцепилась в труп, что затрудняет вскрытие — если мы вообще сможем его провести.

— Мы всегда можем послать кого-нибудь в хижину Пайка в Манисти, — предложила Перес. — Обследовать подвал.

— Верно, — одобрил Ноа.

— Это займет у вас некоторое время, — заметил Коулман. — У нас ушло больше трех недель на путешествие. Повсюду анархия. И становится только хуже.

— Мы обязательно займемся этим, но я не вижу, как сделать это прямо сейчас, — попытожил Ноа. — Как шеф, я решаю. Мы никого не берем под стражу и не выдвигаем никаких обвинений. Мичиган — это штат, где действует принцип самообороны. По закону Лиам Коулман имел право применить огнестрельное оружие, чтобы защитить себя и мою жену от непосредственной угрозы нанесения тяжких телесных повреждений и смерти.

Джулиан хотел возразить, но ведь не он здесь главный? Ему нужно сказать матери, что он хотя бы попытался. Он не виноват в том, что начальник полиции отверг его предложение.

Он не чувствовал никакой личной неприязни к Коулману. Джулиан не тот, о ком Коулману следует беспокоиться.

— Отлично! — Он проглотил горечь на языке и поднял руки, ладонями наружу, в знак капитуляции. — Это на твоей совести, шеф.

— Принимается, — проговорил Ноа сквозь стиснутые зубы. — Я думаю, мы закончили. Моя жена прошла через многое и нуждается в отдыхе.

Перес и Рейносо сложили свои блокноты, засунули их обратно в карманы и застегнули куртки.

— Конечно, шеф, — ответил Рейносо.

Джулиан небрежно пожал плечами и засунул наручники обратно под куртку.

— Это тебе придется иметь дело с суперинтендантом. Не думаю, что она будет такой же понимающей, как я.

Ноа побледнел.

Джулиан повернулся, чтобы уйти.

— Джулиан, — поспешно обратился Ноа. — Могу я поговорить с тобой минутку. На улице?

Ноа последовал за Джулианом на заснеженное крыльцо. Рейносо и Перес ждали Джулиана в грузовике. Коулман и Ханна остались в доме.

Уже перевалило за середину утра. Воздух еще прохладный, но солнце выглянуло из-за ленты серых облаков. Ветра не чувствовалось.

Джулиан прислонился к столбу и сложил руки на груди.

— Чего ты хочешь?

Ноа провел рукой по отросшей бороде.

— Что я скажу Розамонд? Как мне ей это сказать?

Джулиан колебался, взвешивая варианты.

— Я позабочусь об этом.

Ноа недоверчиво уставился на него.

— Я серьезно. Слушай, старик, знаю, мы оказались по разные стороны этого дела. Всё прошло немного напряжённо. Но я рад за тебя. Правда. Ты вернул свою жену. Тебе нужно быть с ней. Позволь мне оказать тебе эту услугу, ради старых времен.

От облегчения, плечи Ноа опустились.

— Я ценю это. Но все же, как шеф, это должен быть я...

Его тон в лучшем случае звучал не уверенно. Он просто ждал, что Джулиан отговорит его, снимет с него ответственность.

— Она моя мать. Дело в моем брате. Я лучший человек, чтобы справиться с ней, поверь мне.

— Послушай, я ни в чем тебя не виню. Уверен, что ты в таком же шоке, как и все мы. Конечно, ты не знал, я верю в это.

Даже сейчас Ноа по-прежнему думал о нем только хорошее. Чувство вины вонзило нож в его сердце и скрутило.

На минуту, всего на минуту, события последних недель улетучились. Они снова стали лучшими друзьями, между ними лежали годы истории, просто два копа, которые всегда прикрывали друг друга.

Джулиан сопротивлялся желанию хлопнуть своего старого друга по плечу, притянуть его к себе, чтобы по-мужски обнять, как они делали раньше. Как легко вернуться к теплым и знакомым привычкам. Разделить с Ноа его радость и торжество. Его жена вернулась, его семья снова стала целой.

В его голове промелькнули годы хороших воспоминаний. И плохие тоже — все те времена, когда он поддерживал Ноа в горе и кошмарах, никогда не оставляя его, никогда не сомневаясь в нем.

А потом Джулиан вспомнил выражение лица Ноа, когда тот принял свою новую должность начальника полиции. Он вспомнил, как его мать боготворила Ноа без всякой причины, так же, как и Гэвина. Боль от предательства все еще саднила, как свежая.

— Она не знала его так, как думала, — продолжал Ноа. — Он обманул всех нас. Скажи ей это. И ее я не виню. Это не должно ничего менять.

Ноа жил в мире грез, если думал, что Розамонд Синклер когда-нибудь смирится с тем, что ее драгоценный золотой мальчик — чудовище. Этот бывший солдат влип по уши, и он даже не подозревал об этом. Ханна тоже, если она будет продолжать нести эту чушь про Гэвина.

Неважно, насколько это правда. Никто не захочет это слушать, и меньше всего его мать.

— Я разберусь с мамой и не дам ей сделать ничего необдуманного, хорошо? Я знаю, что сказать, чтобы разрядить обстановку. Не волнуйся об этом.

На лице Ноа отразилось огромное облегчение, словно Джулиан только что снял с его плеч непосильную ношу.

— Спасибо. Я твой должник.

Джулиан улыбнулся как ни в чем не бывало.

— Я твой брат. Я прикрою тебя.

Он повернулся, чтобы уйти, потом остановился.

— Твоей жене лучше помалкивать. Ты же не хочешь, чтобы она нажила себе врагов, едва вернувшись.

Ноа кивнул.

— Я поговорю с Ханной. Попрошу ее понять. Никому не поможет, если постоянно думать об этом. Если бы Гэвин был здесь, я бы сам его убил. Честно, убил бы. Но он мертв. Все кончено. Что сделано, то сделано.

— Вот это правильный настрой, — поддержал Джулиан, изображая беззаботность.

Ноа оставался таким же наивным и глупым, как и всегда. Джулиан не мог поверить, что он что-то чувствовал к нему, что на полсекунды даже подумал о том, чтобы простить этого болвана.

— Прошлое остается в прошлом?

— Что-то вроде того, — согласился Ноа.

Джулиану пришлось отвернуться, чтобы скрыть свою усмешку. Прошлое никогда не умирает. Этот болезненный урок Ноа Шеридан так и не усвоил.

Оно всегда возвращалось, чтобы преследовать тебя, лелеять обиду, мстить.

Глава 34

Джулиан

День двадцать восьмой

В дверь кабинета суперинтенданта постучали.

Джулиан прислонился к стене книжных шкафов, скрестив руки на груди. Розамонд Синклер сидела за своим рабочим столом из красного дерева в домашнем кабинете, бумаги аккуратной стопкой лежали на чистой поверхности.

Маггиас Саттер и Себастьян Десото расположились напротив стола Розамонд в старинных деревянных креслах. Обычно на совещании присутствовал Ноа, но сейчас он проводил время дома со своей недавно вернувшейся женой, о чем Розамонд пока не знала.

— Входите, — резко проговорила Розамонд. Она не любила, когда ее прерывают.

В кабинет вел черный ход с задней террасы, которым пользовались ополченцы и члены совета. Офицеры Рейносо и Перес вошли, обдав всех холодным воздухом, и встали у двери. Они выглядели напряженными и озабоченными, их лица оставались мрачными.

Джулиан велел им подождать час, прежде чем явиться к суперинтенданту. Вместо того чтобы сразу рассказать матери, как он обещал Ноа, Джулиан решил предоставить это двум офицерам.

Розамонд умела если не убить, то возненавидеть гонца. Для Джулиана будет лучше, если новости поступят не от него.

— В чем дело? — Его мать перетасовала несколько бумаг, вздохнула и сцепила пальцы на столе. Она устремила на них взгляд. — Выкладывайте.

— Мэм, мне очень жаль, — начал Рейносо. — Но мы нашли тело.

— Чье?

Джулиан ждал этого, затаив дыхание.

— Гэвина Пайка, мэм, — произнесла Перес.

Розамонд застыла на месте.

— Что?

— Мне жаль, суперинтендант Синклер, — мрачно повторил Рейносо. — Ваш сын мертв.

Его мать сжала край стола жесткими пальцами.

— Нет. Это невозможно.

Рейносо бросил взгляд на Джулиана.

— Его тело обнаружили в Уотервлите. Оpozнание подтвердило его личность. Это он.

Розамонд опустилась обратно в кресло. Ее лицо побелело. Она обхватила руками горло, как будто впервые не знала, что с ними делать.

— Розамонд? — позвал Саттер, поднимаясь на ноги. — Ты в порядке?

Розамонд покачала головой, ее глаза сделались огромными и дикими. Ее взгляд метался по комнате, ни на чем не останавливаясь.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Только не мой Гэвин. Нет, нет, нет!

— Принеси ей воды, — приказал Саттер.

Десото поднялся со своего места и отправился на кухню.

Джулиан едва успел заметить его уход. Саттер говорил с Розамонд, но его слова звучали далеко. Он уставился на мать, ожидая ее реакции.

Вернулся Десото со стаканом воды. Саттер взял его из его рук и протянул Розамонд.

— Выпей это. Тебе нужно выпить.

Она взяла стакан дрожащими руками. Все ее тело дрожало, дрожало от горя. Она выглядела так, будто постарела на десяток лет за пару минут. Ее глаза покраснели и расширились, но Розамонд не плакала.

Джулиан никогда не видел, чтобы она плакала, ни разу.

Джулиан понял, что именно ему следовало помочь матери, принести ей выпить, утешить ее, но он не мог заставить себя сдвинуться с места.

Розамонд махнула Саттеру рукой, и они с Десото вернулись на свои места. Рейносо и Перес наблюдали за ней, как за бомбой, которая вот-вот взорвется. Наверное, потому что так оно и было.

Она поставила стакан обратно на стол с такой силой, что звон эхом разнесся по комнате. Вытерла глаза и пригладила свои уложенные светлые волосы. Положив обе руки ладонями вниз на стол по обе стороны от стакана, она глубоко вздохнула.

— Что случилось с моим сыном?

Перес и Рейносо обменялись настороженными взглядами.

— Скажите мне, — приказала Розамонд, ее голос напоминал лед. — Прямо сейчас.

— Его убили, — сообщил Рейносо.

— Гэвина убили? — Розамонд замешкалась. Она изо всех сил старалась сохранить спокойное, невозмутимое выражение лица, и ей это не удавалось. — Кто?

Рейносо и Перес снова посмотрели друг на друга.

— Кто убил моего сына? — прошептала Розамонд.

Рейносо неохотно прочистил горло.

— Очевидно, мэм, это была самооборона.

— Невозможно, — заявила Розамонд.

— Мы также нашли женщину. Не просто женщину. Ханну Шеридан.

Розамонд напряглась.

— Что?

— Пропавшая жена Ноа Шеридана, — уточнила Перес. — Она жива. Она была жива все это время. Ее похитили и держали в плену в хижине в Национальном лесу Манисти.

— Просто фантастика, — деревянным голосом произнесла Розамонд. Ее голос не звучал так, как будто это была фантастическая новость. — Но какое отношение это имеет к моему сыну?

— Ханна говорит... — Рейносо переминался с ноги на ногу. Его взгляд метался по комнате, словно он отчаянно хотел оказаться где угодно, только не здесь. — Она утверждает, что именно Гэвин Пайк похитил ее пять лет назад.

На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Никто не двигался. Никто не дышал.

Маттиас Саттер удивленно поднял брови и перевел взгляд на Розамонд. У Десото открылся рот.

Джулиан наблюдал за матерью, замечая, как шок отражается на ее жестких чертах.

— Это правда? — спросил Саттер.

— Конечно, нет! — огрызнулась Розамонд.

— Это то, что, по ее словам, произошло, — заметила Перес.

Розамонд вскочила на ноги. Ярость и горе вспыхнули в ее глазах.

— Тогда она сумасшедшая! Она, должно быть, под наркотиками. Или жаждет мести. Она всегда завидовала близким отношениям Ноа с нами. Она всегда была неблагодарной маленькой шлюхой. — Розамонд сделала паузу, тяжело дыша. — Откуда ты вообще знаешь, что это Ханна Шеридан?

— Мы все узнали ее, мэм, — ответила Перес.

Глаза Розамонд переместились на Джулиана, ее взгляд умолял его отрицать это. Но он не мог. Он видел ее своими глазами. Как и многие другие.

— Это она.

— Она играет с вами! — почти кричала Розамонд. — Разве вы не видите? Она сбежала пять лет назад, чтобы бросить свою семью и жить хорошей жизнью, свободной от ответственности. Потом мир пошел кувырком, и ей понадобились безопасность и убежище. Кто может предложить это лучше, чем ее бывший муж? Что может быть лучше, чем Фолл-Крик с его самодостаточной общиной «Винтер Хейвен»? Вы сошли с ума, если верите в эту чушь!

— У нее есть ребенок, — отметила Перес. — Она утверждает, что ее неоднократно насиловали в течение пяти лет. Ребенок — результат этого изнасилования.

Розамонд отреагировала так, как будто ей дали пощечину.

— Ложь! Полная чушь! Горькая, манипулятивная ложь, направленная на то, чтобы очернить доброе имя моей семьи! Вот и все. Этот ребенок не имеет к нам никакого отношения. Никакого! Вы не можете это доказать! Вы не можете доказать ничего из этого!

Рейносо взглянул на Джулиана. Джулиан сохранял нейтральное выражение лица. Прошли времена тестов ДНК. По крайней мере, сегодня. Может быть, навсегда.

Джулиан не сомневался, но не собирался говорить об этом вслух.

— Мой сын невиновен, пока его вина не доказана! — проревела Розамонд. — Не забываете об этом!

— Конечно, мэм, — натянуто ответила Перес.

Розамонд напряглась. Ее рот искривился, глаза вспыхнули от ярости. Она теряла хладнокровие, свой драгоценный контроль.

— Эта маленькая манипулирующая шлюха хладнокровно убила моего сына? Вы это хотите сказать?

— Нет, мэм, — отозвался Рейносо. — Это была не она.

Розамонд окинула офицеров холодным, враждебным взглядом.

— Тогда кто? Кто убил моего сына?

Глава 35

Джулиан

День двадцать восьмой

Джулиан наблюдал за разворачивающейся сценой с мрачным удовольствием, как за автомобильной аварией, от которой невозможно увернуться.

Наблюдать за тем, как Рейносо и Перес получают выволочку, не самое худшее занятие на свете. В последнее время Рейносо вел себя как придурок, а не как верный помощник, каким он был раньше. Ну и черт с ним. Пусть покрутится немного.

— Кто его убил! — снова потребовала ответа Розамонд.

— С ней были мужчина и собака, — пояснила Перес. — Мужчина — бывший солдат. Очевидно, он наткнулся на нее в лесу после того, как она сбежала. Он спас ее и согласился сопроводить в Фолл-Крик. Они пытались добраться сюда с момента ЭМИ. Пайк преследовал ее...

— Предположительно! — прорычала Розамонд.

Лицо Перес потеряло часть своего цвета. Рейносо выглядел потрясенным. Они оба прижались к двери.

— Предположительно, — нехотя признал Рейносо. — Согласно показаниям свидетелей, предполагаемый похититель преследовал и напал на нее и солдата в доме, где они укрылись. Произошла ссора. Солдат выстрелил, а затем зарезал нападавшего в целях самообороны. После этого собака еще и покусала Пайка.

— По их словам, — отметила Розамонд.

— Да. Согласно их показаниям.

Розамонд выглядела настолько разъяренной, что могла бы оторвать кому-нибудь голову. Джулиан знал ярость своей матери. Он не сомневался, что она попытается это сделать.

Она сверкнула глазами на офицеров.

— И моего сына здесь нет, чтобы дать показания о том, что произошло на самом деле. Поскольку он мертв.

Двое полицейских ничего не сказали.

— Как зовут солдата?

— Мэм... — начал Рейносо.

— Как. Зовут. Этого. Солдата. Имя.

— Скажите ей, — велел Джулиан.

Рейносо беспокойно облизнул губы.

— Лиам Коулман.

Никто не отреагировал. Это имя ничего не значило ни для Розамонд, ни для Саттера, ни для Десото.

— И где он сейчас?

— Он остановился в доме шефа Шеридана, — отозвался Джулиан.

Рот Розамонд искривился.

— Почему этот преступник не задержан?

— Шеф Шеридан отказался выдвигать обвинения. — Джулиан произнес эти слова со смаком, ожидая, что она сделает, как отреагирует. Ее драгоценный шеф полиции позволил убийце ее сына остаться на свободе.

— Правда? — потрясенно спросила Розамонд.

Джулиан небрежно пожал плечами.

— Ты знаешь, что он предпочтет свою жену... другой верности.

Перес нервно переминалась.

— Как уже говорилось, мы определили, что это была самооборона...

— УБИРАЙТЕСЬ! — закричала на них Розамонд.

Офицеры вздрогнули. Джулиан тоже сопротивлялся желанию отпрянуть от нее. В хорошие дни его мать внушала опасение. Когда же злилась, то наводила ужас.

Черты лица Розамонд исказились, сухожилия на шее напряглись.

— Обвинения этой женщины... остаются в этой комнате. Если я услышу хоть слово об этом от кого-либо из вас двоих, вы будете уволены из полиции. Вы останетесь без работы и будете собирать свои вещи, потому что вам больше не будут рады нигде в Фолл-Крике. Как и вашим семьям. Я ясно выразилась?

Перес сглотнула.

— Да.

Рейносо выглядел куда недовольнее, но он не сказал ни слова. Они оба дорожили своей карьерой и крышей над головой.

Джулиан знал, что они подчинятся. Суперинтендант могла раздавить их, как муравьев, когда ей вздумается, и они это знали.

Ханна Шеридан все еще вольна говорить все, что хочет, кому хочет, но это проблема не одного дня, которую Ноа может решить, а может и не решить. Джулиан точно знал, что его мать не оставит это без внимания.

— Идите! — зашипела на них Розамонд. — Убирайтесь с глаз моих!

Рейносо и Перес выскочили из кабинета.

Розамонд ждала, пока за ними закроется дверь. Все ее тело вибрировало от возмущения. Дрожащими руками она разгладила невидимые складки на своем бежевом брючном костюме и расправила плечи.

— Этот Лиам Коулман — чужак. Преступник и убийца. Такому жестокому человеку не место в границах нашего города.

— Я согласен, — отозвался Десото.

— Мы в твоём распоряжении, — ровно произнес Саттер. Его лицо не выражало никаких эмоций. — Просто скажи, что ты хочешь, чтобы мы сделали.

— Ты хочешь, чтобы я арестовал его, несмотря на возражения шефа? — спросил Джулиан. — Шеф Шеридан отпустил его. Никаких обвинений. Ничего.

Его мать перевела взгляд на него. Ее глаза стали блестящими и жесткими. Красный пигмент от помады просочился в складки вокруг рта.

Джулиан вздрогнул от злобы в ее взгляде — чистого презрения. Как будто она желала смерти ему, а не ее драгоценному Гэвину.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — переспросил Джулиан. — Избил его? Выкинул из города?

Когда она заговорила, ее голос звенел как лезвие бритвы.

— Ты настолько глуп? Неужели ты думаешь, что это достаточное наказание за убийство твоего брата?

Гэвин не просто убит. Он заслужил все огнестрельные и ножевые ранения и даже больше. Джулиан знал это наверняка. Кем бы ни был этот солдат, он оказал миру услугу.

Но при этом он оказался не на стороне Розамонд Синклер. Это стало его роковой ошибкой.

Джулиан знал, что лучше не высказывать свои мысли вслух. Его мать не изменит своего мнения. А ему не хотелось даже пытаться.

Ее месть осуществится, с ним или без него.

У него появился шанс вернуться на ее сторону. Доказать ей свою ценность. Доказать, что он лучше своего брата.

Ей больше не нужен Гэвин. И уж точно ей не нужен никто вроде Ноа Шеридана. Как и Джулиан.

Но это все-таки не совсем правда. Его мать смотрела на него, ее стеклянные глаза пылали от горя и ярости, умоляя его. Она просила его.

Джулиана охватила тоска, извращенное желание ее одобрения, преследовавшее с самого детства, старое отчаяние, когда ему хотелось получить хоть крошку ее скупой любви.

Он ненавидел ее за это. Еще больше он ненавидел себя. Но он не мог остановить это, даже сейчас.

— Нет, — сказал он. — Не думаю. Я все сделаю как надо.

Ее губы скривились в насмешке.

— Ты сможешь справиться с этим, как мужчина, на этот раз?

Джулиан заставил себя не вздрогнуть, не дать обиде отразиться на его лице. Он будет унижаться, потому что это именно то, чего она хотела.

— Пожалуйста! Позволь мне разобраться с этим самому. На этот раз я все сделаю правильно, обещаю.

Она колебалась, в ее глазах плескалось презрение, даже ненависть. Он ждал, не дыша.

Тень пересекла ее лицо. Что-то сдулось в ней. Почти незаметно, но он увидел это. Мать едва заметно кивнула ему и перевела взгляд на Саттера.

— О чем бы ни попросил тебя мой сын, сделай это.

Джулиан постарался не выдать вспыхнувшее облегчение на своем лице. Он стиснул челюсти. Он проложит себе путь обратно на вершину, на ее сторону. Он вернет все на свои места, как и должно быть. И начнет с Лиама Коулмана.

У Джулиана имелось еще несколько имен, чтобы добавить их к списку.

Саттер поднялся со своего места. Он напоминал танк — толстошей, грузный и внушительный. В его темных глазах светился хитрый ум.

Он кивнул Джулиану, прежде чем встретиться взглядом с Розамонд.

— Это не станет проблемой. Я выделю вам Десото и Беннера, чтобы вы оба поступили так, как сочтете нужным.

— Где тело моего сына? — Розамонд спросила Джулиана, ее голос прозвучал низко и опасно. — Что эти идиоты сделали с ним?

— Я действительно не думаю, что ты захочешь увидеть...

Она наклонилась вперед и уперлась кулаками в стол, ее глаза полыхнули.

— Где?!

— Они положили его в последний мешок для трупов и пока хранят в морозильной камере в школе, — сообщил Джулиан.

— Я собираюсь похоронить своего сына, — жестко произнесла Розамонд. Она пристально посмотрела на Джулиана. — Я не хочу больше видеть твое лицо, пока ты со всем не разберешься.

Она обошла стол, прошла мимо Джулиана и, не оглядываясь, открыла дверь.

Ноа

День тридцатый

— Шеф Шеридан, возможно, у нас проблема. — Голос Рейносо раздался по рации.

— Прием, Рейносо, — отозвался Ноа. — В чем дело?

— Неприятности в церкви Кроссвей.

Сердцебиение Ноа участилось. Он крепко сжал руль руками в перчатках. Ноа сидел в черном «Форд-F150» 1970-х годов с надписью: «Полиция Фолл-Крик» на боку. Двигатель работал, тепло вырывалось из вентиляционных отверстий.

Он припарковал грузовик на дороге у блокпоста сразу за мостом на выезде из города. Постовые ввели его в курс дела. Саттер ежедневно докладывал Розамонд, но Ноа хотел сам держать руку на пульсе города. Это часть его работы.

За последние двадцать четыре часа ополченцы развернули четыре группы, искавшие еду и кров. Все они рассказывали о своем горе — пустые кладовки, замерзающие дома, взломы и насилие на улицах. Одна группа вела себя агрессивно, и ее пришлось отгонять силой.

Еще один труп в списке — и на совести Ноа и без того тяжкий груз.

Ситуация становилась все хуже. Помощь не приходила. Никакой помощи, кроме той, что они обеспечили для себя сами.

Тревога сковала его внутренности. Единственное, что успокаивало нервы Ноа, — это знание, что пятьдесят три вооруженных человека патрулируют Фолл-Крик. Пятьдесят три солдата, обеспечивают безопасность города. Его сын в безопасности.

Вот что имело значение. Он говорил себе это до тех пор, пока не поверил.

— Бишоп, — произнес Ноа, не спрашивая.

— Бишоп, — неохотно подтвердил Рейносо.

Он ждал, что вот-вот грянет еще один удар с того дня, когда Бишоп привез Ханну обратно, и только потом обнаружил, что в его отсутствие продовольственная кладовая Кроссвей опустела. Ноа собирался поговорить с ним, но его немного отвлекло чудесное возвращение жены.

— Мне связаться с Джулианом? Он уехал днем на подледную рыбалку...

— Нет! — Слово само вырвалось из его горла.

Тишина по рации.

— Это не очень хорошая идея, — произнес Ноа тише, хотя чувствовал себя совсем не спокойно.

Чувство вины укололо его. Он его проигнорировал. Они с Джулианом все еще почти не разговаривали, особенно после их стычки несколько дней назад. Ему стоило просто позволить Джулиану взять Лиаму под стражу, как тот и хотел.

Ноа вздохнул. Что сделано, то сделано. У него и так слишком много забот, он не мог еще и справляться с переменчивым настроением Джулиана.

— Что вы хотите, чтобы я сделал, босс? — спросил Рейносо.

— Я разберусь с Бишопом. У меня получится с ним справиться. Я сейчас приеду.

Ноа пристегнул рацию обратно к поясу. Он переключил грузовик на передачу, сделал разворот и направился обратно в город. Он жмурился от солнечного света, отражающегося от снега. Дороги были недавно расчищены. День выдался ярким и солнечным, температура держалась где-то на уровне минус одного градуса.

Может быть, потеплеет, и часть этого проклятого снега растает. Впрочем, это всего

лишь мечта. Январь еще даже не закончился. На юго-западе Мичигана впереди еще два месяца зимы — если повезет.

Грузовик прогрохотал по мосту через самый широкий участок реки Фолл-Крик. Река огибала город в форме буквы «С», а затем впадала в реку Сент-Джо в пяти милях к северу. К югу от города плотина отделяла Фолл-Крик от озера Чапин.

Он направился на главную улицу. При виде знакомого города его плечи напряглись. Бакалея «Френдли» теперь стояла закрытой. Семейная аптека Винсона тоже. Фармацевт Роберт Винсон сотрудничал с ополчением, доставляя лекарства жителям, которые в них нуждались.

Два снегохода ополченцев проехали мимо, патрулируя город. В остальном улицы и тротуары оставались пустыми. Кто-то наконец снял рождественские венки с фонарных столбов.

Ноа миновал один закрытый магазин за другим — «Пицца Палас», кафе «Пэтси», автомастерскую Ганди, прачечную.

Не останавливаясь, проехал единственный темный светофор. На западе находилась средняя школа и объединенная начальная/средняя школа, которая теперь служила приютом для беженцев и общественным продовольственным центром; парикмахерская, стоматологический кабинет и почтовое отделение; справа — историческое здание суда в стиле классического возрождения с большими белыми колоннами, вдохновленными древними храмами. Собрания городского совета теперь проходили в доме суперинтенданта.

Преодолев еще несколько кварталов, он добрался до церкви Кроссвей и припарковался вдоль обочины. На дороге еще оставалось много места для снегоходов, полноприводных автомобилей и случайных машин.

На противоположной стороне улицы стояли магазин бытовой техники, банк и таверна «Файерсайд». Их темные окна смотрели на него как мертвые глаза.

Фолл-Крик превратился в город-призрак.

Ноа постепенно начинал привыкать к унынию. Именно это он ненавидел больше всего.

Какое-то движение справа привлекло его внимание. Примерно в двадцати пяти ярдах впереди припаркованного грузовика одинокая фигура шла по правой стороне улицы.

Голова человека была поднята, он медленно сканировал окружающее пространство слева направо и обратно. Ноа узнал его широкие плечи, каштановые волосы и уверенную, целеустремленную походку.

Лиам Коулман.

Горькая кислота поднялась в горле. За три дня, прошедших после возвращения Ханны, инстинктивная неприязнь Ноа к Лиаму только усилилась.

Он знал, что это мелочно и злобно. Понимал, но ничего не мог с собой поделать. Возможно, он оказался гораздо худшим человеком, чем всегда себя считал.

Ревность разъедала его каждый раз, когда он видел Лиаму и Ханну вместе. Поскольку Лиам все еще жил в их гостевой комнате внизу, это происходило часто. С каким доверием и уважением она смотрела на него. Как легко двигалась, говорила и смеялась рядом с ним.

Ноа пытался. Он пытался всем сердцем и душой наладить с ней контакт. Все становилось немного лучше, но все равно чувствовалась неловкость.

Он любил ее. Она была его женой, и он хотел, чтобы она оставалась такой во веки веков. Он хотел вырастить с ней Майло, состариться рядом с ней.

Ноа был уверен в своей любви. А вот насчет Ханны он не знал.

Она прошла через то, что он даже не мог себе представить и не хотел представлять. Он должен дать ей время. Он понимал это.

Ноа смотрел, стиснув челюсти, как фигура Лиама Коулмана становится все меньше и меньше. Неужели он обошел весь город? Это не удивило Ноа. Коулман казался неугомонным типом.

Может быть, он уйдет прямо из Фолл-Крика и никогда не вернется. Но кажется, угрюмый солдат не собирался покидать город достаточно быстро, как того хотелось бы Ноа.

Ноа вернул свое внимание к церкви. У него нет времени на очередную порцию жалости к себе. У него полно работы.

На парковке у церкви стояло несколько снегоходов и несколько старых автомобилей. Ноа вылез из грузовика и положил ключи в карман. Он постоял немного, моргая от солнца.

Как Бишоп смог войти в здание церкви, он не представлял. Воспоминания о кровавой бойне все еще преследовали Ноа в кошмарах. Все эти тела. Все эти мужчины, женщины и дети, бессмысленно убитые.

Это массовое убийство наложило отпечаток на Фолл-Крик. Пятно, которое, возможно, никогда не будет смыто.

Он взял себя в руки и направился к церкви. Витражи были разбиты. Разноцветное стекло сверкало в сугробах под окнами. Над ним возвышался церковный шпиль.

Рейносо встретил его у боковой двери. Офицер Орен Труитт стоял рядом с ним.

— Следуйте за мной.

Они поспешили в самую большую комнату с распашным окном, где Дафна месяц назад раздавала пакеты с пожертвованной едой. Когда-то эта комната была забита от пола до потолка продуктами; теперь здесь не оказалось ничего, кроме людей.

Офицер Хейс стоял за дверью, его табельное оружие оставалось в кобуре, но ладонь лежала на рукоятке — на всякий случай.

Ноа напряженно кивнул ему. Хейс кивнул в ответ.

Труитт и Рейносо последовали за Ноа в комнату. Внутри толпилось не менее двадцати человек. Их лица исхудали, выражения были напряженными. Все выглядели похудевшими и обрюзгшими.

Ноа осмотрел толпу и узнал владельца бензоколонки Майка Дункана и его сына-физика Джамала. Рядом с ними стояли Дейв Фаррис, Тина Ганди, дочь механика, и Аннет Кинг директор средней школы Фолл-Крик.

Рядом с Бишопом стояли миссис Блэр, вдова Томаса Блэра, и ее дочь Уитни. Их глаза были красными, а лица осунувшимися от горя.

Все, как один, повернулись к Ноа.

— Шеф Шеридан! Вы должны что-то сделать!

— Скажите нам, что вы собираетесь что-то сделать, чтобы остановить этих животных!

— Мы голодаем! Мне нечем кормить своих детей!

— Вы же не оставите это без внимания?

— Мы рады, что вы вернули свою жену и все такое, но для остальных, дела обстоят не так хорошо!

— Успокойтесь, друзья, — громко скомандовал Ноа. — Что здесь происходит?

Их ворчание стихло. Головы повернулись к Бишопу.

Бишоп стоял в конце комнаты, окруженный пустыми, разграбленными полками. Он сжимал руки в кулаки.

— Они закрыли мою церковь, Ноа. Они украли у меня. У нас. У этой общины. Ноа не пришлось спрашивать, кто. Он и так знал.

Глава 37

Ноа

День тридцатый

— Ополченцы забрали еду, которая им не принадлежала, — повторил Бишоп. — Они украли ее.

Ноа поднял руки, ладонями наружу. Внутри у него все напряглось, он боялся этого момента.

— Это правда, что город присвоил определенные товары, чтобы быстро обеспечивать нужды общины...

— Мы не голосовали по этому поводу, — напомнил Дейв. — Городской совет не утверждал такое.

— Город не может голосовать за каждое решение, — возразил Ноа с терпением, которого вовсе не чувствовал. — Суперинтенданту нужно иметь возможность принимать решения в оперативном порядке, чтобы обеспечить безопасность и здоровье общества.

Бишоп посмотрел на него так, словно у Ноа внезапно выросли три головы.

— Только не говори мне, что ты это одобрил. Не говори мне, что ты согласен.

Ноа колебался. Если он признает, что Джулиан и Сатгер сделали это, не потрудившись спросить его мнения или согласия, это подорвет его авторитет.

Глаза Бишопы сузились. Ноа не пришлось отвечать: Бишоп слишком хорошо его знал.

А вот остальные — нет. Крайне важно чтобы в нем видели лидера, того лидера, которым он так старался быть. Лидера, в котором нуждался Фолл-Крик.

Он прочистил горло.

— Консолидация запасов облегчает их распространение и позволяет вести активный список того, кому что нужно, и кто что получил. Вот и все.

Лицо Бишопы потемнело. В его голосе послышался сарказм.

— О, неужели это все?

— Они вышли из-под контроля, — заявил Дейв. — Ты это понимаешь. Я знаю, что понимаешь.

— Они не могут просто прийти в наш город и устанавливать свои собственные порядки, — добавила Аннет.

По толпе пронесся гул недовольства.

— Нам нужно что-то делать, — пробормотал Джамал Дункан. — Это неправильно.

Они гневались. Голодные, напуганные и злые. Ноа помнил, как все обострилось после бойни в Кроссвей, перед тем как Рэй Шульц и его команда были казнены перед зданием суда. Люди чуть не взбунтовались.

Не так уж много нужно, чтобы довести их до бешенства, толкнуть через край.

В душе Ноа вспыхнул страх. Эти люди не были бойцами. Лишь Бишоп имел военную подготовку и опыт, но не все остальные.

У них не будет шансов против пятидесяти вооруженных ополченцев. Они могли сделать что-нибудь глупое и опасное. Ополченцы предприняли бы ответные действия, и хорошие люди пострадали бы.

Он должен это предотвратить, даже если потом они его за это возненавидят.

— Мы знаем, что произошло в «Винтер Хейвене», — произнесла Аннет. Ее взгляд скользнул к миссис Блэр. — Все знают. Эти ополченцы убили двух наших людей. Убили и оставили их гнить.

— Во время вооруженного вторжения в дом, — быстро уточнил Ноа. — Они напали на домовладельца...

Глаза Бишопы вспыхнули.

— Владелец дома? Ты шутишь? Ты говоришь так, будто веришь в эту чушь, Ноа.

В нем вспыхнул гнев.

— Томас Блэр и Тед Никлсон нарушили закон. Они поставили под угрозу все общество, когда решили напасть на чужой дом и присвоить его. Все изменилось, вы все это знаете. Последствия каждого решения стремительны и суровы. Если мы хотим выжить, когда каждый город и поселок в нашем штате находится на грани краха, мы должны быть готовы сделать трудный выбор. Уверяю вас, на другой стороне есть свет. Нам просто нужно пережить зиму. Мы сможем это сделать, если будем работать вместе.

— А как насчет моего умершего мужа? — спросила миссис Блэр. Она была миниатюрной женщиной, худенькой и симпатичной. Сейчас она выглядела осунувшейся, ее плечи ссутулились, словно сломанные крылья. — А как же мы?

Ноа отодвинул в сторону чувство вины, заставив себя сосредоточиться на общей картине.

— Я искренне сожалею о погибших. Мы должны принять это как поучительный опыт, как предупреждение для всех нас на будущее. Лучшее, что мы можем сделать, это двигаться вперед и сосредоточиться на совместной работе, чтобы преодолеть кризис. Что сделано, то сделано. Все в прошлом.

Жители города смотрели друг на друга со скептическим выражением лица. Аннет покачала головой. Тина Ганди пристально посмотрела на него.

Он сжал челюсть. Он делал все, что мог. Розамонд справлялась с такими вещами лучше.

— Но это еще не все, — возразила миссис Блэр. — Сегодня утром мы пошли в среднюю школу, чтобы получить свою дневную норму еды. Солдаты проверили наши имена на планшете и отказали нам. Мы были помечены как «несогласные», и поэтому больше не имеем права на пайки.

Ноа старался сохранить спокойное выражение лица, чтобы скрыть свое удивление. Его никто не посвятил в это решение. Он сжал губы, заставляя свой голос оставаться ровным и уверенным.

— Я уверен, что эту ошибку мы скоро исправим.

Тина Ганди скрестила руки на груди.

— Кто следующий? Мы делаем или говорим что-то не так, и мы голодаем? Так вот как теперь обстоят дела?

— Нет, конечно, нет...

— Любой, кто выскажется против суперинтенданта или ее сторожевых псов, будет занесен в список, — заявила миссис Блэр. — Как вы думаете, что из этого получится?

— Давайте не будем нагнетать обстановку, — жестко произнес Ноа, чтобы скрыть растущую тревогу. — «Что-если» никому не приносит пользы. Просто думайте о том, что находится прямо перед вами. Живите одним днем. Мы пройдем через это...

— Это не нагнетание страха, если это правда, — пробормотал Дейв Фаррис.

Ноа бросил на него взгляд. Он рассчитывал, что члены совета будут на его стороне, а не

станут еще больше будоражить людей.

— Все под контролем. Фолл-Крик под контролем.

Бишоп шагнул вперед. Толпа расступилась вокруг него.

— Вам нужно долго и пристально смотреть на людей, окружающих вас, шеф Шеридан.

То, что, как вы думаете, вы контролируете, не так уж и под контролем.

— Сейчас, речь не о...

— Речь всегда идет о контроле, — отрезал Бишоп. — Консолидация власти под видом общественной безопасности. Это извечная игра, в которую играли тысячи раз на больших и малых правительственных сценах. Ущемление наших прав — это медленная смерть свободы. Мы — лягушки, греющиеся в теплой ванне, пока вода варит нас до смерти, и некоторые из нас даже не осознают этого.

Ноа скрипнул зубами.

— Бишоп, могу я поговорить с тобой наедине?

Бишоп показал в сторону коридора.

— Конечно.

Они вышли в коридор и остановились перед последней кладовой. Через дверной проем тянулась желтая оградительная лента. Комната, где Бишоп прижимал к себе своих мертвых дочерей и жену.

Бишоп не стал заглядывать внутрь. Ноа тоже.

Сожаление переполняло Ноа. Разочарование и гнев. Он чувствовал себя разорванным на две части, загнанным в угол.

Что бы он ни делал, он кого-то разочаровывал. В любом случае, он подводил тех, кто ему дорог.

По крайней мере, таким образом он сохранял людям жизнь.

— Это ты теряешь контроль, Бишоп, — понизив голос, сказал Ноа. — Что ты там делаешь? Пытаешься устроить гражданские беспорядки? Пытаешься подстрекать к бунту?

— Это неправильно. Здесь страдают реальные люди. Реальные люди умирают. Разве ты этого не видишь?

— А как насчет подставить другую щеку? Разве не это ты проповедуешь? Как насчет мира и гармонии?

— Все эти вещи важны, — тихо произнес Бишоп. — Но это тирания.

— Это громкое слово, не стоит им разбрасываться. Будь осторожен. Розамонд делает все, что в ее силах.

— Разве?

— Конечно!

Бишоп устремил на него свой пристальный взгляд.

— Некоторые из нас с этим категорически не согласны.

Ноа вскинул руки, лихорадочно ища, чем бы подкрепить свои доводы.

— Разве христиане не должны повиноваться правительству? «Отдавайте кесарю то, что принадлежит кесарю», или как-то так?

— Мы почитаем гражданскую власть везде, где это возможно, вплоть до того момента, когда эта власть злоупотребляет интересами людей, которых она призвана защищать. Там, где правительство угрожает свободе и нарушает данные Богом права, мы обязаны сопротивляться.

Перед мысленным взором Ноа пронесся образ Маттиаса Саттера, казнившего Октавию

Райли. Джулиан стреляет в голову Билли Картеру. Десото, открывающий огонь по жителям Фолл-Крика.

Он должен заставить Бишопа понять. Ему нужно чтобы тот отнесся к этому серьезно. Не высовываться. Подчиниться. Только так они все смогут пройти через это.

По крайней мере, пока не наступит весна. Как минимум до тех пор, пока не закончится худший из этих кризисов.

— Ты не понимаешь, с кем собираешься бороться. — Ноа находился на грани паники. Его пульс громко стучал в ушах. Ладони увлажнились под перчатками. — Саттер — опасный человек.

Глаза Бишопа вспыхнули.

— Он не единственный.

— Тем больше причин оставить это! Это просто еда, Бишоп. Еда, которую ополченцы отдают людям. Какая разница, кто ее дает, лишь бы это происходило?

— За этим стоит гораздо больше, и мы оба это знаем.

Ноа ничего не ответил. Что еще он мог сказать? Он старался изо всех сил.

Бишоп всегда отличался упрямством. Он видел вещи определенным образом, и все. Он как валун посреди реки. Неважно, как яростно бушевала река, он оставался неподвижным.

Бишоп покачал головой.

— Я должен вернуться к работе. У нас есть семьи, которые голодают. Мы должны придумать, как им помочь.

Он отвернулся от Ноа и пошел по коридору.

— Бишоп! — Ноа окликнул его. — Тебе не стоит будить спящих собак.

Бишоп остановился. Он оглянулся на Ноа, его руки все еще сжимались в кулаки. На его лице мелькнула эмоция — тлеющий гнев.

— Кто сказал, что они спят?

Глава 38

Квинн

День тридцать первый

Бабушка открыла дверь. Внутри ворвался порыв холодного воздуха, но она, казалось, ничего не заметила.

— Я так рада, что вы смогли прийти, — просияла Молли. — Заходите, заходите. Вы, наверное, замерзли. Чувствуйте себя как дома.

Квинн выключила «Богемскую рапсодию», которая звучала на ее айпоне, сняла наушники и повесила их на шею.

Она уставилась на бабушку так, словно у нее выросли три головы. Возможно, так оно и есть. Квинн никогда в жизни не видела, чтобы та вела себя столь любезно.

Бабушка нервно улыбнулась и жестом указала гостям.

— Добро пожаловать, всегда вам рада.

Майло вошел первым, медленнее и тише, чем обычно. Большая белая собака последовала за ним. Пес рысью направился к центру гостиной и встряхнулся. Снег и ледяные крупинки разлетелись повсюду.

Три кошки, лениво разлегшиеся на разных предметах мебели, ожили, словно их ударило током. Воздух наполнился недовольным рычанием и шипением.

Рыжая пушистая шерсть Тора встала дыбом. Он спрыгнул со спинки дивана и поскакал

по коридору в сторону спален.

Один так испугался, что тут же свалился со спинки любимого бабушкиного кресла. Он едва удержался на ногах. А потом забился под кресло так далеко, как только смог.

С воплем ужаса Локи проскочил под диваном и исчез.

Пес просто наблюдал за их действиями, наклонив голову и прижав уши, и выглядел слегка удивленным. Он не преследовал их, и это хорошо. Коты, вероятно, запрыгнули бы на стропила и никогда бы не спустились.

Майло хихикнул. Квинн подмигнула ему.

Следующей в дом бабушки вошла Ханна Шеридан, держа на руках своего новорожденного ребенка. Ханна, чертова Шеридан. Стоит перед ними, прямо здесь, в бабушкиной гостиной.

Пропавшая девушка. Девушка, которая вернулась.

Последним зашел рослый, мускулистый солдат, о котором Квинн все время слышала. Он пригнулся, чтобы войти в низкий дверной проем. Он оказался таким же красивым, как она и представляла. Черты его лица казались грубыми и изрезанными, сильными и свирепыми. Создавалось впечатление, что он может сломать несколько шей голыми руками.

Он осмотрел комнату, охватив все одним взглядом. Выражение его лица было не совсем враждебным, но настороженным. Как у солдата.

Квинн перевела взгляд с Лиамы Коулмана и посмотрела мимо него на крыльцо. На небе сгущались сумерки. По снегу протянулись тени. На улице больше никого не было.

— А где Ноа? — спросила она.

Рот Ханны сжался.

— Он собирался прийти, но его вызвали на работу. Пара соседей поссорилась из-за украденного снегохода. Это переросло в драку. Он зайдет позже, если сможет.

Квинн нахмурилась в разочаровании. Ей всегда с трудом удавалось скрывать свои чувства. Она колебалась между раздражением на Ноа, доводящим ее до бешенства, и отчаянной тоской по их товариществу.

Ноа менялся, превращаясь в человека, которого она не узнавала. То ли из-за слишком напористого ополчения, то ли из-за необходимости поддерживать порядок после катастрофы, она не знала.

Может быть, возвращение Ханны все исправит. Если не все, то хотя бы Ноа.

— Добро пожаловать, добро пожаловать. — Бабушка оживленно хлопала в ладоши. — Пусть здесь немного места, но это наш дом.

Бабушка не часто зажигала камин, предпочитая дровяную печь на кухне, но сегодня огонь весело трещал и разгорался.

На камине мерцали две лампы. Они светили ярче, чем обычные масляные, и излучали как свет, так и тепло. Бабушка поставила за лампами зеркало, чтобы отражать еще больше света.

— Очень красиво, — тихо похвалила Ханна.

Бабушка покраснела, ее морщинистые щеки стали красными, а голубые глаза — яркими. Она повернулась и зашаркала к кухне, тяжело опираясь на трость.

— Я буду на кухне, — обернувшись через плечо, сказала она.

Бабушка превратилась в совершенно другого человека. Неожиданно милая, вежливая и любезная.

Ну, а кто знал, как вести себя с женщиной, вернувшейся из мертвых? Квинн точно не

знала.

Должна ли она вообще игнорировать пятилетнее исчезновение Ханны? Притвориться, что та находилась в длительном спа-отпуске или что-то в этом роде? Засыпать вопросами о ее травме? Придерживаться светской беседы и спрашивать о погоде?

Для всех это выглядело странно. Возможно, еще более странно для самой Ханны.

Квинн немного застенчиво потрогала свой пирсинг на губе. Она посмотрела на Майло. Он стоял в нескольких футах от Ханны и выглядел неловко. Честно говоря, парень выглядел несчастным.

Бедный Мелкий. Весь его мир и так перевернулся с ног на голову. А теперь еще и это.

Все остальные, вероятно, предполагали, что он будет счастлив. Взволнован. В восторге.

Но не Квинн. Она больше, чем большинство людей, знала темную сторону жизни.

Как редко все складывалось так, как ты ожидал. Моменты, которые должны стать самыми счастливыми, часто оказывались омрачены. Реальность чаще всего не соответствовала фантазиям в твоей голове.

Представлять себе мать — совсем другое, чем увидеть ее прямо перед собой — особенно ту, которую ты не помнишь.

Она сглотнула комок в горле.

— Привет, Мелкий. Давно не виделись. Ты подросток на пять дюймов с тех пор, как я видела тебя в последний раз? Или тебе просто очень нужно подстричься?

Майло благодарно ей улыбнулся. Вот он. Умный, бесстрашный ребенок, которого она знала, все еще здесь. Ему просто нужно немного поддержки.

— Я вижу, у тебя появилась лошадь в качестве домашнего животного. Не хочешь нас познакомить?

— Это пес, глупая. Большой пиренейский. — Он бросил осторожный взгляд на Ханну. — Он... он не мой.

— Конечно, его, — отозвалась Ханна.

Майло стал немного выше.

— Это Призрак. Он наш защитник. Он самый лучший пес на свете.

Словно почувствовав, что он в центре внимания, Призрак поднял голову и наострил уши. Он внимательно изучал каждый уголок дома.

Пес рысью подошел к Майло. Призрак был огромным — практически такого же роста, как Майло, с массивной головой, бочкообразной грудью и очень пушистым. Майло обхватил рукой мохнатые ребра собаки.

Призрак прижался к его щеке и удовлетворенно заскулил.

Он повернул голову к Квинн, глядя на нее большими карими глазами. Казалось, он изучает ее, решая, достойна она или нет.

Квинн стояла неподвижно. Она протянула одну руку ладонью вверх. До этого момента она не осознавала, как сильно ей хотелось понравиться этому великолепному существу, заслужить его одобрение.

Призрак оставил Майло и прошел через гостиную. Он остановился перед ней и обнюхал ее руку. В комнате воцарилась тишина. Квинн не двигалась.

Его горячее дыхание согревало ее ладонь, а усы щекотали кожу. Его черный нос был теплым и сухим.

Он не походил на других собак. Все собаки, которых она знала, отличались резвостью, энергичностью, дружелюбием и желанием угодить.

Призрак держался величественно. Торжественный, серьезный пес. Его глаза светились острым умом. Он прижимал свою морду к ее руке. Его пышный хвост медленно покачивался взад и вперед.

— Мне кажется, ты ему нравишься, — улыбнулась Ханна.

Квинн не смогла сдержаться; она засияла.

Майло фыркнул.

— Ты бы видела его с папой. Как будто он думает, что папа инопланетянин или типа того. Он становится таким грозным и злым.

Квинн усмехнулась.

— Я вполне могу это представить.

Ханна бросила на Лиаму лукавый взгляд.

— Ему действительно требуется время, чтобы привыкнуть к некоторым людям.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — отшутился Лиам.

Майло огляделся.

— А где коты?

— Прячутся в ужасе, — ответила Квинн. — Возможно, они не выйдут еще неделю.

Из кухни донеслось громкое шипение.

— Это Хель, — прокомментировала Квинн. — Правительница подземного мира. Она просто дает нам знать, как недовольна. Собакам не место в ее владениях. У нее вспыльчивый характер, но она умеет защищать.

Как по команде, из-под дивана выскочило маленькое темное существо и бросилось на задницу собаки.

Со злобным шипением Локи вонзил когти в длинный плюмажевый хвост Призрака.

Призрак не огрызнулся и не зарычал, как ожидала Квинн. Он спокойно взмахнул хвостом, и Локи потерял хватку, упав на пол.

Прежде чем кот успел убежать, Призрак развернулся и ткнул в него носом.

Локи замер, дрожа, подняв голову, пока Призрак обнюхивал его со всех сторон.

Призрак издал озадаченный вздох и опустился на пол, зажав кота между передними лапами.

Удивительно, но Локи не убежал. Он остался на месте и даже рискнул обнюхать Призрака.

Один вылез из-под бабушкиного кресла. Хвост пса мягко стукнул по полу. Животные обнюхали друг друга. Убедившись, что Призрак не мохнатый монстр, пытающийся его убить, Один забрался обратно в кресло.

Минуту спустя даже Тор спустился вниз, чтобы провести расследование. Валькирия, которая преследовала мышей снаружи, вошла из кухни. Она была бесстрашна и, казалось, не испытывала никакого страха перед новым гостем.

Большой белый пушистик вел себя спокойно и тихо. И ласково. Кошки решили, что, возможно, он им все-таки нравится. Может быть, из него даже получится отличное теплое одеяло для сна. Может быть.

— Большие пиренеи — это не пастушьи собаки, как думают некоторые, — объяснила Ханна. — Это собаки-сторожа скота. Их задача — охранять стадо. Обычно это овцы и козы, иногда куры. Или их человеческая семья. Я полагаю, не исключено, что пир будет считать кошек своим стадом.

— Удачи тебе, Призрак, — хмыкнула Квинн.

Все засмеялись, даже Лиам.

Глава 39

Квинн

День тридцать первый

— Ужин будет готов через пятнадцать минут! — прокричала бабушка из кухни.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила Ханна.

— О, Боже, нет! — громко сказала бабушка, как будто ее лично оскорбили. — Ни в коем случае. Присядьте, поболтайте, и следите, чтобы Локи не напал на ваши ноги.

— Никому не разрешается даже нюхать бабушкин медовый кукурузный хлеб и ананасовый чили до того, как они будут готовы, — поделилась Квинн. — Это ее секретный рецепт, которым она отказывается делиться.

Лиам поднял брови.

— Ананасовый чили? Это надо попробовать.

— Вы никогда не будете прежним, обещаю. Блюдо потрясающее.

Ханна села на диван, ребенок спал у нее на руках. Лиам присел рядом с ней. Он помог ей вылезти из куртки, положил ее на диван, а затем устроился рядом с Ханной.

Квинн не могла не заметить, как близко они сидели, как им было комфортно друг с другом. Она также отметила выпуклость пистолета на бедре Лиамы под его толстовкой. Его взгляд не останавливался на чем-то одном, а продолжал блуждать, проверяя окна, дверь, коридор. Как будто он всегда начеку, в поисках опасности.

Бишоп говорил, что он не тот человек, с которым стоит связываться. Квинн поверила.

— Майло и Ноа рассказали мне все о тебе, Квинн, — произнесла Ханна. — Ты очень дорога им обоим.

Несмотря на свои лучшие намерения, Квинн покраснела. Она прочистила горло, сопротивляясь желанию сказать что-нибудь язвительное.

— Да. Ну. Это взаимно.

— Я помню тебя, — призналась Ханна. — Ты обычно сидела прямо у этого окна и махала мне рукой, когда я бегала с малышом Майло, сидящим в его прогулочной коляске. Тогда ты была меньше. И волосы у тебя были другого цвета.

Майло бросил взгляд на Квинн, его глаза расширились. Она никогда не рассказывала ему эту историю.

— Правда?

— Правда, — подтвердила Квинн. — Видишь? Нам просто суждено было стать друзьями.

Майло улыбнулся на это. Настоящая, искренняя улыбка.

— Я так и знал, — прошептал он себе под нос.

— Что все это? — Лиам указал на листья, разложенные на журнальном столике и аккуратно сложенные в картонную коробку на полу рядом с ним.

— Листья для бабушкиной туалетной бумаги.

— Это как?

— Эти растения называются «овечьё ухо», — объяснила Квинн. — У них мягкие, впитывающие листья, большие и широкие. Они съедобны и целебны. Их можно использовать как бинты, они обладают антибактериальными свойствами. Но лучше всего они известны как хорошая альтернатива туалетной бумаге. Малеин тоже отлично подходит, у него более

крупные листья.

— О, круто, — сказала Ханна. — Это очень скоро пригодится.

— Листья сушат на плоской поверхности, чтобы сохранить их для круглогодичного использования. Листья не теряют свою впитывающую способность даже после сушки. Так они занимают гораздо меньше места при хранении, чем упаковки туалетной бумаги.

— Как она выращивает их посреди зимы? — спросил Лиам.

Квинн объяснила, как бабушка ухаживает за зимним садом на заднем дворе.

— «Овечье ухо» можно выращивать зимой и в помещении в маленьких горшочках.

Высушив листья, нужно положить их в банку или пакет с застежкой, чтобы использовать, когда понадобится.

— Это гениальная идея, — заявила Ханна. — А как насчет самодельных подгузников?

— Тоже подойдет. И для прокладок при менструации.

— Какая гадость, — пробормотал Майло.

— Если у Молли найдется несколько семян, я бы с удовольствием вырастила несколько наших собственных, — сказала Ханна.

Майло скорчил гримасу.

— Это будет не так уж плохо, — пообещала Ханна. — Поверь мне.

— Вообще бабушка говорит, что листья похожи на облако. Лично мне еще предстоит это испытать.

Ханна ухмыльнулась Майло.

— Облако, приятель. Уверен, что не хочешь попробовать?

Майло застенчиво хихикнул. Он покраснел и отвел взгляд.

— Может быть, позже.

— Привычная нам туалетная бумага была изобретена всего сто лет назад, — заявила Квинн, гордая и благодарная за все те знания, которым научили ее бабушка и дедушка. — Люди веками использовали растения. Они прекрасно работают — если только это не ядовитый плющ.

— Нам придется научиться делать все с нуля, — тихо сказала Ханна. — Поскольку производственные предприятия не работают, а цепочка поставок нарушена, запасы всего, к чему мы привыкли, ограничены. Много придется делать по-старому.

— Надеюсь, не все, — проговорила Квинн. — Я бы хотела сохранить хотя бы несколько технологических достижений.

— Кстати, о технологиях. — Лиам указал жестом на шнуры, обвивающие ее шею. — Что у тебя там?

Квинн широко улыбнулась.

— Музыка.

Ханна качала ребенка на руках. И тут замерла.

— Музыка?

— Мой дедушка поместил старый айпод в клетку Фарадея, чтобы защитить его. ЭМИ ему не навредил. У меня есть солнечное зарядное устройство. И даже маленький динамик, чтобы слушать громко.

— Мы с Квинн иногда поем и танцуем, — застенчиво признался Майло.

Ханна сглотнула. Ее лицо побледнело. Лиам пристально наблюдал за ней, на его лице появилось обеспокоенное выражение.

— Как думаешь, мы можем что-нибудь послушать?

Квинн достала из кармана айпод.

Ребенок тихонько заплакал. Лиам потянулся к малышке.

— Я возьму ее.

Не говоря ни слова, Ханна передала ему Шарлотту. Малышка почти исчезла в больших, мозолистых руках солдата.

Удивительно нежно он прижал младенца к груди и погладил ее по спине.

Она зашевелилась, затем расслабилась, прижавшись к его шее. Почти мгновенно Шарлотта снова заснула.

— А шум ее не потревожит? — спросила Квинн.

— Она почти все проспит, — ответила Ханна. Она не сводила глаз с айпода Квинн с тех пор, как тот появился.

Квинн подключила айпод к колонке на камине. Она перебирала разных исполнителей, ища что-нибудь хорошее. Она пропустила «Eye of the Tiger», «Dancing Queen» и «I'm a Believer».

Вспомнив, что Майло говорил ей, что это любимая группа его матери, она остановилась на песне «Битлз». Квинн заколебалась, затем нажала кнопку «воспроизведение».

Мягкие переливы песни «Blackbird» наполнили комнату. Призрачный голос Пола Маккартни и акустическая гитара слились в идеальной гармонии.

Ханна резко выдохнула и закрыла глаза. Черты ее лица смягчились.

Квинн не могла оторвать от нее глаз. Ханна выглядела такой красивой, такой безмятежной.

Все внимательно слушали, пока не стихли последние ноты. Никто не двигался.

Странное выражение появилось на лице Майло. Он взглянул на Ханну, его глаза расширились и стали яркими.

— Ты пела эту песню. Ты пела ее мне перед сном. Правда, ты немного изменила мелодию.

— Да. Это была наша любимая песня. — Ханна переместилась вперед с дивана и опустилась на колени, выражение ее лица выражало такую надежду, что у Квинн защемило сердце. Она сцепила руки на коленях. — Ты помнишь?

Майло кивнул.

— Помню.

Подбородок Ханны задрожал. Дрогнувшим голосом она начала петь а капелла.

— Черный дрозд, лети, черный дрозд, лети... На свет темной черной ночи... — Ее голос становился сильнее, увереннее. — Черный дрозд поет в темноте ночи... Возьми эти сломанные крылья и научись летать...

Квинн перестала дышать. Майло и Ноа не преувеличивали. У Ханны Шеридан был самый красивый голос, который она когда-либо слышала — чистый, богатый и сильный.

Песня поразила ее прямо в сердце, в самую душу.

Майло присоединился к матери. Они пели вместе, их голоса звучали чисто и гармонично, отдаваясь прекрасным эхом в маленькой комнате.

— Черный дрозд, лети... на свет темной черной ночи. — Слезы текли по лицу Ханны. Она пропела последнюю строчку. — Всю свою жизнь ты только и ждал этого момента.

Майло подошел к ней. Без колебаний, без неловкости, неудобства или нервозности, а решительно. Широко раскинув руки, он бросился к матери.

Ханна обхватила его руками и притянула к себе, зарывшись лицом в его темные кудри.

Они крепко держали друг друга, словно не хотели отпускать.

Грудь Квинн наполнилась теплом. Ее глаза повлажнели. Ей хотелось плакать и смеяться одновременно.

Она знала, как много это значит для Майло. Она понимала, как сильно Ханна нуждается в этом.

Квинн не могла представить, через что Ханна прошла, чтобы попасть сюда, какие битвы она вела и выиграла, чтобы вернуться к своей семье.

Какой это дар: потерять что-то ценное, и после того, как все надежды угасли, обрести снова.

Квинн знала, что такое боль. Она знала о потере. У нее за плечами свои горести и кошмары, своя потерянная мать, которая никогда не вернется.

Она никогда бы не отказала им в счастье. Их счастье стало ее собственным.

Она любила Майло. Ей нравилась Ханна, всегда нравилась. И хорошо, что она теперь здесь. Даже больше, чем хорошо — это правильно.

Квинн посмотрела на Лиама. Его взгляд не отрывался от Ханны, глаза потемнели, на лице застыла тень эмоций. Кем бы ни был этот человек, любому в комнате сразу бросалось в глаза, что Ханна для него много значит.

В дверном проеме между кухней и гостиной бабушка, опираясь на трость, наблюдала за ними. Квинн не могла быть уверена, но казалось, что в глазах бабули тоже блещут слезы.

— Проходите, друзья, — сказала она, ее голос переполняли эмоции. — Ужин готов.

Глава 40

Ноа

День тридцать первый

Ноа замешкался на пороге дома Молли и Квинн. Он открыл входную дверь, но обнаружил странное нежелание входить внутрь.

— Ты выпускаешь все тепло! — Молли крикнула из кухни. — Или заходи, или проваливай!

Смех эхом доносился из кухни. Голос Майло, высокий и яркий. И голос Ханны, чистый и сладкий, как звон церковных колоколов.

Ноа улыбнулся. Он стряхнул снег со своей куртки. Закрыв за собой дверь, снял ботинки, сунул перчатки в карманы и прошел через маленькую гостиную на кухню.

В дровяной печи весело мерцал огонь. Его встретила волна тепла. Восхитительный аромат корицы и печеного теста наполнил его ноздри.

Кухня излучала мир и радость. Все были вместе, счастливы.

Старый дом Молли намного меньше, чем его новый коттедж в «Винтер Хейвене». Тесный, немного потрепанный и простой. Но почему-то это никак не ощущалось.

У Ноа сжалась грудь, его кольнуло чувство зависти. Здесь было тепло и уютно. Легко забыть о хаосе и анархии, бушевавших за этими стенами.

Последние несколько дней выдались тяжелыми. В его голове накопилось столько забот: жадность ополченцев, разрушающееся состояние города, растущая напряженность между Джулианом и Бишопом. Смерть Гэвина Пайка и то, как Розамонд Синклер могла или не могла разобраться в ситуации. До сих пор Ноа избегал ее, боясь, что она увидит правду, написанную на его лице.

Затем появились обескураживающие сообщения о жестоких нападениях на города

региона. Лишь вопрос времени, когда Фолл-Крик тоже станет мишенью.

Как они смогут противостоять нападению чужаков, если сами слишком заняты тем, что враждуют друг с другом?

Фолл-Крик превратился в пороховую бочку, которая вот-вот взорвется. Еще одна вспышка, подобная нападению на «Винтер Хейвен», и ополченцы могут убить еще больше граждан. Ополченцы вели себя нервно и напряженно. Горожане стали непокорными, обиженными и злыми.

Жители могли ненавидеть его за это, но Ноа делал все возможное, чтобы успокоить всех и сохранить стабильность. Он решился на трудный выбор, чтобы люди, о которых он заботился, могли иметь это. Еду и тепло. Приют. Помощь и поддержку.

Жаль, что большинство из них не ценили этого.

Ноа попытался выкинуть все это из головы. По крайней мере, сегодня вечером он мог побыть со своими друзьями и семьей.

Его сын. Его жена.

— Ты голоден? — Молли стояла у кухонного стола, повсюду рассыпалась мука, когда она замешивала тесто. — Я испекла свой знаменитый хлеб с корицей.

Она оглянулась на него. Мука размазалась по ее круглым морщинистым щекам. Ее голубые глаза искрились.

— Твой сын намазал его арахисовым маслом, что можно расценивать как святотатство в нашем доме. Ему повезло, что он симпатичный, поэтому я его простила. — Она подмигнула Майло. — На этот раз.

— Он не от меня узнал про арахисовое масло, — ответил Ноа, заставляя свой голос звучать ровно.

— Это пришло из моей семьи, — объяснила Ханна. — Мой брат, Оливер. Он мазал арахисовым маслом все, что мог.

Диван все еще стоял на кухне, прислоненный к окну, рядом с ним стоял круглый стол. Лиам сидел за столом напротив Майло, между ними лежала шахматная доска. Квинн прижалась к Ханне на диване. Она качала ребенка на руках, пока Ханна смотрела.

Квинн криво усмехнулась, ее пирсинг сверкнул в свете камина.

— Привет, полицейский Ноа. Я усыпила Шарлотту. Оказывается, я не так уж плох в этих детских делах.

— Определенно лучше, чем я, — сказал он с досадой. Ноа хотел пошутить, но вышло иначе.

Огромный пес Ханны, Призрак, лежал, раскинувшись, на ковре перед дровяной печью, его лапы торчали прямо посреди комнаты, длинный плюмажевый хвост ритмично бился.

Один свернулся калачиком между лапами Призрака под его мордой. Тор, пушистый рыжий кот, вечно просящий ласки, сидел на собачьем загравке, вылизывая лапы. Локи присел позади него, его желтые глаза были устремлены на хвост Призрака, кошачья задница извивалась в воздухе, готовясь к нападению.

Призрак полностью игнорировал выходки кошек. Он не зарычал, но повернул голову, прижал уши и насторожился. При этом он не сводил глаз с Ноа.

Ноа остановился в арке между гостиной и кухней, снова замешкавшись. Пес заставлял его нервничать.

— Он друг, — сказала Ханна Призраку. — Не рычи на него.

Уши Призрака наклонились в ее сторону. Он низко жалобно заскулил, словно выражая

свое несогласие.

— Не думаю, что я ему нравлюсь. — Ноа ждал, что Ханна заверит его в обратном, но она этого не сделала.

Он взглянул на Майло. Лодыжки его сына обхватывали ножки стула менее чем в футах от мощных челюстей собаки. Ноа представил, как эти зубы могут прокусить ногу или руку.

Он прочистил горло.

— Он опасен?

— Не для всех, — ответила Ханна.

— Не вызывай у него желания укунить тебя, — хрипло сказал Лиам. — В этом весе фокус.

Ханна улыбнулась Лиаму.

— Разве? Ты уверен? Я припоминаю, что пару раз он чуть не отхватил от тебя кусок.

Суровое лицо Лиам скривилось. Его губы подергивались.

— Я вообще этого не помню. Должно быть, тебе это привиделось.

Ханна снова засмеялась. Высоко, сладко и музыкально.

Ноа напрягся. Этот звук наполнил его радостью и болью в равной степени. Как он любил ее смех. Как он скучал по нему, когда она пропала.

Он думал, что никогда больше не услышит ее смех. И вот она смеется здесь. Чудо.

Но смеялась она не с ним.

Ханна перевела взгляд на Ноа. Ее изумрудно-зеленые глаза сияли весельем. Прекрасное, нежное лицо, отпечатавшееся в его памяти — прямо здесь, живое, в десяти футах от него.

Между ними мог быть и океан.

— Все будет хорошо, Ноа, — сказала она, смеясь. — Все хорошо. Я обещаю.

Майло похлопал по пустому стулу рядом с собой.

— Садись с нами, папа. Лиам учит меня играть в шахматы. Это очень весело! Я расправился с его ладьей своим конем. Это крутой конь.

Ноа хотел сесть рядом со своей женой, но это место уже оказалось занято.

Лиам сидел на дальнем конце стола, его стул стоял рядом с краем дивана, вполборота, так что его спина прижималась к стене, лицом к комнате. AR-15 прислонен к столу в пределах его досягаемости.

Менее чем в футах от него Ханна свернулась калачиком на одном конце дивана, подогнув под себя ноги, и натянула на колени вязаное вручную одеяло.

Она выглядела довольной и спокойной, не напряженной и нервной, как в доме в «Винтер Хейвене». Такой, какой она обычно была рядом с ним.

— Твоя очередь! — воскликнул Майло.

Лиам сделал ход. Майло наклонился вперед, захватил своего ферзя и сбил одну из черных пешек Лиам с доски.

— Очередная пешка сбита с доски! — обрадовался он.

— Отличный ход, — одобрил Лиам.

Майло просиял.

Что-то темное и уродливое проросло в груди Ноа. Дрожащими руками он расстегнул куртку, снял ее и перекинул через спинку стула. Он тяжело сел и сложил руки на столе, чтобы их успокоить. Изобразил на лице улыбку.

Он должен быть счастлив. Он должен быть самым счастливым парнем на планете.

Сколько тысяч раз он мечтал об этом? Его жена жива, прекрасна, как никогда, прямо

перед ним.

И все же, он чувствовал себя оцепеневшим. Удрученным. Даже разочарованным.

Все шло не так, как он себе это представлял — как они упадут в объятия друг друга. Как они будут цепляться друг за друга, словно каждый из них — спасательный плот, единственное спасение. Прошлое забыто, стерто. Новое начало. Новое будущее.

Даже несмотря на все это, у них все получится, пока они вместе. Он верил в это.

Ханна вернулась из мертвых — это все, чего он хотел последние пять лет. Он молил Бога, торговался за свою душу. Он никогда даже не смотрел на другую женщину. Он никогда не снимал обручальное кольцо.

Теперь она здесь. Он здесь. Но они не вместе.

Она даже не спала с ним в одной спальне. Он предложил ей хозяйскую, но она с ребенком заняла гостевую.

Между ними стояла невидимая стена. Ноа пытался обнять ее, прижать к себе. Когда он протягивал руку, чтобы дотронуться до нее, на его пути оказывалась большая собака.

Дело не только в собаке. Или в ребенке, которого она всегда держала на руках. Ханна сторонилась его, словно он чужой.

Он не был незнакомцем. Он был ее мужем.

Лиам Коулман вот кто незнакомец. Высокий, мускулистый солдат, одиночка с прищуренными глазами. Тот человек, у которого возникла связь с его женой.

Ханна и Лиам едва касались друг друга после возвращения Ханна, но в этом нет необходимости. Это нечто большее, чем просто благодарность, которую он видел в глазах жены всякий раз, когда она смотрела на него.

Ноа не мог точно определить, что это было, но и отбросить свои подозрения тоже не мог.

Он же коп. Он доверял своим инстинктам. И его инстинкты кричали правду, принять которую Ноа не решался.

Каждый раз, когда Ханна улыбалась Лиаму, каждый раз, когда Ноа ловил взгляд солдата, наблюдавшего за ней с тем выражением в глазах, которое каждый мужчина узнавал в другом — желание, тоска — когти ревности впивались глубже.

Негодование пронзило его сердце. Он не хотел чувствовать себя таким. Из-за этого он ощущал себя мелочным и злобным. Он ненавидел себя за это.

Это не он. Не тот человек, кем он был, не тот, кем хотел быть. И все же...

Это же друзья Ноа. Это семья Ноа.

Тогда почему Ноа чувствовал себя лишним?

Глава 41

Квинн

День тридцать третий

Квинн не одна.

У нее кольнуло в затылке. Она обернулась и посмотрела назад. Тени вокруг густые и темные. В сарае на заднем дворе Ноа пахло деревом и жиром.

Фонарик дрожал в ее руке. В узком конусе света кружились пылинки.

Сарай огромного размера, скорее даже амбар, двадцать на двадцать. Полки вдоль задней стены заставлены оборудованием для ухода за газоном: разбрызгиватели, катушки шланга, ножницы для стрижки живой изгороди, баллончики с аэрозолем от ос. На стене висели

крючки с граблями разных размеров, метлами и большой блестящей лопатой для снега.

Справа стояла громоздкая газонокосилка фирмы «Джон Дир». Слева под брезентом лежала огромная стопка дров, которую постоянно пополняли ополченцы.

Луч фонарика не обнаружил ничего необычного. Ничего лишнего. Все тихо и спокойно.

Просто ощущение, от которого Квинн не могла избавиться.

В ее голове промелькнули образы разрушенной, залитой кровью церкви. Билли Картер, склонившийся над ней. Руки Рэя Шульца на ее горле.

Она выдохнула клубок белого пара.

— Не будь дурой. Ты в порядке. Тебе нечего бояться.

Но это тоже глупо. Было чего бояться.

Она ненавидела ужасы прошлого, отказывающиеся ее отпустить.

Квинн повернулась к дровам, ее сердце все еще колотилось о ребра, и она уже жалела о своем предложении принести еще дров из сарая.

На часах уже девять вечера, почти крошечная тьма, и чертовски холодно. Она просто хотела вернуться в дом Ноа с теплым камином, настоящим светом, проточной водой и замороженной пиццей, которую Бишоп сунул в духовку.

Бишоп заехал навестить Ноа — «Чтобы помириться», — сказал он, но Ноа повез Ханну в их старый дом, чтобы собрать туалетные принадлежности, и кое-что из ее старой одежды. Очевидно, у Ноа никогда не хватало духу избавиться от ее вещей. Они забрали Призрака с собой.

Квинн не хотел отпускать Ханну и ее пса даже на короткое время.

Чем больше времени она проводила рядом с Ханной, тем больше та ей нравилась. Ханна была одновременно и другой, и прежней. Все такая же искренне добрая и заботливая, но в то же время сильная и смелая. Самая смелая женщина, которую Квинн когда-либо встречала.

Лиам Коулман тоже ей нравился. Он выглядел опасным. И дело не только в оружии, пристегнутом повсюду, но и в суровой челюсти и напряженности в темных глазах, его худощавое тело излучало силу, компетентность и власть.

Она чувствовала себя в большей безопасности каждый раз, когда оказывалась с ним в одной комнате. Квинн представляла его себе наемным убийцей или охотником за террористами. Возможно, он знал шестьдесят экзотических способов убить человека.

Возможно, однажды он научит ее некоторым из них, если она наберется смелости и попросит его об этом.

И Призрак. Если бы у нее когда-нибудь появилась собака, похожая на Призрака, она бы подумала, что умерла и попала в рай.

Майло только что лег спать. Квинн учила его рисовать супергероев и монстров, пока Бишоп болтал с Лиамом Коулманом.

Лиам не производил впечатление общительного человека, но они с Бишопом нашли общий язык. Они говорили о своем пребывании в Ираке, обменивались военными историями и другими солдатскими темами. Они также обсудили положение дел в Фолл-Крике.

Когда рядом не присутствовал Ноа, говорить об этом становилось гораздо проще. Он раздражался и огрызался всякий раз, когда Квинн пытался указать на то, как все плохо.

Он не хотел этого замечать. Отказывался видеть то, что находилось прямо перед ним.

Он хотел верить, что, пока все держат себя в руках и выполняют приказы Маттиаса Саттера, все будет хорошо.

Квинн нравился Ноа. Они через многое прошли вместе. Но в этой ситуации он вел себя

очень глупо. И она не могла понять, почему.

Она не понимала, почему каждый житель Фолл-Крика не готовится дать отпор.

Ополченцы не владели этим городом. Они чужаки. Их пригласили — их можно и прогнать.

Силой, если потребуется.

Квинн сжала зубы от досады. Она чувствовала нарастающее напряжение. Они все чувствовали. Фолл-Крик напоминал резиновый жгут, натягивающийся все туже и туже. В конце концов, он лопнет.

Но как? И когда? И кто будет тем, кто сорвется?

Квинн дрожала. Похолодало и становилось все холоднее. Пора заходить внутрь. Она зажала фонарик рукой, направив луч на дрова, и подняла брезент.

Откуда-то неподалеку послышалось тихое поскрипывание.

Адреналин ударил в сердце. Квинн затихла. Она напрягла уши, все чувства насторожились.

Снаружи тишина. Внутри сарая не слышно ничего, кроме ее собственного пульса.

Снова послышался скрип.

Она повернула голову, ища источник шума.

Крыса вынырнула из норы между несколькими поленьями на дне кучи дров. Она проскочила по ее ботинку, метнулась к задней части сарая и исчезла в темноте.

Квинн проглотила визг. Мерзость. Как же противно.

Квинн Райли не страдала брезгливостью. Она охотилась на белок, енотов, фазанов и оленей. Бабушка и дедушка позаботились о том, чтобы она знала, как выпотрошить животное, снять шкуру и приготовить его для еды.

Она выжила после резни в Кроссвее, вымазав себя и Майло еще теплыми внутренностями и кровью другого человека. Она не брезглива, отнюдь.

А вот крысы. Это совсем другая история. С тех пор, как ей исполнилось шесть лет, и большая черная крыса перепрыгнула через ее подушку в трейлере ее матери, она ненавидела...

Из глубины сарая донеслось тихое шуршание.

Она схватила полено с вершины кучи, намереваясь бросить его в отвратительного грызуна, и повернулась на звук.

— Слушай, ты, маленькая...

Движение в темноте.

Большая тень метнулась к ней.

Паника разлилась по венам. Прежде чем Квинн успела среагировать, полено выбили из ее пальцев. Фонарик упал и зазвенел по бетонному полу.

Что-то ударило ее в живот, выбив дыхание из легких. Боль взорвалась под ребрами. Она пошатнулась назад и чуть не упала.

В ее руку вцепилась чья-то мощная рука. Второй рукой ей зажали рот.

Квинн резко толкнули на кучу дров. Острые концы поленьев укололи ее в спину.

К ней прижалось тело — большое, мускулистое и сильное. Она разглядела светлые глаза на плотном лице.

По позвоночнику пробежал холодок. Даже в тени она узнала его. Себастьян Десото.

Зубы Десото сверкнули.

— Какой приятный сюрприз.

Позади него появилась вторая тень. Этот был высоким и долговязым, с худым лицом. Одетый полностью в черное, лицо вымазано черной краской. Так же, как и у Десото. Они облачились в тяжелое снаряжение, как солдаты, с бронежилетами и большим грозным оружием, свисающим с ремней.

Худой тип включил фонарик и осветил ей в лицо. Она прищурилась от резкого света.

— Это та девчонка, которая выстрелила в тебя из пневматического пистолета?

— Это была рогатка. — Голос Десото все еще звучал хрипло. Рана на его горле приобрела неприятный оттенок пурпурно-зеленого цвета. — Да, она. Трудно не заметить эти голубые волосы.

Квинн попыталась закричать, но звук заглушался толстым окороком руки Десото. Попробовала укусить его, но его пальцы так крепко сжали ее челюсть, что она не могла пошевелить ртом.

Она извивалась и корчилась. Тело Десото с тем же успехом могло бы быть кирпичной стеной, но ей от этого ничуть не легче.

— Прекрати сопротивляться, — велел Десото. — Это бессмысленно.

Она не прекратила. Она билась об него, пытаясь освободить руки, чтобы ударить его или выцарапать ему глаза. Она неистово пинаясь, отчаянно пытаясь зацепиться за любую его часть.

Ее нога соприкоснулась с его голенью. Десото выругался. Квинн пнула его еще раз. Он зарычал, но не упал. Оскалившись, он сильно ударил ее кулаком в бок.

За ее глазами вспыхнул свет. В ушах зазвенело. Против воли ее тело обмякло, как тряпичная кукла.

— Не позволяй ей кричать, — предупредил худой.

— Я и не собираюсь. — Десото сдвинулся с места и оглядел сарай. — Брось мне тряпку, висящую на том крючке.

Гонт принес Десото тряпку. Квинн боролась с ним, пинаясь и брыкаясь изо всех сил, но это не имело значения. Он превосходил ее не менее чем на сто пятьдесят фунтов.

Одной рукой Гонт приставил пистолет к ее голове, а другой держал фонарик, пока Десото запихивал грязную тряпку ей в рот и завязывал ее узлом на затылке.

Резкий химический вкус масла и чистящих средств ужалил ее язык и сдавил заднюю стенку горла, едва не вызвав рвотный рефлекс.

— У меня есть паракорд, — сообщил Гонт. — Мы можем привязать ее к газонокосилке. Она никуда не денется до окончания работы.

— Она в любом случае никуда не уйдет, — проворчал Десото. — Не тогда, когда я закончу с ней.

Квинн закричала сквозь тряпку. Звук получился прескверным. Жалким. Он не выходил даже за пределы сарая, не говоря уже о том, чтобы дойти до дома.

От испарений у нее закружилась голова. Боль, пронзившая череп, мешала сосредоточиться. Но она все равно дергалась и вырывалась, отчаянно ища выход, способ выскользнуть на свободу.

Ей удалось засунуть руку в карман куртки в поисках рогатки, но ее там не оказалось. Ее пальцы сомкнулись на пустом воздухе.

Она вытащила ее в доме Ноа, чтобы показать Лиаму и Бишопу. Они оба остались под впечатлением от ее умений. Она так этим гордилась.

Теперь гордость для нее ничего не стоила. Она забыла положить ее обратно в карман. И

22-й калибр, который она взяла с собой, тоже остался в доме.

Глупо, глупо, глупо. И кто теперь идиот? Такая ошибка может оказаться роковой. Квинн подавила панику и попыталась успокоиться, чтобы хоть немного подумать.

Гонт нахмурился.

— Она не входит в работу.

Десото хмыкнул, прижимая ее к дереву.

— Теперь будет.

— Но он сказал просто убрать...

— Я в курсе того, что говорилось, Беннер. В реальных условиях все меняется. Ты должен уметь приспособливаться. Лиам Коулман в доме. Аттикус Бишоп тоже. Ты же помнишь, что он сказал о Бишопе.

— Одним выстрелом двух зайцев, — пробурчал парень по имени Беннер.

Глаза Десото сверкнули ненавистью и злобой.

— Теперь уже трех за раз.

Глава 42

Квинн

День тридцать третий

Десото собирался ее убить.

Квинн видела это в его плоском, жестком лице, в его жестоких глазах. Десото не собирался ее отпускать. Он собирался убить ее за то, что она сделала с ним.

Ее дыхание участилось. Сердце колотилось так сильно, что казалось, будто оно вот-вот вырвется из грудной клетки.

— Я не знаю, приятель, — нерешительно произнес Беннер. — Она еще ребенок.

— Нет, это не так. Она просто выглядит молодой. Она достаточно взрослая, чтобы напасть на солдата, так что вполне созрела, чтобы за это поплатиться.

«Подделка на солдата!» — подумала Квинн, но не смогла сказать. Она беспомощно закричала сквозь кляп. — «Пошел ты!»

— Просто отвернись, если нужно. Все закончится через минуту. Быстрее, чем эта маленькая шлюшка заслуживает. Потом мы достанем Коулмана и Бишопа.

Беннер неохотно вздохнул.

— Ладно. Сделай это быстро, пока цели не начали волноваться и ее искать. Нам нужен элемент неожиданности против этих двоих.

Десото пренебрежительно хмыкнул.

— Пастор и этот бывший военный? Не-а. Он не крутой. Мы расправимся с ними обоими. Заткнись и дай мне закончить дело.

Если Квинн не сделает что-то прямо сейчас, она — покойник.

Она не сможет предупредить Бишопа и Лиаму. Не сможет помочь Майло. Она никому не поможет, если умрет.

Квинн не хотела умирать. Каждая клеточка ее тела пульсировала от желания жить.

Еще один вдох. Еще один день. Неважно, как тяжело. Неважно, насколько он отстойный. Она хотела жить.

Квинн заставила себя сосредоточиться, обдумать все, быть умной. Она стояла спиной к куче дров. Ее фонарик валялся где-то на полу.

Десото перед ней, Беннер в нескольких футах позади него и слева, между Квинн и

дверью сарая. От кучи дров до выхода около десяти футов. От сарая до дома — не менее ста футов.

Она не успеет. У них был перевес в размере и скорости. И оружие. Беннеру достаточно просто схватить ее, и все будет кончено, не успев начаться.

Десото удерживал ее на месте одной рукой. Другой он пошарил на поясе и достал какой-то предмет. В тусклом свете блеснуло изогнутое лезвие.

Квинн не дала ему шанса пустить его в ход. Она воспользовалась легким отвлечением, чтобы действовать. Собрав все силы, она рванулась вперед и резко подбросила ногу вверх, сильно ударив Десото коленом в пах.

Со стоном Десото сгорбился. Она не стала задерживаться, чтобы заметить что-то еще. Она вырвалась из его хватки и метнулась в сторону.

Пульс ревел, ноги летели, она нырнула в тень к задней части сарая.

— Держи ее! — прохрипел Десото.

Она ударилась о задние полки и схватилась за то, что ближе всего. Куча темных форм и сверкающих предметов. Ее пальцы сомкнулись на отточенной стали.

С криком, который никто не мог слышать, Квинн схватила ножницы для стрижки живой изгороди и крутанулась на месте.

Беннер бросился на нее, вытянув руки, с фонариком в одной руке, винтовка все еще держалась на перевязи.

Прижав рукоятки к ребрам для опоры, острыми концами наружу, Квинн повернулась и бросилась на него. Она толкнулась изо всех сил.

Он не ожидал этого. Он рассчитывал, что она продолжит бежать, а не повернется и будет драться. В последнюю секунду он сместился вправо. Острые концы ножниц для стрижки вонзились в его левую нижнюю часть под бронежилетом.

Он пронзительно закричал от боли и отпрянул назад.

Инстинктивно Квинн отпустила ножницы.

«Проклятье!» Еще одна ошибка. Следовало их не выпускать. Надо было выдернуть ножницы и использовать для самозащиты.

Она не успела среагировать. Десото уже надвигался на нее, сжимая изогнутый нож.

Квинн полуобернулась, шаря по полке в поисках чего-то еще, другого импровизированного оружия. Схватила глиняный садовый горшок, крутанулась и швырнула его в него.

Удар пришелся в правое плечо и горшок разбился о бетон. Он продолжал наступать.

Гвозди. Коробка трехдюймовых гвоздей на полке на уровне ее глаз. Она нащупала их, пальцы от страха стали жесткими и негнущимися.

Она могла бы просунуть один из них между пальцами и сжать в кулак. Вонзить его прямо в горло или, может быть, в глазное яблоко, прикончить его правильным способом на этот раз...

Десото добрался до Квинн как раз в тот момент, когда она закрыла рукой коробку. Что-то твердое ударило ее по затылку.

Боль взорвалась внутри ее черепа. Еще больше звезд заполнили ее зрение. Ноги подкосились.

Он схватил ее за ворот куртки и развернул лицом к себе. Прижал ее спиной к полкам, а левым предплечьем сильно сдавил ей горло.

Ее гортань ощутимо смяло. Квинн не могла дышать. Не могла даже глотать.

— Беннер, ты в порядке? — прорычал он.

Беннер прислонился к дальней стене рядом с крючками, на которых висели лопаты, грабли и садовые ножницы. Он вытащил ножницы, уронил их и теперь прижимал руку к животу.

— Она хорошо меня приложила. У меня тут приличная рана. Думаешь, эта штука ржавая? Как в наше время делают прививку от столбняка?

— Понятия не имею, — ответил Десото.

Квинн слабо сопротивлялась. Она царапалась и билась о его руки и пыталась оторвать его предплечье от своего горла. И беспомощно ругалась сквозь кляп.

— Прости, я тебя не расслышал. — Десото усмехнулся. Он наклонился ближе. — Жаль, что у нас нет больше времени. Ты маленькая крикливая потаскушка, но кое-что стоящее в тебе еще есть.

Она хотела выцарапать ему глаза. Кусать, царапать и пинать, пока не освободится, а он не умрет. Не сдохнет окончательно.

Все бесполезно. Ее зрение ослабевало, мозг лишался драгоценного кислорода. Ее тело делало все возможное. На этот раз этого недостаточно.

Десото вцепился в ее куртку. Он зацепил ее чем-то и задрал вверх. Что-то острое царапнуло по ее животу через толстовку.

— Это лезвие ножа карамбит. Слышала когда-нибудь о таком?

Квинн не захотела даже покачать головой. Она отказалась дать ему что-либо. Она цеплялась за сознание, цеплялась за свое возмущение.

Квинн не могла поверить, что это происходит на самом деле, что этот жалкий бандит действительно будет последним лицом, которое она увидит в своей жизни.

Десото улыбнулся ей. На его плоском лице улыбка выглядела жутковато.

— Я выпотрошу тебя и размажу твои внутренности по полу за то, что ты сделала со мной, маленькая...

— Десото, — напряженно произнес Беннер. — Поторопись. Нам нужно идти. Я действительно истекаю кровью, чувак. Нам нужно выбираться отсюда.

— Не раньше, чем мы закончим работу!

— Но мне больно, старик — подожди, ты это слышал?

Десото затих.

— Что?

Квинн ничего не слышала. Она не слышала ничего, кроме стука крови в ушах, поскольку теряла сознание.

Глава 43

Лиам

День тридцать третий

Что-то было не так.

Лиам стоял у стены рядом с окном и осторожно выглядывал наружу.

Облака закрывали большую часть луны. В тусклом лунном свете он смог различить следы. Следы Квинн вели в сарай. Наружу следы не выходили. Дверь сарая закрыта.

Она не стала бы закрывать ее за собой. У нее нет причин для этого.

Зайти, взять связку поленьев, выйти обратно. Тридцать секунд, максимум. Минута или две, если вы шестнадцатилетний подросток. Может, вам не нравилась темнота. Может, вы

уронили фонарик или споткнулись о камень.

Лиаму потребовались мгновения, чтобы оценить ситуацию, определить порядок действий.

Он натянул куртку, которую повесил на один из кухонных стульев. Его «Глок 19» висел в кобуре на бедре, а тактический нож плотно сидел в ножнах на поясе.

Аттикус Бишоп стоял на кухне. Он только что проверил духовку. Бросив взгляд на Лиаму, он напрягся.

— Что такое?

— Она уже должна была вернуться. Я пойду проверю.

— Я с тобой.

Лиам покачал головой.

— Оставайся здесь и присмотри за ребенком Ханны. Если там враги, я не хочу оставлять дом без защиты. — Он показал головой на AR-15, прислоненный к острову. — Держи это поближе.

Бишоп коротко кивнул. Он уже двигался к оружию.

— Понял.

Лиам вышел из дома через боковое подвальное окно, чтобы его не увидели потенциальные враги, наблюдающие за задней или передней частью дома.

Он снял пистолет с предохранителя и держал его в положении боевой готовности. Семнадцать патронов в магазине и восемнадцатый в патроннике.

Лиам дал глазам привыкнуть к лунной ночи. Ему не хватало очков ночного видения. Все органы чувств пришли в состояние повышенной готовности, и он внимательно изучал окружающую обстановку.

Лунный свет отражался от широких просторов нетронутого снега. Было тихо. Деревья стояли неподвижно. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. На востоке ухала сова. В воздухе пахло чистотой и холодом.

Он не заметил никакого движения. Тени не шевелились. Ни отблеск дула в лунном свете, ни треск ветки не выдавали присутствия врага.

Тонкие разлапистые деревья и подлесок окаймляли участок. Замерзшая река лежала сразу за тонкой линией сосен. Дом Ноа находился в восточной части «Винтер Хейвена», в конце одного из тупиков.

Восемь домов выстроились вдоль дороги на этой стороне, девять — на противоположной. Дома по обе стороны просматривались сквозь деревья на расстоянии двадцати ярдов.

С его акцентом на самодостаточность, «Винтер Хейвен» представлял собой роскошное место отдыха для богатых и заботящихся об экологии людей. Поэтому в поселке вырубали как можно меньше деревьев, сохранив большую часть естественной дикой природы района.

Лиам ценил скрытность и укрытие, которые они ему обеспечивали.

Это также означало, что злоумышленники могли проникнуть в общину с разных точек, а не только через главный, охраняемый ополченцами въезд.

Ополчение регулярно патрулировало общину на своих снегоходах. Сейчас он не видел ни одного из них. Ни единой души.

Лиам пробирался сквозь деревья, используя для укрытия самые толстые стволы. Он двигался осторожно, осознавая каждое движение, стараясь не издать ни одного лишнего звука.

Достигнув края деревьев, он снова остановился и прислушался в поисках любого признака движения. Он дышал медленно и ровно, контролируя пульс.

Напряжение нарастало в нем. Важность скрытности боролась с необходимостью спешить. Каждое мгновение промедления могло стоить Квинн жизни. Поспешное вмешательство могло означать смерть для них обоих.

Лиам крепче сжал руку и ускорил шаг. Обогнув дом, он направился на задний двор, ступая легкими шагами, ища наиболее скрытый подход.

День до этого был солнечным, но с наступлением ночи холод вернулся с новой силой. Он проникал сквозь одежду и замораживал дыхание.

Лиам отгородился от него. Заглушил тупую пульсирующую боль в спине. Прогнал беспокойство за то, что его тело снова не выдержит. Что он снова не справится.

Он сосредоточился исключительно на своих чувствах, на поставленной задаче.

Лиам направился параллельно сараю. Здание из дерева стояло на бетонной плите, размером примерно двадцать на двадцать, без окон, без других дверей, кроме той, что находилась спереди и выходила к задней части дома.

За сараем он обнаружил вторую и третью группы следов. Сами по себе многочисленные следы на заднем дворе не вызывали тревоги. За исключением того, что эти следы шли от группы сосен в сорока футах за сараем.

Нет смысла пробираться через лес по глубокому снегу, когда рядом есть дорога. Только если вы не замышляете ничего хорошего.

Отпечатки длинные и размазанные. Как будто кто-то скрытно направлялся к дому, но был спугнут Квинн, выходящей через заднюю дверь, и быстро спрятался в сарае.

Адреналин хлынул в него, леденя вены. Если они причинили вред этой девушке, они поплатятся жизнью.

Его чувства обострились. Он вошел в зону видимости. Пригнувшись, Лиам бросился через десять открытых ярдов между деревьями и сараем. Прижался к левой стороне строения.

Так близко он мог слышать голоса. Низкое бормотание. Женский голос, приглушенный, испуганно вскрикивающий. Агрессивный, угрожающий мужской голос. К первому присоединился второй мужской голос, более высокий, тревожный и озабоченный.

Сердцебиение Лиамы участилось. Ему нужно уничтожить две цели и спасти заложника. Он не мог стрелять без разбора. Он должен быть точен и аккуратен.

Он не очень хорошо знал Квинн Райли, но она была дерзкой и жесткой. Она не Ханна, но он все равно чувствовал ответственность за то, чтобы сохранить ей жизнь.

При нем никто не обижал женщин и детей. Черта с два.

Он прокрался вдоль стены, обогнул угол и быстро подошел к входу, внимательно следя за обстановкой.

Скрывая большую часть тела за стеной, чтобы обеспечить себе прикрытие, он потянулся и попробовал ручку сарая. Дверь оказалась незапертой.

Если бы в сарае имелись окна, он мог бы попытаться войти бесшумно или даже застрелить подонков через окно двумя быстрыми выстрелами в голову. Лиам быстро осмотрелся в поисках отвлекающего маневра, но ничего не увидел. У него нет ни вспышек, ни осколочных гранат — ничего из его обычного арсенала.

Если бы у него было время, он мог бы подождать, пока кто-нибудь из них выйдет, чтобы облегчиться, и устранить угрозы одну за другой. Он мог бы поджечь сарай и выкурить их.

Лиам отбросил каждый вариант за долю секунды. Время не на его стороне.

Решение пришло в мгновение ока. Наступать жестко и быстро, используя элемент неожиданности в своих интересах.

Неважно, насколько тренирован или опытен боец, всегда есть доля секунды на реакцию. За это время Лиам должен сделать свой ход.

Пора заходить.

Глава 44

Лиам

День тридцать третий

С силой Лиам ударил ногой в дверь сарая.

И сразу же бросился на пол. Находящиеся внутри враги инстинктивно будут целиться в грудь или в голову. Ответный огонь будет вестись поверх его головы. «Глок» поднят и готов, Лиам сканирует обстановку слева направо.

Время замедлилось. Он осмотрел сцену в одно мгновение.

Лунный свет проливался через дверной проем. Пара фонариков на полу отбрасывали причудливые тени.

Двое врагов поворачивались к нему. Мужчины, одетые в черное, с черной краской на лице. Оба вооружены.

Справа от него первый враг притянул к себе как щит связанную и с кляпом во рту Квинн. Лиам заметил блеск оружия: нож-карамбит. Враг подтолкнул закругленный внешний край под ее подбородок.

В пятнадцати футах слева, в задней части сарая, второй мужчина поднимал то, что выглядело как АК-47.

Лиам низко пригнулся, когда враг выпустил половину магазина в громовой очереди. Стаккато выстрелов пронеслось над его головой, быстрее, чем из полуавтомата. Бум! Бум! Бум!

Дикий залп выстрелов проделал дыры в стене и разнес в клочья дверь позади него. Щепки дерева осыпали его спину.

В ушах звенело, Лиам сделал три выстрела.

Все три пули попали в цель, пробив грудь врага. Он пошатнулся, но не упал. Бронежилет на груди. Проклятье!

Пули пробили стену позади него. Пули впились в потолок, осколки посыпались вниз. Отстрелянные гильзы разбились о бетон.

Лиам выстрелил в голову противника. Два быстрых выстрела попали прямо между глаз.

Голова стрелка откинулась назад. Он рухнул на стену, где лежали принадлежности для ухода за газоном. Металлическая лопата сорвалась с крюка и упала на цементный пол.

Лиам вскочил на ноги, позвоночник горел огнем, когда он присел и крутанулся вправо, направив «Глок» на человека, державшего Квинн.

Лиам узнал приземистый кусок мяса, на который Бишоп указал ранее: Десото. Кретин прижался к девушке, держа ее между собой и Лиамом — изогнутый клинок приставлен к ее горлу.

Лиам поднял пистолет, взведя курок, и направился к Десото. Сердце колотилось, но не за себя, а за девушку. Он не мог стрелять в Десото, не подвергая значительной опасности Квинн.

Десото отступил назад, его каблук ударил по одному из фонарей. Тот закрутился, отбрасывая колеблющиеся тени.

— Выстрелишь в меня — и она мертва! Только дернись, и ее шея разорвется!

— Ты уверен в этом? — произнес Лиам, все еще двигаясь, медленно, осторожно, ища просвет.

Лиам был крупным мужчиной — шесть футов один дюйм, двести фунтов, но этот парень превосходил его по крайней мере на тридцать фунтов. Сплошная мускулатура, судя по его толщине и ширине.

— Не подходи! — прокричал Десото.

— Если она получит хоть царапину от этого клинка, — прошипел Лиам, — я выпотрошу тебя медленно. Я тебе это обещаю.

Глаза Квинн вспыхнули огнем, сфокусировавшись на Лиаме. Страх на ее лице. Темная кровь на лбу. Она что-то кричала, но кляп заглушал ее крики.

Гнев захлестнул Лиаму. Он собирался убить этого человека за то, что он обидел незащищенную девушку. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Ты умрешь за то, что убил Пайка! — прорычал Десото. — А теперь ты заплатишь и за Беннера!

Лиам подошел к ним на расстояние десяти футов. Он не сводил глаз с Квинн, а она не отрывалась от него.

— По-моему, все наоборот, — сказал он и слегка кивнул Квинн подбородком.

Тут Квинн сделала свой ход. Она пнула Десото в голень каблуком своего ботинка.

Десото издал свирепый рык и отбросил Квинн в сторону. Она тяжело упала на пол, но выкатилась из-под удара, подняв руки над головой.

Десото опустил плечо, сделал резкий рывок и бросился на него, как бык, увидевший красную тряпку.

Лиам выстрелил.

Пуля зацепила Десото. Его огромное тело дернулось, но он продолжал идти.

Лиам уклонился от удара Десото, выронив пистолет. Лезвие карамбита прорезало темноту и попало Лиаму по уху. Он едва почувствовал это. Он почти не ощутил резкой боли в спине. У него одна цель, одно стремление.

Молниеносно он нанес мощный удар по горлу противника, повредив тем самым трахею. С глухим стуком Десото упал на бетонный пол.

Лиам приложил его со всей силы.

Десото застонал, задыхаясь, пытаясь подняться, но слишком медленно. Лиам встал на колени, схватил его за голову и ударил черепом об пол, оглушив его.

Схватив карамбит, Лиам вырвал его из цепких пальцев Десото. Он просунул большой палец в предохранительное кольцо, повернул лезвие вниз и вогнал кончик ножа в горло Десото.

Ворча от усилий, Лиам проталкивал нож вперед сквозь мясо и сухожилия, пробивая гортань, трахею и пищевод, почти до бетона с другой стороны.

Десото корчился и извивался, но был прижат, как бабочка к доске. Кровь пузырилась у него в горле и вытекала из губ. Теплая, влажная кровь потекла по рукам Лиаму.

Через несколько секунд, Десото был мертв.

Глава 45

Лиам

С замиранием сердца Лиам вытер руки о штаны ополченца. Поднялся на ноги, дыша через боль. Фонарик оказался под рукой, и он, вздрогнув, его поднял.

Лиам еще не до конца оправился от травмы спины и переохлаждения. Его мышцы болели. Нижний отдел позвоночника казался расплавленной лавой.

Медленно, но боль утихала. Слишком медленно и недостаточно.

Он потрогал свое ухо. Оно было в крови и липкое. Не хватало четверти дюйма. Ничего важного. Он все еще мог нормально слышать.

Рана заживет после наложения антибиотической мази и повязки. Как только попадет в дом, он окажет себе первую помощь используя индивидуальную аптечку первой помощи из своего рюкзака.

Он повернулся к Квинн.

Она скрючилась в углу рядом со стеной, на которой висело оборудование для газонов. Ее трясло. Она сжимала в обеих руках лопату для уборки снега, готовая нанести удар.

— Эй, — произнес он ровно и спокойно, как будто успокаивал испуганную лошадь. — Эй. Все кончено. Все закончилось. Они мертвы.

Он ожидал, что она испугается, запаникует. Будет ошеломлена, в прострации. Он видел множество гражданских лиц, травмированных войной и насилием. И солдат тоже.

В ее глазах светился страх, но вместе с тем и гнев, яркий и острый. Квинн проявляла настороженность. И она наблюдала за происходящим.

Несмотря на тяжелое дыхание и вздымающуюся грудь, она выглядела нормально. Кровь стекала по ее лбу из пореза на голове, а красная линия через горло оставляла уродливый синяк.

Она уронила лопату, и та шмякнулась на бетонный пол. Квинн показала на тряпку, затыкающую ей рот.

Лиам вынул нож и протянул ей фонарик.

— Не двигайся.

Она не шелохнулась, пока он перерезал кляп на ее затылке. Он оказался завязан так туго, что по обе стороны от ее рта на каждой щеке пролегла красная линия, похожая на искаженную улыбку Джокера.

— Мерзость. — Она несколько раз сплюнула и потерла лицо. Коснулась окровавленного виска. — Я потеряла сознание на секунду. Я хотела ударить этого ублюдка лопатой по голове.

— Ты справилась. — Он осмотрел ее зрачки, проверяя, нет ли сотрясения мозга. — Чувствуешь себя нормально? Головокружение или нечеткое зрение?

— Я... я в порядке. — Ее голос прозвучал хрипло. Она сделала несколько неровных вдохов и снова сплюнула. — Этот ублюдок душил меня. Он собирался выпотрошить меня этим ножом.

— Он получил свое.

— Да, черт возьми! Ты даже не представляешь. — В ее голосе звучала ярость. — Я просто хотела сделать это сама!

— Нет.

Она бросила на него острый взгляд. Ее пирсинг блестел в лунном свете.

— Ханна сказала, что ты постоянно спасаешь людей. Она сказала, что это то, чем ты

занимаешься.

Лиам фыркнул.

— Возможно, это немного преувеличивает правду.

— С моей точки зрения, выглядит вполне правдиво. Ты был как Росомаха!

Лиам помрачнел. Вовсе нет. Ничто не дается так легко, как в кино, особенно убийство.

Он взглянул на трупы.

— Ты тоже постаралась.

— Да, с этим, с ножницами для стрижки, я справилась. Я хотела жить. Любой бы сделал то же самое.

— Ты удивишься, как много мужчин замирают от страха. Больше, чем ты думаешь.

— А женщины? — Она скрестила руки на груди и посмотрела на него. — Не так много, как тебе кажется.

Он посмотрел на нее. Улыбка дрогнула в уголках его губ. Она напомнила ему Ханну. В глазах мелькнула та же сталь.

— Туше.

Лиам наклонился, чтобы поднять пистолет. Он застрял под колесом массивной тележки — газонокосилки.

Его спина дернулась. Электрический разряд боли напомнил ему, что он не здоров на сто процентов. Даже близко нет.

Он не хотел признаваться себе в том, как сильно на него влияет спина. Все тренировки и навыки в мире не имели значения, когда собственное тело предавало тебя. Сегодня вечером ему придется приложить лед к пояснице.

Квинн не сводила с него глаз.

— Ты ранен.

— Это военная травма. Я просто старею.

— Я в этом сомневаюсь.

Адреналиновый выброс ударил по нему, и его ноги подкашивались. Он прислонился к задним полкам с усталым вздохом.

Эта борьба отняла у него так много сил. Убийство — еще больше.

Он устал. Ему больно. Но он мог справиться с этим, спрятать все это подальше в сознании. У него еще оставалась работа.

Лиам быстро проверил исправность системы. Двенадцать патронов в магазине. Он дослал патрон и поменял наполовину израсходованный магазин на полный из заднего кармана. Он пополнит его сегодня вечером.

Патроны заканчивались. Ему нужно решить эту проблему, и поскорее.

Особенно, если появятся новые убийцы.

Квинн уставилась на Десото, темная лужа быстро расползлась под его телом. Она поднесла руку к горлу.

— Они прятались в сарае. Я не заметила следов. Я должна была обратить внимание.

Он кивнул.

— В следующий раз действуй лучше. Всегда обращай внимание на свое окружение. Это называется контроль за обстановкой.

— Обязательно, — согласилась она.

Лиам держал «Глок» в одной руке, приседая от боли и осматривая тела.

Оба мужчины носили черный камуфляж. Их лица покрывала жирная краска. В

дополнение к своим бронежилетам один нес карабин М4, а другой — АК-47, снабженный прикладом-бампером.

Лиам осмотрел трупы. В каждом подсумке хранилось по три магазина на тридцать патронов. Он забрал магазины, оружие и нож-карамбит Десото. Обнаружил две осколочные гранаты в снаряжении Десото, положил их в карман и освободил Десото от бронежилета.

В глубине его сознания закралась тревога. Его беспокоил бамперный приклад, поскольку эта модификация позволяла полуавтоматической винтовке стрелять почти так же быстро, как автоматической.

И где они взяли М4 и гранаты? Такие имелись у некоторых полицейских управлений, и у Национальной гвардии.

Сколько подобного оружия у ополченцев? Где находился их склад оружия?

Где бы ополченцы его ни раздобыли, там могло быть больше.

Он перекинул М4 и модифицированный АК-47 через плечо и передал Квинн магазины и бронежилет.

— Сможешь унести это?

Она серьезно кивнула.

— Тот, кого ты практически обезглавил, — Себастьян Десото, — сказала Квинн. — Правая рука Маттиаса Саттера.

— Это его ты подстрелила из рогатки на прошлой неделе?

— Он самый. — Она мрачно улыбнулась и сжала губы. — Ты собираешься сражаться с ними?

— Если эти двое не оживут, они уже мертвы.

— Я имею в виду ополченцев. Они плохие. Все они. Одинаковые.

Лиам покачал головой.

— Это не моя битва.

— Они опасны! Они разрушат наш город!

— Это не мой город, — ответил Лиам так мягко, как только смог.

Она нахмурилась.

— Ты спас Ханну.

— Это другое.

— Меня ты тоже спас.

— Они пришли за мной, — проговорил он мрачно. — Мне пришлось их убрать.

Он не хотел, чтобы из-за него пострадала еще одна душа. Эта мысль вызывала у него отвращение. Это противоречило всему, за что он боролся.

— Именно! — Ее выражение лица омрачилось. — Они взяли под контроль еду. Они украли ее прямо из наших кладовых! Они установили все эти правила, нормы и комендантский час. А теперь они убивают людей. Они не имеют права!

Лиам почувствовал, как от Квинн исходит праведный гнев. У нее была причина злиться. Черт, он и сам гневался. Эти подонки сделали все личным, когда пришли за ним, а вместо этого ранили Квинн.

Но это не меняло фактов. Пятьдесят против одного — это не тот случай, когда кто-то может победить, особенно людей, вооруженных пулеметами, оружием военного класса и снаряжением. Даже спецназовец.

— Они — маленькая армия, — устало сказал он. — Я — только человек. Человек со сломанной спиной.

— Ты гораздо больше, — возразила Квинн, без капли сомнения в голосе. — Я знаю это. Двигатель расколочил ночной воздух. Звук доносился с дороги перед домом.

— Ханна и Ноа вернулись, — заметила Квинн.

Лиам поднялся на ноги.

— Возвращайся в дом. Я проверю территорию и встречу с вами там. Заприте двери, выключите свет, никого не впускайте, пока я не вернусь. Я просвищу «С днем рождения», чтобы вы знали, что это я.

Квинн сморщила нос.

— Отстойный выбор.

Он смерил ее взглядом.

Она усмехнулась в ответ, красная линия на ее лице снова придала ей эту мрачную улыбку Джокера.

— Как скажешь, Росомаха. Я ухожу, ухожу.

Глава 46

Лиам

День тридцать третий

После того, как он увидел, как Квинн благополучно вошла в дом, Лиам проверил имущество.

Он убрал «Глок» в кобуру и взял в руки М4. Прошло много времени с тех пор, как он им пользовался. Слишком давно. Карабин знакомо лег в руки.

Лиам не прошел и дюжины ярдов, как к нему бросился Призрак, большое пушистое пушечное ядро. Злобно рыча, он пронесся мимо и направился в сарай.

Убедившись, что плохие парни, которых он учуял, действительно мертвы, Призрак вернулся к Лиаму. Он поскакал рядом с ним, хвост торчал прямо, шерсть на загривке приподнята.

— Будь начеку, — негромко скомандовал Лиам. — Думаю, они были единственными, но мы должны убедиться.

Словно инстинктивно понимая, что это тайная операция, Призрак тихонько заскулил. Он оставался рядом с Лиамом, пока они пробирались через лес, окружавший дом.

Лиам уже привык к постоянному присутствию пса. Даже ждал его, наслаждаясь его компанией.

Призрак сопровождал его в большинстве прогулок, которые он совершал почти каждый день за последнюю неделю. Лиам испытывал раздражение и беспокойство, ему хотелось выбраться из этой огромной коробки дома, которая все еще воспринималась как тесная камера.

Кроме того, он хотел узнать окрестности Фолл-Крика как свои пять пальцев. Он изучил карту, но ему требовалось пройти по нему самому, что Лиам и сделал, запечатлев в памяти топографию, каждую дорогу и изгиб реки, мосты, предприятия и кварталы.

Он проанализировал город на предмет слабых мест, мысленно разработал стратегию и заранее спланировал пути отхода, выбирая места, где можно спрятать тайник с оружием и припасами, скрытый в дуплистых стволах деревьев или заброшенном сарае. Он сканировал места, где можно прятать оружие, потенциальные укрытия снайперов и подручное вооружение.

Лиам не думал о конкретной угрозе, только знал, что она придет, и он будет готов.

Первая угроза возникла раньше, чем он ожидал. И она не будет последней.

Он нашел два снегохода в четверти мили от дома на берегу реки, спрятанные под наспех нарубленными сосновыми сучьями. Как Лиам и предполагал, ополченцы припарковались неподалеку и пробирались через лес пешком, чтобы проскочить незамеченными.

Двадцать минут спустя он вернулся в дом, свистнул, и Квинн его впустила. Свет не горел, за исключением походного фонаря, стоявшего на журнальном столике. Лица у всех напряженные, натянутые и погруженные в тень.

Бишоп стоял на страже у задней двери, с AR-15 в руках. Ханна и Ноа встали в нескольких футах друг от друга перед диваном в гостиной, Ханна держала Шарлотту, Ноа положил руку на кобуру своего табельного оружия.

Квинн прошла и села, скрестив ноги, на пуфик по другую сторону камина, приложив к голове пакет со льдом. Майло все еще спал.

Призрак отряхнул шерсть и протащил снег по блестящему деревянному полу до самой Ханны. Он тяжело прислонился к ноге Ханны, все еще настороженный, как будто чувствовал напряжение, вибрирующее в комнате.

— Лиам! — Взгляд Ханны остановился на Лиаме. Ее лицо побледнело. — Ты ранен!

Он посмотрел на себя. Кровь Десото окрасила его руки и большую часть куртки.

— Только немного моей. Я в порядке.

— Черта с два. — Ханна уже двигалась к нему. — Посмотри на свое ухо.

Квинн протянула руку и предложила взять ребенка. Ханна положила Шарлотту ей на руки и пошла через гостиную. Призрак последовал за ней.

Лиам взглянул на Ноа. Фонарь отбрасывал тени на всю комнату. Он не заметил сузившихся глаз Ноа, промелькнувшей на его лице неприкрытой ревности.

Ханна остановилась перед Лиамом, положила руки по обе стороны от его лица и осмотрела его, приоткрыв рот.

— В ванной есть спирт и бинты под раковиной. Мне нужна миска с теплой водой и несколько полотенец.

Ноа сходил за медицинскими принадлежностями и быстро вернулся. С каменным молчанием Ноа наблюдал, как Ханна чистит, дезинфицирует и перевязывает рану на ухе Лиамы — с помощью Бишопы.

Шарлотта удовлетворенно посапывала, когда Квинн покачивала ее и поглаживала по спине. Она хорошо ладила с ребенком.

— Спасибо, — поблагодарил Лиам, когда Ханна и Бишоп закончили.

Ханна одарила его мрачной улыбкой.

— Не за что.

— Ты рассказала им, что случилось? — спросил он у Квинн.

— В основном. — Кивнула Квинн. — Я спугнул их. Вот почему ополченцам пришлось прятаться в сарае. Если бы это оказался кто-то другой, возможно, они бы просто подождали, пока тот, кто пришел, уйдет, а потом занялись бы своим первоначальным планом — пробраться внутрь и напасть на вас двоих. Но Десото видел, что это именно я. Он ненавидит меня, потому что я его унизила. Он углядел свой шанс и решил им воспользоваться.

Она очень проникательная девушка. Лиам подозревал об этом.

— Ополчение вышло из-под контроля. — Квинн бросила на Лиаму пристальный взгляд. — Мы должны их остановить.

— Зачем им нападать на нас? — напряженно спросила Ханна. — Я не понимаю.

— Не на тебя или Ноа, — уверенно заявила Квинн. — Им нужен был Лиам. Они сказали, что «он» приказал им убрать Лиама. Бишоп шел бонусом, если бы они смогли добраться до него. Два по цене одного. Так сказал Десото.

— Кто этот «он»? — задался вопросом Ноа. — Они назвали имя человека, который отдал приказ?

Лиам пожал плечами.

— Саттер — командир ополчения.

— Почему Саттер хочет твоей смерти? — спросила Ханна.

— Он сам вряд ли, — медленно произнес Бишоп. — Но я могу легко назвать несколько человек, которые хотели бы.

— Ты даже ничего не сделал, — проговорила Ханна, но в ее голосе звучало сомнение. Растущая дрожь.

Она собирала кусочки воедино. Он мог видеть это по ее лицу — то, что он уже подозревал.

Квинн повернулась на пуфике. Крепко держа Шарлотту, она устремила свой взгляд на Лиама.

— Это потому, что Росомаха, ну то есть Лиам, убил Гэвина Пайка.

В комнате воцарилась тишина. Они смотрели друг на друга, страх стал просто осязаем.

— Это был Джулиан Синклер, — заявила Квинн.

— Нет, — твердо сказал Ноа. — Категорически нет.

Ее глаза сузились.

— Все знают, что между Синклерами и Бишопом есть вражда. Особенно с Джулианом. Именно поэтому Бишоп тоже оказался под прицелом. И у Синклеров есть все основания ненавидеть Лиама. Джулиан послал Десото убить его из-за Пайка. Это месть.

У Лиама защемило в затылке. Он не был официально знаком с суперинтендантом, но у него не возникало желания вступать в дальнейшие контакты с такими, как Джулиан Синклер.

Розамонд Синклер приходилась Пайку матерью. Это все, что Лиаму нужно о ней знать. Яблоко никогда не падает далеко от яблони.

Ноа провел руками по волосам.

— Ты этого не знаешь. Все это домыслы и слухи. Нет ни малейших доказательств, связывающих Джулиана со всем этим. Джулиан не стал бы этого делать.

— Джулиан не мог не знать об этом, — настаивала Квинн. — Он единственная подходящая фигура.

Ноа покачал головой.

— Он пытался помочь. Джулиан сказал мне, что успокоит Розамонд, чтобы разрядить обстановку.

— Он солгал, — проговорил Бишоп.

— Нет. Ты ошибаешься.

— Возможно, но я так не думаю. — Бишоп сменил позицию и крепче сжал винтовку. Его рот сжался в мрачную линию. — В этом городе ничего не происходит без одобрения Синклеров. Я говорил это раньше, и повторю снова.

Квинн подняла свои проколотые брови.

— Думаешь, Розамонд Синклер сама приказала это сделать?

— Нет! — Ноа резко махнул рукой. — Это дело рук нескольких недобросовестных

солдат ополчения. Вот и все! Розамонд Синклер никогда бы не санкционировала ничего подобного. Никогда. Послушайте себя. Это безумие. Это смешно.

— Это совсем не смешно, — возразила Квинн. — Больше нет. Не после того, что случилось.

— Это сделал даже не Лиам, — тихо произнесла Ханна.

Лиам бросил на нее предупреждающий взгляд. Ноа тоже.

Она проигнорировала их, вцепившись в шерсть Призрака.

— Это сделала я. Это я убила Пайка.

У Квинн открылся рот. Бишоп не выглядел удивленным.

Ханна повернулась к Ноа, выражение ее лица стало ошеломленным.

— Вот почему ты не хотел, чтобы я что-то говорила. Вот почему ты сказал мне держать это в секрете. Ты знал, что Джулиан придет за тем, кто убил его брата. Ты знал.

Ноа вздрогнул. Он открыл рот и закрыл его, ничего не говоря. Чувство вины читалось на его лице.

Гнев вспыхнул в Лиаме, когда он увидел обиду в глазах Ханны. Он подавил его. Ноа повезло, что рядом собралось столько свидетелей. Он мог бы свернуть ему шею здесь и сейчас.

Лиам стиснул зубы. Он пытался понравиться Ноа ради Ханны. Но ничего не вышло. Он потерпел полное фиаско.

Его первоначальное мнение о том, что этот человек слабоволен, нерешителен и слеп, только что подтвердилось.

— Достаточно. — Бишоп не стал говорить громко. Ему и не требовалось. Даже не говоря ни слова, он мог завладеть вниманием людей. — Я давно подозревал, что Джулиан сыграл свою роль в резне в Кроссвей. А теперь это? Хватит. Пришло время узнать правду. Пора выяснить, как много он знает. И что он сделал.

— Нет! — Ноа почти кричал. — Он сын Розамонд. Он под защитой. Ты не можешь причинить ему вред.

Лицо Бишопа потемнело. В его глазах залегли тени. Его преследовали страдания, связанные с прошлым, которое он не мог изменить, и еще не исправленные ошибки.

— Я сделаю то, что давно должен.

— Я пойду с тобой, — предложил Лиам.

В отличие от первоначального впечатления о Ноа Шеридане, Лиаму сразу же понравился Бишоп — большая редкость для него. Бишоп, как и Лиам, потерял людей, которых любил больше всего на свете. Они оба были военными ветеранами, оба потеряны, и ищут свое место в холодном и беспощадном мире.

— Спасибо, брат, но нет. Господь со мной. Это мое дело, и только мое. Я долго к этому шел, поверь мне.

— По крайней мере, возьми оружие.

Бишоп поставил винтовку на место и двинулся к двери.

— У меня есть пистолет НК 45.

Ноа прошел вперед и остановился в нескольких футах от Бишопа, преграждая ему путь. Он положил руку на кобуру на поясе, на его лице отразилась паника. Настоящий страх.

— Это ошибка. Не делай этого.

Лиам слегка сдвинулся с места. Он не поднял карабин и не сделал ничего, чтобы привлечь к себе внимание. Но он готов был действовать, если понадобится.

— Это ужасная идея, Бишоп, — добавил Ноа. — Ты не знаешь, во что ввязываешься.

— На этот раз ты меня не остановишь, друг мой, — со сталью в голосе прорычал Бишоп.

— Только если ты не хочешь меня пристрелить.

Неохотно, Ноа опустил руку.

Бишоп прошел мимо него. Его лицо превратилось в грозовую тучу, глаза горели.

— Джулиана Синклера ждет расплата.

Глава 47

Ханна

День тридцать третий

— Возможно, мне стоит уйти.

Ханна ошеломленно уставилась на Лиама.

— Нет.

— Это не мой дом, — мрачно заметил Лиам. — Мой дом на севере. У меня есть коттедж, припасы, земля. Все, что мне нужно. Там мое место. Не здесь.

Холодный ночной воздух был хрустящим и резким. Лунный свет отражался от снега. Деревья стояли, наблюдая за всем, как часовые.

Они сидели на качелях на крыльце. Между ними оставалось несколько дюймов. Ханна куталась в одеяло. Лиам держался настороженно и прямо, его взгляд постоянно сканировал двор, М4 лежал сбоку.

Шарлотта спала внутри. Бишоп уехал несколько минут назад. Ноа повез Квинн домой. У нее имелся свой ярко-оранжевый грузовик, но никто не хотел отпускать ее домой одну, не после того, что она только что пережила.

Ханна повернулась лицом к Лиаму и выдохнула. Ее руки стали липкими в перчатках, пульс стучал в ушах.

— Тебе здесь самое место.

— Я чужой в вашем доме.

Ханне все еще казалось, что это дом Ноа, а не ее.

— Все хорошо.

Это не правда. Она знала, что это не так. Лиам знал, что это не так. Ноа, конечно, знал.

Каждый раз, когда Ноа и Лиам оказывались рядом друг с другом, — что нередко происходило в одном доме — это оказывалось невероятно неловко. Напряжение витало в воздухе.

Она знала, что Лиам чувствует себя неуютно. Она знала, что Ноа ревнует.

Ханна чувствовала это, чувствовала, как они оба настороженно кружат друг вокруг друга, как волки, которые борются за территорию, соперничают за превосходство.

— Я не хочу оставлять тебя здесь. — Даже в тусклом свете она видела, как исказилось его лицо, как Лиам нахмурился. — Ноа не сможет защитить тебя так, как я. Но, если я уйду, ты будешь в большей безопасности.

Все испытали потрясение после нападения на Квинн и неудачной попытки Десото и Беннера убить Лиама и Бишоп.

Лиам получил ранение. А девочка-подросток чуть не погибла под перекрестным огнем.

На Лиама открыта охота. Из-за нее. Потому что он взвалил на свои плечи бремя ее поступков. Даже сейчас он все еще пытается ее защитить.

— Они хотели меня, — добавил Лиам. — Не тебя.

— Из-за меня. Это я...

Он резко покачал головой.

— Ты не должна так говорить. Больше нельзя. Никогда. Сейчас только Бишоп и Квинн в курсе. Чем больше людей узнают правду, тем в большей опасности ты окажешься.

Ханна уставилась на его перевязанное ухо. Ей ужасно не нравилась мысль, что из-за нее Лиам и Квинн могли погибнуть сегодня вечером.

Словно прочитав ее мысли, Лиам проговорил:

— Кто бы ни стоял за этим — ополченцы, Джулиан Синклер — их действия принадлежат им и только им. Ты здесь ни при чем.

Она прикусила губу и медленно кивнула.

Последняя неделя прошла как на американских горках. Одно откровение за другим грозило обрушить все, как карточный домик.

Ханне казалось, что она все еще не оправилась. Они все стояли на тонком льду, ожидая, когда появится следующая трещина.

Она смотрела, как Призрак скачет по заснеженному двору, белая вспышка на белом. В лунном свете он как никогда походил на своего тезку.

Пес посмотрел на них, покачивая языком, и продолжил патрулировать территорию. Днем он спал, а ночью оставался бдительным и внимательным.

Прямо как Лиам. Оба они защитники до мозга костей.

У нее пересохло во рту. Она сдвинулась на качелях, планки впились ей в спину.

— Ты можешь защитить нас.

Он повернулся к ней в темноте. Его взгляд стал напряженным, эти серо-голубые глаза пронизывали до глубины души, и теперь Ханна понимала это.

— Для тебя здесь тоже небезопасно. Это место небезопасно.

— Нигде сейчас не будет безопасно.

Лиам неодобрительно хмыкнул.

— Фолл-Крик — мой дом. Даже несмотря на все происходящее, все, что идет не так. Это дом.

Несмотря на все происходящее с ЭМИ, ополченцами, смертью Пайка, жизнь продолжалась. Квинн часто приходила к ним. Так же, как и Бишоп и друзья-полицейские Ноа, Рейносо и Саманта Перес. Аннет Кинг и Дейв Фаррис тоже заходили.

В прежней жизни ее друзьями в Фолл-Крике по большей части были друзья Ноа. Дафна и ее маленькие дочери часто заходили к ним поиграть. Дафна стала ее самой близкой подругой здесь, но теперь Дафна умерла.

Лучшая подруга Ханны по колледжу, Карли, жила в Гранд-Рапидс. Все ли с ней в порядке? Или с ней тоже случилось что-то ужасное? Ханна часто думала о своих родителях и брате на Верхнем полуострове. Они, вероятно, жили лучше, чем большинство людей, но ей хотелось позвонить им, снова услышать их голоса. Общаться с людьми, которых она любила больше всего.

После ЭМИ мир стал намного меньше. Больше никаких дорожных поездок. Больше не получится прыгнуть в самолет и пересечь страну за несколько часов. Никаких больше телефонных звонков, видеосвязи или совещаний в «Зум». Никаких магазинов или ресторанов.

Мир уменьшился до границ Фолл-Крика. А для Ханны он стал еще меньше.

Ноа и Лиам оба чувствовали, что для нее лучше оставаться поблизости — единственное,

с чем они согласились. Она выходила из дома только для того, чтобы навестить Молли и Квинн, что они с Майло делали почти ежедневно.

Молли уже научила ее стирать одежду вручную, печь домашний хлеб на дровяной печи и показала, как соорудить собственные ящики для зимнего сада.

Майло выучил растения и знал, когда можно собирать свежую зелень. Он с гордостью указывал на картофель, репу, морковь, капусту, брокколи, лук, чеснок и листовой салат.

Она смотрела, как Квинн и Майло сделали несколько десятков домашних грелок. Майло объяснял ей каждый шаг. Он жестом указал на пакеты для сэндвичей с застежкой зиплок, разложенные на кухонном столе Молли.

— Ты просто добавляешь чашку соли для растапливания льда, такой, какую используют на дорогах и тротуарах. Но убедитесь, что в ней есть хлористый кальций.

Он высыпал соль в пакет для сэндвичей, затем взял пакет поменьше.

— Добавь в него полчашки воды и вытолкни все пузырьки воздуха, затем запечатай его. — Майло положил пакет с водой внутрь большего пакета с солью для льда и запечатал его.

Он протянул его Ханне, его лицо сияло.

— Держи их в кармане куртки. Когда выйдешь на улицу, сожми его, чтобы пробить пакет с водой, затем встряхни, чтобы активировать. Бум!

Когда она попробовала, тепло сразу же активировалось и согревало руки около тридцати минут. Идея оказалась гениальной, и ей понравилось, что Майло так увлечен созданием чего-то полезного.

— Мы используем их для торговли, Ханна, — с гордостью сообщил Майло.

Они делали изделия для обмена с другими жителями в общине на консервы, колотые дрова, туалетные принадлежности, бензин для генераторов и другие товары.

Возникло нечто вроде подпольного торгового пункта, в центре которого стояла жесткая, практичная Молли. Она ничего не отдавала, но торговала своим опытом, обучая соседей и друзей, как соорудить ведерные туалеты, солнечные печи и амишские ведра для забора воды из колодцев.

День за днем Ханна чувствовала, как ее притягивают тепло и доброта этих людей. Ее удивляло, как быстро она стала заботиться о каждом из них, как в таких невзгодах община значит все.

Когда они не учились новым навыкам с Молли, Ханна проводила время с Майло в доме в «Винтер Хейвене». Они читали книги, рисовали супергероев, играли в лего, вместе готовили и убирали.

Спать Майло по-прежнему укладывался с Ноа. Он еще не звал Ханну. Он продолжал обращаться к ней просто по имени. И не слишком интересовался своей младшей сводной сестрой. У нее болело сердце, но она не настаивала на этом.

Майло совсем еще ребенок. Он слишком потрясен и ему нужно время, чтобы разобраться во всем.

Они шли навстречу друг другу, медленно и осторожно, но это происходило. Это все, о чем Ханна могла просить.

Она примет все, что Майло будет готов дать ей, когда он будет готов.

Как бы банально это ни звучало, она наслаждалась каждым моментом.

В прежней жизни она воспринимала счастье как должное. Теперь она не принимала ничего как должное. Просто сидеть здесь рядом с Лиамом, этот маленький момент покоя и комфорта — уже много.

Такое счастье, такое простое удовлетворение, больше не было обычным. Оно стало драгоценным и хрупким. Если она будет двигаться слишком быстро, оно может выскользнуть из ее рук и разбиться.

— Фолл-Крик — мой дом, — повторила Ханна снова.

Лиам наклонился вперед и пристально посмотрел на нее.

— Ты уверена?

Она знала, что он думал. Что хотел сказать, но не стал. Он был такой гордый.

Он взял бы ее с собой, если бы она попросила. Он взял бы Шарлотту и Майло тоже. Без колебаний. Он защитил бы ее маленькую семью своей жизнью.

Ханна покачала головой, ее горло сжалось. Она не могла выразить словами, как велико искушение, как сильно она хотела забрать своих детей и бежать из Фолл-Крика.

Хотя здесь много хорошего, и здесь жили хорошие люди, в этом месте присутствовала и какая-то неправильность. Тьма, гноящаяся в самом его сердце.

Она не могла забрать Майло у Ноа. Майло боготворил своего отца. Он никогда не простит ее. Она знала это. Ее отношения с сыном зарождались, но все еще были такими хрупкими.

Она пыталась наладить отношения с мужем. Старалась изо всех сил. Каждый раз, когда ей казалось, что они продвигаются вперед, Ноа делал или говорил что-то такое, что заставляло Ханну снова и снова ощущать разрыв отношений.

То, как он не мог взять Шарлотту на руки. Как не мог вынести вида ее искалеченной руки. Как Ноа ходил на цыпочках вокруг прошлого, предпочитая не вспоминать о нем, чем встретиться лицом к лицу.

Они оба словно дрейфовали в бушующем море и не могли найти дорогу назад. Как будто это уже просто невозможно.

Но она не собиралась сдаваться. Ханна Шеридан не сдавалась легко. Это не в ее духе.

Она сказала это больше для себя, чем для Лиама.

— Я должна попытаться, Лиам. Я обязана попытаться для всех.

Он кивнул один раз, принимая ее ответ.

Это оставалось невысказанным, то, что происходило между ними. словно мерцающая нить. едва заметная, но все же сильнее, чем она думала. Ханна чувствовала, как эта нить тянется к нему, как тянется к ее сердцу.

Она сглотнула, разлепив потрескавшиеся губы.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Если ты хочешь, чтобы я остался, я останусь, — просто сказал он.

Ханна не колебалась.

— Хочу.

— Но не в этом доме. — Его челюсть сжалась. — Это небезопасно для тебя. И это не.. это не работает.

— Наш старый дом пуст, — быстро проговорила она. — Ты можешь остаться там. Ты можешь оставаться там столько, сколько захочешь. Пожалуйста, я..

Ханна не могла произнести остальное. Мысль о том, что он уедет, вырвала дыхание из ее легких и наполнила грудь ноющим ужасом.

Она прикусила нижнюю губу.

— Пожалуйста, скажи «да».

В его глазах мелькнуло что-то, что она не смогла разобрать в темноте. Лиам прочистил

горло.

— Ханна, я останусь до тех пор, пока я тебе нужен.

— Спасибо. — Ей хотелось взять его за руку и крепко сжать. Ей хотелось прижаться к нему, как она прижималась к Призраку. Ханна хотела, но не могла.

Глава 48

Джулиан

День тридцать четвертый

Холодные, тонкие струйки воздуха вылетали изо рта Джулиана при каждом выдохе. Рассвет окрасил небо раннего утра в слабый, водянисто-серый цвет.

Синклеры владели маленькой рыбацкой хижинкой на берегу реки Фолл-Крик у дальней границы владений «Винтер Хейвен». Гэвину рыбалка не нравилась — он предпочитал охотиться на более крупную добычу, в том числе и на людей, — поэтому Джулиан пользовался домиком почти единолично.

В маленькой хижине размером десять на десять пахло затхлостью и сыростью. В сером свете, проникающем через грязное, заляпанное окно, плясали мотыльки пыли. Деревянный дощатый пол местами прогнил и покрылся грязью и копотью.

Джулиан упаковал свои снасти на сани — удочку для подледного лова; ящик для снастей с ножницами для лески, плоскогубцами, крючками и грузилами; ведро, чтобы опрокинуть его для сидения; ручной шнек для льда с пилой и долотом; скиммер; и выдвижной ледоруб на всякий случай.

У него не осталось привычной наживки из мучных червей, личинок или гольянов, которую он мог бы просто купить в рыболовном магазине, как это бывало до краха. Он попробовал несколько хитростей, услышанных от других рыболовов, которые сработали на удивление хорошо. Несколько зерен консервированной кукурузы, нанизанных на крючок, могли приманить форель, окуня, карпа и синеголовку. Жевательные черви и зефир отлично подходили для голубого пескаря.

Он замешкался в дверях, оглядываясь в последний раз. Морозильный ларь в углу притягивал его взгляд, как страшный магнит.

Электричества не было, чтобы поддерживать его в рабочем состоянии, но температура воздуха в морозильнике служила своей цели. Тело внутри должно оставаться достаточно холодным, чтобы не разложиться слишком быстро.

Скоро его нужно будет перевезти. Земля оставалась промерзшей, но Джулиан мог обложить труп камнями и цепями, перекатить его на глубокий и укромный участок реки, прорубить во льду отверстие и сбросить туда.

Может быть, когда-нибудь власти начнут прочесывать реку в поисках людей, исчезнувших во время кризиса, но это будет еще очень и очень нескоро. Джулиан не волновался.

Убить шефа Бриггса оказалось легче, чем он думал. Раньше он убивал в ярости — на ум приходили Никель и Билли Картер, — но убийство Бриггса носило преднамеренный, расчетливый характер. Ему пришлось все подготовить.

Когда настал момент, он не колебался. Он должен был сделать это. И он сделал.

Всадил пулю в затылок, когда старик повернулся спиной. Джулиан позаботился о том, чтобы все прошло быстро и безболезненно. Милосердно.

Шеф Бриггс был упертым надоедливым стариканом. Теперь он успокоился. Вернее,

настолько, насколько может быть спокоен труп, засунутый в морозильник.

Джулиану необходимо поскорее избавиться от этого проклятого тела. Вот и все. Тогда кислое тошнотворное чувство у него внутри исчезнет. И кошмары прекратятся.

Он заставил свои ноги двигаться, а тело — поворачиваться. Вышел из крошечной хижины и захлопнул за собой шаткую дверь.

Холод обдувал его обнаженные щеки и скользил по шее. Джулиан приготовился провести весь день под открытым небом.

Он надел термобелье и фланелевую рубашку под комбинезон, затем непромокаемую зимнюю куртку, непромокаемые ботинки с хорошим сцеплением, обычную шапку, перчатки и толстые шерстяные носки.

Перед ним простиралась замерзшая река, тягучая и черная под толстым серым льдом. Тонкие ветхие деревья тянулись к небу своими лишенными листьев ветвями. Позади него возвышался невысокий холм, загораживая вид на дома вдоль обрыва. У него было полное уединение.

Этот маленький уголок реки прятался в заливе. Вода, поступающая в реку, служила хорошим источником пищи для диких рыб. Много стоячей воды под поверхностью делали это место подходящим для скопления рыбы.

Джулиан вышел на лед, таща за собой санки. Лед слегка поскрипывал, но легко выдерживал его вес.

Рекомендуемая толщина льда для безопасного хождения по нему составляла четыре дюйма. Джулиан иногда выходил только на два или три, и у него никогда не возникало проблем. Он вообще никогда не придерживался правил и рекомендаций.

Он двинулся дальше, ища одно из своих любимых мест. Рыба любила останавливаться по краям. Джулиан обычно искал рыбу на обрывах или изменениях в подводном рельефе. Сегодня он планировал порыбачить на более глубокой стороне.

Его ботинки скрипели. Пять ярдов. Десять. Пятнадцать.

Он планировал провести весь день на подледной рыбалке. Наступило воскресенье, но как будто кому-то есть дело до какой сегодня день в апокалипсис. Джулиан работал на износ целый месяц и смог выбраться сюда всего несколько раз.

Ему нужен перерыв. И ему до смерти надоел обед из консервной банки. Он жаждал свежего мяса — пусть даже просто рыбы.

Кроме того, ему нужно разобраться со своей чертовой головой. Слишком многое происходило, слишком многое нужно переварить.

Всю ночь он ждал подтверждения по радиации, что Десото и Беннер выполнили поставленные перед ними задачи: Лиам Коулман мертв. И Аттикус Бишоп тоже.

Два зайца одним выстрелом. А почему бы и нет? Лиам ради матери; Бишоп ради себя.

Он заслужил это, не так ли? Бишоп долгие годы оставался занозой в боку Фолл-Крика. Катастрофа лишь резко обострила конфликт. Бишоп никогда не собирался подчиниться. Он разжигал недовольство и бунт каждым своим вздохом.

Недостаточно просто отнять у него церковь или общественную кладовую. Недостаточно лишить его семьи.

Пока он жив, он представлял угрозу для всего, что Синклеры с таким трудом построили. Фолл-Крик был маленьким городком. Всего лишь пятнышко на карте. Но он принадлежал им, и никто не мог его у них отнять.

Никто. Ни шеф Бриггс. Ни Бишоп, ни Лиам Коулман. И уж точно не Ноа.

Джулиан переложил веревку саней из правой руки в левую и еще раз проверил рацию. Она была включена. Он находился в зоне действия. В чем, черт возьми, проблема?

Вероятно, они ушли в загул и отсыпались, а потом просто не удосужились отчитаться. Или они пошли прямо к Саттеру и полностью вычеркнули его из списка.

Разочарование пронзило его насквозь. Он выругался.

Сколько еще он мог ждать? Должен ли он ждать? Если что-то пошло не так, он должен быть у суперинтенданта. Он должен быть там, чтобы позаботиться обо всем, а не Саттер. И уж точно не Ноа Шеридан.

Это была ошибка. Ему нужно возвращаться.

Он начал поворачиваться.

— Джулиан Синклер!

Раздавшийся голос прогремел громко и отчетливо, как выстрел. Он узнал характерный, глубокий рокочущий тембр голоса. Голос того, кто, как он надеялся, уже мертв.

Джулиан завершил свой поворот и встретился взглядом со своим заклятым врагом.

— Бишоп.

Аттикус Бишоп все еще очень даже живой. Он стоял на берегу, одетый в джинсы, черные ботинки и лимонно-желтую гавайскую рубашку под своей обычной кожаной курткой, на шее повязан шарф.

Он держал пистолет, низко опущенный и направленный в землю. Ему не понадобилось направлять его прямо на Джулиана. Угроза и так понятна.

Горькое разочарование сковало его нутро. Джулиан пытался скрыть свой гнев, но он никогда не умел контролировать свои чувства. Он нахмурился.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Я пришел за тобой.

Джулиан притворился не понимающим.

— В смысле?

Его нож находился в правом ботинке, но дробовик и табельное оружие он оставил в патрульной машине. Джулиан тихо выругался.

Что, черт возьми, случилось с Десото и Беннером? Беннер был еще совсем зеленым, но Десото силен, вынослив и неумолим. Может, они не пытались убить Бишопа. Может быть, они просто убили Коулмана и планировали прийти за Бишопом в другую ночь — и не потрудились сообщить ему об этом.

Словно прочитав его мысли, Бишоп проговорил:

— Беннер и Десото мертвы.

Ошеломленный, Джулиан резко вдохнул. Эту часть ему не пришлось разыгрывать.

— Что?

Они мертвы? Оба? Очевидно, они не справились с заданием. Лучше бы он сам сделал эту работу.

Игла страха уколола Джулиана. Он точно знал, почему поручил это дело. Он был хорошим полицейским. Владел оружием и физическими навыками, но он точно не был суперсолдатом.

Он никогда не проводил на стрельбище или в спортзале больше времени, чем нужно. Всегда находились занятия поинтереснее. Горные лыжи, снегоходы, рыбалка и женщины.

Джулиан позволял ополченцам делать грязную работу. Это то, для чего они здесь находились. Так поступали сильные лидеры. Они никогда не пачкали свои собственные

руки.

Бишоп сделал шаг вперед.

— Они пробрались на территорию Ноа Шеридана с намерением проникнуть в дом и убить меня и Лиама Коулмана.

— Это довольно дикое обвинение, — уклончиво сказал Джулиан. — Зачем им это делать?

— Именно об этом я и пришел тебя спросить.

— Я не понимаю, о чем, черт возьми, ты говоришь.

Выражение лица Бишопа ожесточилось.

— О, я думаю, ты понимаешь.

Глава 49

Джулиан

День тридцать четвертый

Джулиан сделал шаг назад. Лед отозвался слабым скрипом.

Он почувствовал внезапный прилив кипящего презрения. Знакомый привкус горькой ревности, когда он смотрел на Бишопа. То, что он чувствовал всю свою жизнь. От Бишопа и его близких исходила та аура, то притягательное довольство, которое излучают некоторые семьи — такое, что заставляет тебя желать родиться в какой-нибудь другой семье, а не в своей собственной.

Джулиан указал подбородком на пистолет Бишопа.

— И что ты собираешься с ним делать?

— Пришло время поговорить.

Джулиан скривил губы.

— Мне нечего тебе сказать.

Бишоп переместил оружие, дуло слегка приподнялось.

— Думаю, есть.

Тревога пронзила Джулиана. Бишоп не мог знать. Как он мог догадаться? Он просто искал информацию. Работает по наитию.

Джулиану просто нужно от него избавиться. Чем быстрее, тем лучше. Вопрос только в том, как?

— Я офицер полиции! — крикнул он через лед. — Угроза офицеру — это преступление. Как и нападение на офицера. Откровенно говоря, Бишоп, ты мне сейчас угрожаешь.

Выражение лица пастора не изменилось.

— У меня есть веская причина угрожать тебе, Джулиан? Поэтому ты так нервничаешь?

— Не играй со мной в эти игры! Ты не можешь манипулировать мной. Я не такой доверчивый, как твоя маленькая паства.

Бишоп сделал неуверенный шаг с берега на лед. Лед выдержал. Он шагнул снова.

— Ты послал ополченцев убить Лиама Коулмана в отместку за смерть Гэвина Пайка. Ты послал их убить меня по личным причинам.

— Это... это безумие! Ты не можешь так говорить. Ты не можешь просто прийти сюда и выдвигать безумные обвинения без последствий.

— Какие последствия, Джулиан? Что еще ты можешь сделать со мной? Ты забрал мою церковь, мое служение. Вы украли запасы, которые мы с женой копили годами, чтобы поделиться с нашей общиной на наших собственных условиях. Моя жена и дети мертвы. —

Черты лица Бишопа стали жесткими. — К этому ты тоже имеешь отношение?

У Джулиана защемило в груди. Чувство вины пронзило его.

— Конечно, нет. Ты вообще слышишь себя сейчас, Бишоп? Ты даже не понимаешь смысла. Ты слишком долго пробыл на холоде. Ты обезумел от горя. Иди домой. Выкладывай все свое дерьмо Ноа. Он знает толк в таких вещах.

Бишоп продвинулся еще на несколько шагов. Их разделяло всего двадцать футов. Он окинул Джулиана холодным, неприязненным взглядом.

— Ты так долго лгал, что забыл, как звучит правда. Это прекратится сейчас, Джулиан. Это прекратится сегодня.

В душе нарастал страх. Джулиан дико огляделся. Дальний берег оставался в двадцати пяти ярдах позади него. Лед посередине был тоньше — река там текла глубоко и быстро.

Обдуваемый ветром лед стал скользким. Бежать Джулиан не мог.

Ему совершенно не хотелось встречаться с Бишопом один на один в рукопашной схватке. Бишоп рослый парень. Почти два метра ростом и крепкий под этой своей дурацкой гавайской рубашкой.

За спокойным религиозным фасадом он мог быть способен на насилие, как и все остальные. Благодаря своему военному опыту, он знал, как применять силу лучше, чем большинство. Возможно, лучше, чем сам Джулиан.

— Заткнись, Бишоп! Ты никогда не замолкаешь!

Бишоп продолжал двигаться к нему. Он шел целенаправленными медленными шагами, челюсти сжаты, в глазах плещется непоколебимая решимость.

Пастор был неумолим. Его не получится остановить. Его нельзя сбить с толку или ввести в заблуждение, не то что Ноа.

Джулиан смотрел вниз по реке. Прямо перед поворотом, огибающим лесной полуостров, возвышался мост, который пересекал Фолл-Крик и вел в город.

Мост, на котором он стоял в тот день. Вьюга бушевала вокруг него. А в руках он держал кирпич, привязанный к ржавому старинному ключу.

Ключ, открывший камеру, в которой находились Рэй Шульц и братья Картеры. Маньяки, обрушившие на церковь Кроссвей поток резни, смерти и разрушений.

Последствия этого разрушительного поступка до сих пор отзываются в Фолл-Крике. Джулиан чувствовал, как дрожь сотрясает его до глубины души, вибрирует под ногами.

«Я не виноват!» — кричал его разум. Это не его вина. Ни в чем. Джулиан не заслужил вины и упреков. Он не заслужил ничего из этого.

— Кто-то однажды заставил тебя почувствовать себя слабым, — произнес Бишоп. — И теперь ты можешь избавиться от этого чувства, только причинив боль тому, кто слабее тебя. Только ведь это чувство никогда не проходит? Эта душевная пустота в центре твоей груди. Поэтому ты продолжаешь причинять боль людям, снова и снова, снова и снова.

— Ты меня не знаешь! — рассвирепел Джулиан.

Он оторвал взгляд от моста. С нарастающим отчаянием он осматривал берега, широкую плоскость льда.

Бишоп не остановится, пока не убьет Джулиана. Этот факт становился очевидным с каждой секундой. Джулиану следовало найти способ защититься, причем быстро.

На замерзшей реке то тут, то там виднелось несколько обледенелых отверстий диаметром в десять дюймов, которые он пометил сосновой веткой или небольшой стопкой камней. Их не хватило бы, чтобы провалиться. Не то чтобы ему это было нужно.

Он тайком осмотрел лед в поисках характерных пятен, дыр и торосов, указывающих на плохое качество льда. Джулиан вспомнил старую поговорку, которой издавна руководствовались рыбаки на льду: «Толстый и сизый лед — проверенный и надежный. Тонкий и хрустящий — слишком рискованно».

Вот. Его взгляд зацепился за участок подтаявшего льда, который он обошел в прошлый раз.

Лед был тонкий и ребристый, болезненно-желтого цвета. Он видел, как под ним бурлит вода. Этот лед не выдержал бы веса человека. Не такого человека, как Бишоп.

Джулиану нужно лишь подвести Бишопа к тонкому льду. Когда Бишоп ступит на него, он провалится в воду.

Этого недостаточно, чтобы его утопить. В конце концов Бишоп выползет, но это ослабит его, сделает беспомощным, пока он будет пытаться выбраться. Жестокая ледяная вода истощит его силы.

В самый уязвимый момент Джулиан придет его спасти. В конце концов, он ведь полицейский. Служить и защищать это его долг.

Приблизившись Джулиан схватит нож из ботинка, метнет его и вонзит Бишопу в грудь или в горло.

Бишоп утонет подо льдом, течение унесет его тело в Уотервлиет, Сент-Джо или даже до самого озера Мичиган.

Он исчезнет навсегда, чтобы никогда больше не беспокоить Фолл-Крик и Синклеров.

От предвкушения у него участился пульс. Да, это сработает.

Джулиан двинулся дальше по льду. Он осторожно прощупывал его с каждым шагом назад, проверяя толщину, прежде чем опустить свой вес. Подул легкий ветерок, посылая тучи ледяных кристаллов по реке.

Бишоп сделал три шага, затем замешкался. Он сузил глаза, словно предчувствуя ловушку.

— Что ты делаешь, Синклер?

Он все еще находился в десяти-двенадцати футах от опасного места. Джулиану нужно его отвлечь. Слепить его гневом, чтобы он не заметил, что его ведут на смерть.

Бишоп уже практически мертвец. Не имело значения, что скажет Джулиан, в чем он признается. Бишоп не покинет эту реку. Никогда.

Эта мысль принесла почти освобождение. Джулиан улыбнулся.

— Если я скажу тебе то, что ты хочешь услышать, ты обещаешь уйти? Ты не используешь этот пистолет. Развернешься и пойдешь обратно тем же путем, каким пришел.

— Я не дам никаких обещаний, кроме того, что поступлю справедливо.

Джулиан скорчил гримасу.

— Это цитата из Библии?

— Не совсем, но близко. «Чего требует от вас Господь, кроме как поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить с Богом вашим».

— Неважно. Извини, что спросил. Задавай свои вопросы, а потом оставь меня в покое.

Бишоп наблюдал за ним, его взгляд оставался холодным и пронизательным. Исчез теплый, общительный пастор. Теперь Аттикус больше напоминал акулу.

— Ты послал Десото и Беннера в дом Ноа Шеридана с намерением убить Лиам Коулмана и меня?

Джулиан втянул воздух сквозь зубы. Легкие саднило. Один шаг назад, один шаг на

восток, взгляд метнулся к подтаявшему льду, а затем быстро унесся прочь.

Воздух гудел от шипящей, потрескивающей энергии.

Бишоп уже труп, напомнил он себе. Все, что Джулиан скажет сейчас, все равно что прокричит на ветер. Слова вырывались у него изо рта и улетали в огромное безбрежное никуда.

— Да, я приказал сделать это, — подтвердил он. — И я с этим согласен. Лиам Коулман — убийца и заслуживает смертной казни. И ты тоже! — Гнев кипел в нем. Джулиан практически выплюнул эти слова. — Ты — смутьян и нарушитель спокойствия. Мы пытаемся сохранить мир и защитить город, а ты только и делаешь, что будоражишь людей. Ты преувеличиваешь и распространяешь слухи. Ты нагнетаешь страх. Ты заслужил все, что на тебя свалилось.

Рот Бишоп сжался. Его шея напряглась, сухожилия натянулись. Он повторил шаги Джулиана. Один вперед, другой на восток.

— А в ночь резни? Что случилось?

— Я расскажу тебе, — проговорил Джулиан. — Я расскажу тебе все.

Глава 50

Джулиан

День тридцать четвертый

Джулиан сглотнул. Он сжал напрягшиеся пальцы, представил нож в своей руке. Представил, как вонзает его прямо в сердце Бишоп.

— Они пришли за тобой.

Лицо Бишоп исказилось в гримасе боли, такой муки Джулиан никогда не переживал. И никогда не хотел.

— За мной.

— Ты был идеальной мишенью. — Слова дались легче, чем Джулиан думал. На самом деле, ему до чертиков понравилось их озвучивать. — Ты не закрыл бы эту дурацкую продовольственную кладовую. Почему ты так дорожил ею, я не понимаю. Это даже не было большой проблемой, пока ты не превратил ее в проблему. Тебе обязательно нужно идти против всех. Ты всегда пытаешься как-то придать себе важности?

— Почему, Джулиан?

— Совет не проголосовал за ополчение. А они нам были нужны. Любой человек с мозгами мог это понять. Шеф Бриггс оказался слишком тупоголовым, чтобы видеть что-то, кроме своих собственных идей. Ноа же слишком слаб, чтобы пойти против города.

Джулиан пожал плечами.

— Все сошлось, как кусочки головоломки. Рэй Шульц имел на тебя виды. Стоило выпустить его, и он со своими головорезами позаботился бы о тебе. Так мы договорились.

— Золото, — произнес Бишоп, его голос звучал глухо.

— Шульц с радостью согласился. Он бы сделал это бесплатно. История с золотом просто страховка. Чтобы убедиться, что его головорезы тоже в деле. Для уверенности, что все получится. Задним числом понимаю, что это глупо, но эти метамфетаминные наркоманы не отличались умом. Это не позволяло им смотреть на своего благодетеля с подозрением или задавать слишком много вопросов. Деньги решают все, знаешь ли. Всегда. Это та валюта, которую они понимали.

Бишоп зарычал, как раненое животное.

— Ты открыл дверь. Ты выпустил их из камеры в обмен на убийство меня и моей семьи. Джулиан подавил дрожь.

— Не твоей семьи. Только тебя. Я не знал, что они сделают. Я понятия не имел, что они пойдут и расстреляют церковь и причинят вред всем этим людям. Откуда я мог это знать?

Рокочущий голос Бишоп разрывался от горя и нарастающей ярости.

— Ты выпускаешь тигра на свободу, а потом плачешься о невежестве, когда он делает то, для чего был рожден, что заложено в его природе? Рэй Шульц, Томми и Билли Картеры — они были убийцами!

— Эй, погоди минутку...

Бишоп поднял пистолет обеими руками и направил его в лицо Джулиана. Он снял пистолет с предохранителя.

— Ты виновен в каждой из этих сорока семи смертей так же, как и они. Ты виновен в смерти моей жены и дочерей!

Джулиан отвел взгляд. Он не мог вынести праведной ярости, излучаемой всеми фибрами существа Бишоп. Он был отцом, которого постигло несчастье. Вдовец, жаждущий отомстить за смерть своей семьи.

Его плечи затряслись, челюсть закаменела, на шее выделились связки. Даже с расстояния пяти футов он нависал над Джулианом.

— Из-за тебя я муж без жены! Отец без детей!

Джулиан струсил перед его гневом. Его охватил страх. В этот момент Джулиан боялся, что Бишоп действительно его застрелит.

— Ты не хочешь этого делать, Бишоп!

Лицо Бишоп исказилось от ярости и горя, от бешенства и боли. Человек, оторванный от всего, во что он когда-либо верил.

— Пожалуйста! — закричал Джулиан.

Бишоп рванулся вперед.

— Я должен это сделать! Я должен убить тебя!

Лед затрещал и заскрипел.

Бишоп остановился. Дуло пистолета смотрело на голову Джулиана. Пистолет дрожал в руках пастора.

— Ты заслуживаешь смерти!

Темная энергия запульсировала в жилах Джулиана — страх, ужас и жуткое возбуждение. Они находились в пяти футах друг от друга. Бишоп в одном шаге от тонкого льда.

Джулиан поднял руки, ладонями наружу, в жесте мольбы, капитуляции.

— Ты победил, Бишоп! Арестуй меня. Забирай меня. Брось меня в эту тюремную камеру и корми через решетку. Это все, что тебе нужно сделать, парень. Ты же не хочешь меня убить. Я безоружен. Разве чувство вины не съест тебя изнутри? Разве ты не проповедуешь с милосердия?

— Иногда смерть — это милосердие, — прорычал Бишоп. В его глазах мелькнула тень. Мелькнуло сомнение, колебание.

— Вот! Возьми мои наручники. У меня в кармане есть пара. Можешь надеть их на меня прямо сейчас. — Джулиан медленно опустил руку к карману куртки. Он достал наручники и протянул их. — Вот. Подойди и возьми их. Надень наручники на меня сам.

Между ними повисло долгое, напряженное молчание. Бишоп боролся со своей

совестью, Джулиан задыхался, гудел от этой темной, нервной энергии, чувствуя тонкий лед между ними, безмолвно умоляя Бишопа сделать еще один шаг. Всего один.

Река не издавала ни звука — ни лед, ни темная вода под ним. Джулиан чувствовал, как она течет, словно его собственная кровь, — темная, холодная и безмолвная.

Только полоска замерзшей воды между Бишопом и водной могилой.

Что-то изменилось в поведении Бишопа. Его плечи опустились. Лицо прояснилось.

Он опустил пистолет.

— Ты заслуживаешь смерти, но не от моей руки.

Джулиан уставился на него в недоумении.

— Я не собираюсь убивать тебя. Но ты предстанешь перед правосудием. Твоя судьба будет зависеть от совета и от Бога.

Бишоп взмахнул пистолетом.

— Надень на себя наручники. Но иди ко мне, Синклер. Думаешь, я не вижу, что ты задумал? Убедись, что обошел это слабое место прямо передо мной. — Он скрипнул зубами, словно ему тяжело это говорить. — Ты же не хочешь упасть туда.

На Джулиана нахлынуло отчаяние. В конце концов, Бишоп не повелся на это. Джулиан оказался вне игры. У него не осталось ни плана, ни способа выбраться из этого.

Джулиану хотелось верить, что мать его спасет, но он уже ни на что не надеялся. Даже на нее. Если бы...

Треск.

Звук заставил их обоих замереть. Звук, который они не только услышали, но и почувствовали — сильный толчок в глубине мира.

Сердце Джулиана заколотилось. Он напряг уши, прислушиваясь, нет ли скрипа, хлопка или треска.

Он слышал свое дыхание, неглубокие вздохи Бишопа. Ветер свистел в ветвях сосен и гулял по широкой ровной поверхности реки.

А потом — сдвигающийся, потрескивающий лед, мягкий, как шепот, как вздох влюбленного.

Тот же звук. Земля под его ногами вздрогнула.

— Мы ушли слишком далеко, — сказал Бишоп. — Нам нужно вернуться. Медленно и осторожно...

Ужасный стон сотряс воздух. Лед раскололся, вздымаясь, как от взрывов. Толща льда под их ногами сдвинулась, поднялась по своей оси, опасно накренившись.

Ботинки Джулиана заскользили в сторону, Бишоп попятился назад, отпрыгивая от края, когда лед раскололся между ними, открылась огромная трещина, расщелина, похожая на рот, ухмыляющийся все шире и шире.

Лед вздохнул, словно делая передышку. Джулиан присел на корточки, широко расставив руки для равновесия, боясь пошевелиться в любом направлении, чтобы лед не рассыпался под ним.

Они удалились на пятьдесят футов. Вода здесь была глубокой, течение сильным.

Джулиана охватил ужас. Если лед провалится, его может затянуть под него. Пробриться снизу он бы не смог. Он бы утонул и замерз одновременно.

Кусок льда, на котором он стоял, подался под ним. Острый край поднялся вверх, как огромный плавник. Джулиан почувствовал, что его ботинки скользят по склону, сцепление с поверхностью подводит, уклон слишком крут.

Отбросив наручники, он упал на грудь и, как моллюск, прижался к перевернутой плите. Она была размером с автомобиль, не больше.

Угол наклонился на девяносто градусов. Джулиан соскользнул в воду ногами. Он погрузился вниз, изо всех сил пытаясь уцепиться за лед, чтобы удержаться над поверхностью как можно большую часть своего тела.

Затем он погрузился по пояс, по ребра, а потом по грудь.

Жестокий шок от холода ошеломил его, выжал дыхание из его легких.

Он отпустил плиту и бил по воде руками, которые уже казались ледышками, брызгаясь и пинаясь, брызгаясь и барахтаясь в поисках ближайшего выступа твердого льда.

Расколотые плиты скреблись и стучались друг о друга. Течение прижимало его к выступу и дергало за ноги. Его куртка, зимние штаны и слои одежды наполнились водой. Все вдруг стало тяжелее на пятьдесят фунтов, а ботинки — как якоря.

Джулиан с трудом, отчаянно цеплялся за лед. Вблизи лед оказался толстым, пузырьчатым и изрезанным десятками трещин. Уродливый, желтоватый и суровый.

Дрянной лед. Ничего красивого в нем нет.

Он смахнул воду с глаз, капли уже примерзли к ресницам. Сильно дрожа, посмотрел на Бишоп, который стоял в шести или семи футах от отверстия во льду.

Бишоп смотрел на Джулиана с шоком и чем-то похожим на благоговение на лице. Его пистолет безвольно свисал с боку.

— Помогите мне! — закричал Джулиан. — Я тону!

Бишоп ничего не сказал.

— Дай мне руку! Спаси меня!

Очень осторожно Бишоп сделал шаг назад. Затем еще один.

Паника сжала грудь Джулиана. Ему стало так холодно. Холоднее, чем когда-либо в жизни. Он чувствовал, как замерзают его клетки, как холод обжигает нервные окончания.

— Ты не можешь этого сделать! Ты не можешь оставить меня умирать!

Бишоп просто смотрел на него, его лицо оставалось бесстрастным, нечитаемым.

Он не собирался помогать. Он собирался стоять и смотреть, как Джулиан умирает.

— Где твоя вера, Бишоп? — кричал он. — Где теперь твой Бог?

— Бог — это любовь. Любовь справедлива, — произносил Бишоп как песнопение, как молитву. — Бог есть справедливость. Это справедливость.

— Нет! — закричал Джулиан. — НЕТ!

— Дафна Бишоп, — четко, глубоко и внушительно произнес Бишоп своим баритоном. Звук эхом разнесся по льду. Он заполнил уши Джулиана и срикошетил внутри его черепа. — Хлоя Бишоп. Юнипер Бишоп.

Джулиан скреб по льду онемевшими пальцами, но все бесполезно. Он умирал. Он скоро умрет.

— Да помилует Господь твою душу, — проронил Бишоп. — Ибо у меня не осталось ничего, что я мог бы дать.

Рев крови в ушах Джулиана стал медленным и вялым. Он не мог разобраться в происходящем в своем затуманенном мозгу. Это не имело смысла. Все это неправильно.

Это Бишоп должен был умереть в ледяной воде, а не Джулиан. Это должен быть не он.

Он смотрел на Бишоп в шоке, в растущем отчаянии, но Бишоп ничего ему не предлагал. Вообще ничего. Он просто стоял и ждал — молчаливый свидетель.

Как и холодный и жестокий пейзаж, злобная зима, жадная река, всасывающаяся в него,

тягучая, тянущая, стремящаяся утащить его под воду.

Секунды тикали, как бомба, отсчитывающая время до нуля. Холод словно тисками выдавливал из него силы и жизненную энергию, высасывая саму жизнь из его вен.

Он перестал дрожать, смутно осознавал Джулиан. Его зубы перестали стучать. Ему больше не было холодно. Он не чувствовал ничего подо льдом, даже течение не тянуло его за ноги.

Он не чувствовал своих конечностей. Они мертвы. Ноги — мертвы. Руки — мертвы. Его сердце — мертво.

— Это был не... только я, — выдавил он сквозь онемевшие губы.

Может быть, в нем заговорило чувство вины. Или глубоко запрятанный гнев. Ненависть, в которой он не мог признаться даже самому себе.

Он уходил вниз. Он не должен идти вниз один.

— Скажи мне, — потребовал Бишоп.

— О-она знает... все. Она всегда знала. Она делает вид, что не знает, чтобы лучше себя чувствовать. Она та, кто одобрил это, одобрил все. О-она отравила меня в ту ночь к камере.

Бишоп застыл на месте. Его пристальный взгляд впился в душу Джулиана.

— Назови ее имя.

Холод забирал его. Его мозг превратился в плотную, набитую ватой оболочку. Все отдалялось и расплывалось.

Течение все сильнее и сильнее тянуло его бетонные ноги. Его онемевшие пальцы едва могли ухватиться за лед.

Джулиан подумал о ключе, все еще привязанном к кирпичу где-то в этой же реке. Вспомнил о своем ненавистном брате, который теперь тоже мертв. Он думал о Ноа, лучшем друге, который его предал.

Его разум помутился вокруг одного яркого осколка, последней вещи.

И он ответил:

— М-моя мать. Розамонд Синклер.

Джулиан отпустил руки. Холодная темная вода потянула его вниз, вниз, вниз в свои тенистые глубины. Вниз и вдаль.

Глава 51

Розамонд Синклер

День тридцать пятый

Сыновья Розамонд Синклер были мертвы.

Оба. Сначала Гэвин, злонамеренно убит. И теперь Джулиан, провалился под лед.

Его смерть не случайность. Она точно это знала. Один из все еще преданных ей полицейских заметил Аттикуса Бишоп у реки вместе с ним.

Джулиана убили так же точно, как и Гэвина.

Сокрушительное горе пронзило ее. Горе, потеря и ужасная черная ярость. Она дрожала от гнева. Тряслась от него. Все ее тело лихорадочно билось от ярости, от ненависти, от неутомимого желания уничтожить все, до чего она могла дотянуться.

С рыком негодования она крутанулась и схватила старинную фарфоровую тарелку из стопки, стоявшей на стойке в ожидании, когда ее уберут.

Розамонд бросила ее изо всех сил. Тарелка ударилась о стену на противоположной стороне кухни и разбилась на несколько частей. Она схватила следующую тарелку и

запустила ее тоже.

Фарфор разбился вдребезги. Грохот отдавался у нее в ушах.

Она разбила все тарелки, миски и блюда, которые у нее были, пока сотни керамических осколков не заблестели на деревянном полу. Ее ухоженные руки сжались в трясущиеся кулаки, все тело дрожало от черной ярости.

— Ты закончила? — спросил Маттиас Саттер.

Она почти забыла о нем.

Розамонд повернулась к нему лицом, ее грудь вздымалась, лицо и шея пылали жаром. Адреналин покинул ее тело.

На нее надвигалась тьма. Огромная воющая пустота.

Ее тщательно выверенный контроль дал трещину, в фасаде, над которым она так старательно работала, появились изломы. Все, что она могла видеть, стало красным. Горе и ярость смешались в токсичное, радиоактивное месиво, разъедающее ее внутренности. Она сходила с ума.

Маттиас тихо сидел на другой стороне острова, спина прямая, в одной руке бокал вина каберне совиньон.

— Что ты собираешься делать?

— Я хочу сжечь весь этот город дотла, — прошипела Розамонд.

Маттиас нахмурил брови.

— Возможно, это немного... преждевременно.

— Я отдала этим людям все! Все, что у меня есть! И все равно они предали меня.

Она посвятила свою жизнь Фолл-Крик. Весь стресс, бессонные ночи, политика и игры — она взяла все это на себя. Ей за это не платили. Черт, кто знал, заплатят ли ей когда-нибудь вообще.

Тем не менее, она охотно взяла на себя это бремя. Она пошла на необходимые жертвы, чтобы защитить город.

Благодаря ей Фолл-Крик избежал бедствий. Благодаря ей этот город остался цел и невредим.

У каждого жителя была еда на столе, чтобы удовлетворить их потребности, и дрова, чтобы согреть их детей — у каждого послушного жителя, во всяком случае. Она знала, что им нужно, даже раньше, чем они сами. Она знала, что нужно, и у нее хватило мужества и стойкости сделать так, чтобы это произошло.

Какой еще город или поселок может сказать такое? Конечно, ни один в Мичигане. Возможно, ни один во всей стране.

Она добилась этого. Никто другой.

Чем город отплатил ей за ее неизменную щедрость? Неблагодарностью, нытьем и неуважением. Предательством и изменой. Смертью ее сыновей

Она и подумать не могла, что потеряет своего драгоценного Гэвина. Или Джулиана. Ее сыновья были для нее всем.

Что она имела без них?

Только город. Только «Винтер Хейвен». Только ее наследие.

Ярость пронзила ее насквозь, рассекая горе, как нож. Праведное негодование.

— У меня отняли сыновей. Их убили... несогласные. Террористы. Я не успокоюсь, пока мы их не уничтожим. Пока мы не уничтожим эту угрозу для Фолл-Крик раз и навсегда!

Маттиас кивнул.

— Не позволяй эмоциям завладеть тобой. Они только помешают тебе видеть ясно, чтобы выполнить работу.

Он прав. Она сделала глубокий, успокаивающий вдох. Взяла свои эмоции под контроль.

Она — Розамонд Синклер. Она не сгибалась под давлением, каким бы огромным оно ни оказывалось, какими бы грозными ни были враги, выступившие против нее.

Она не сломлена. Она никогда не сломается.

Она сохранит силу и мощь, которые так тщательно накапливала. Ее нельзя победить.

Розамонд стряхнула керамический осколок с угольной юбки-карандаш. Расправила плечи и заправила светлые волосы за уши. Она не произнесла ни слова, пока не восстановила контроль над собой и не похоронила свое горе где-то в глубине души.

— Ты прав, Маттиас, — ровно выговорила она. — Спасибо за напоминание.

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу, чтобы они умерли. — Она перечислила их, загибая наманикюренные пальцы. — Лиам Коулман. Аттикус Бишоп. И все остальные, кто им помогал и пособничал. Все, кто имеет к ним отношение — они сдохнут.

— На этот раз нам нужно действовать осторожнее. Они хорошо обученные солдаты. Я не хочу терять больше людей без необходимости.

— Только не затягивай. Я не усну, пока мои сыновья не будут отомщены.

— Все будет сделано. — Маттиас сделал глоток вина. Он поставил хрустальный бокал на мраморный остров. — А что насчет шефа Шеридана?

Розамонд напряглась. Она заботилась о Ноа. И о Майло.

Разве она не взяла Ноа и Майло под свое крыло после исчезновения его жены? Она относилась к ним как к родным. Лучше, чем семья.

Она годами готовила Ноа, чтобы он стал одним из ее самых верных и послушных доверенных лиц. Джулиан был слишком вспыльчив, чтобы решать некоторые политически деликатные вопросы.

Гэвин демонстрировал абсолютную надежность в работе с нежелательными людьми, с которыми ей требовалось разобраться. Однако он проявлял слишком... экстремальные... наклонности.

Ноа отличался спокойствием, уравновешенностью, выступал в роли миротворца. Им легко управлять, манипулировать. Не говоря уже о моральной слабости, хотя ему нравилось считать себя не таким.

Но при этом Ноа постоянно предпочитал окружать себя недовольными, подстрекателями и нарушителями спокойствия. Его дружба с пастором-бездельником Аттикусом Бишопом. Со сварливой старухой Молли Динг и ее взбалмошной внучкой, которая, казалось, всегда появлялась в неподходящее время в неподходящих местах.

У всех хватало недостатков, даже у Ноа. Розамонд могла их почти не замечать. Она и не замечала, до сих пор.

До Ханны. Ханна Шеридан и ее бойкий солдат.

Одна мысль о человеке, убившем Гэвина, наполняла Розамонд кипящей ненавистью. Черной яростью, которая угрожала ее тщательному контролю.

Ханна. Слабая, мерзкая женщина, распространяющая злобную ложь о ее драгоценном сыне, когда он лежал мертвый в земле, не имея возможности защитить себя. Кем, черт возьми, она себя возомнила?

Розамонд глубоко вздохнула и взяла свои эмоции под контроль. Маттиас прав; она не

могла позволить себе действовать необдуманно.

Она гордилась своей практичностью. Такие недостатки, как мораль и этика, не лишали ее способности руководить. Она всегда поступала так, как необходимо.

Розамонд не боялась отдать приказ о смерти Ханны. Ей хотелось прямо сейчас повернуться к Маттиасу и произнести эти слова. По правде говоря, она бы с удовольствием посмотрела, как они все умрут. Солдат. Пастор. Девица.

И все же Ханна что-то значила для Ноа. А Ноа представлял собой неотъемлемую часть стратегии Розамонд. С уходом Гэвина и Джулиана он нужен ей больше, чем когда-либо.

Если бы Ханна умерла сейчас, даже в результате какого-то страшного несчастного случая, реакция Ноа оказалась бы в лучшем случае непредсказуемой. С кончиной Ханны придется подождать. Пока что.

Розамонд не дура. Она знала, что число ее союзников сокращается. Поддержка Ноа не относилась к числу необязательных. Он для нее просто необходим.

До тех пор, пока у нее есть Ноа в качестве начальника полиции и Маттиас со своим ополчением за спиной, она будет в порядке.

— Я знаю, как справиться с Ноа, — заверила она. — Я точно знаю, за какие ниточки дергать. Он находится под нашим полным контролем и останется таким.

Маттиас кивнул.

— Я вижу в этом мудрость. Он будет держать других копов в узде. А одобрение начальника полиции обеспечит тот блестящий налет респектабельности, о котором ты, похоже, так заботишься.

Она бросила на него острый взгляд.

— Не стоит недооценивать это. Большинство людей просто ищут причину, чтобы покориться. Они кроткие, как овцы. Авторитет — самый старый и самый полезный инструмент в книге.

— Запомню. — Маттиас взболтал вино в своем бокале. Под подвесным освещением темная жидкость казалась красной, как кровь. — А остальные жители города?

Розамонд осторожно ступала по полу, избегая разбитого фарфора. Она потянулась к своему бокалу с вином. Он почти опустел. Неважно. В подвале у нее еще много вина.

У нее имелось все необходимое. Это место напоминало крепость, набитую припасами на годы вперед. И со своей личной армией она могла его защитить.

За последние несколько недель она многое потеряла, но не все. У нее все еще остался этот город. У нее все еще сохранялось ее наследие. И она будет бороться за него до последнего вздоха.

— Мы должны послать сообщение. Громко и ясно. Неподчинение не допустимо. Любой, кто не согласен, не получит еды. Больше никаких нахлебников.

— Считай, что это уже сделано. — Маттиас взболтал вино, но не стал пить. — И, возможно, пора завязывать с этим твоим Советом. Они только и делают, что жалуются и сдерживают прогресс.

— Я подумаю над этим.

Розамонд изучала Маттиаса. Хотя их разделяло расстояние последние несколько лет, она и ее кузен всегда поддерживали близкие отношения. Они росли вместе; их отцы были братьями, которые поддерживали абсолютный контроль над своими семьями и правили железными кулаками.

Они понимали друг друга так, как другие никогда бы не поняли.

Маттиас не испытывал такой привязанности к городу, как Розамонд. Он не руководствовался гневом и обидой, как Джулиан. Он не хотел править, руководить или узурпировать ее роль.

Он был хитрым и жестоким. Как и Розамонд, мораль не играла никакой роли в принятии им решений. Если у него и есть какой-то недостаток, то это жадность. Он любил красивые вещи.

Хоть он и член семьи, но все же разумнее держать его в довольстве. И близко.

Розамонд подняла бокал за Маттиаса.

— Твоя преданность не остается незамеченной, кузен. И не останется не оцененной.

— За верность. — Маттиас широко улыбнулся. — И за «Винтер Хейвен».

Она сделала длинный, глубокий глоток, стараясь не размазать свою рубиново-красную помаду. Розамонд не улыбнулась в ответ.

— За «Винтер Хейвен».

— Мне в голову пришла отличная идея, — задумчиво проговорил Маттиас. — Как отправить послание. И наказать виновных.

— При условии, что они заплатят за то, что сделали.

Его темные глаза сверкнули.

— О, они заплатят.

Розамонд крепче сжала ножку своего пустого бокала. Она все равно добьется успеха. Она будет править. И она уничтожит всех, кто встанет на ее пути.

Глава 52

Ноа

День тридцать шестой

— Я сделала кофе, — сказала Ханна.

Ноа поднял голову и натянуто улыбнулся.

Ханна стояла на крыльце без куртки, с синей кружкой в руках. На ней был толстый серый свитер и черные леггинсы. Ее блестящие темно-каштановые волосы спадали на плечи.

У Ноа сжалась грудь. Он вытер руки о грязную тряпку и закрыл капот F150. Грузовик несколько раз глох, и он пытался починить его самостоятельно, не обращаясь за помощью.

Провозившись пару часов, он уже хотел сдаться. Молли дала ему бутылку с распылителем, наполненную тремя частями уксуса и одной частью воды, чтобы он распылил средство на лобовое стекло в ночь перед снегопадом — по крайней мере, окна грузовика остались чистыми.

Сегодня воскресенье, и Ноа взял редкий выходной. Он отчаянно нуждался в душевной и физической передышке после череды потрясений последних нескольких дней.

Лиам Коулман наконец-то съехал. Ноа даже не волновало, что он переехал в их старый дом. Он бы предпочел, чтобы тот уехал навсегда, но, по крайней мере, теперь он не мешал им.

Это принесло облегчение Ноа, и для Ханны так безопаснее. Солдат приносил неприятности, куда бы он ни пошел.

Лиам все еще не мог держаться подальше от Ханны. Он заходил к ней с утра под предлогом выгулять Призрака. Ханна обрадовалась его приходу. Ноа от этого стало плохо.

По крайней мере, он покинул их дом. Хотя бы это.

Ноа, Ханна и Майло использовали драгоценное семейное время, чтобы сыграть

несколько партий в «Монополию». После обеда Ханна ушла в комнату для гостей, чтобы покормить малышку, а Ноа взял Майло на улицу, чтобы немного размяться.

Майло возился со снеговиком на переднем дворе. Он рысил вокруг дома и ненадолго отлучался в лес, чтобы собрать сосновые ветки для своего рождественского леса.

На несколько часов жизнь казалась почти нормальной.

Ноа прошел через двор к ступенькам крыльца. Он взял у Ханны кружку с горячим кофе, его коснувшись пальцами ее руки. Это была ее здоровая, хорошая рука. Ноа вздрогнул.

С извиняющимся видом Ханна отстранилась.

Разочарование нарастало в его душе. Он постарался не показать этого.

— Спасибо. Разве это не счастье, что у нас все еще есть кофе?

Ханна наморщила лоб

— Что-то вроде этого.

— А где твой?

Она покраснела.

— О, я уже выпила свой. Трудно нести обе кружки сразу.

Она имела в виду свою искалеченную руку. Ноа смущенно отвел взгляд. Он не хотел привлекать к этому внимание. Когда он видел ее травму, в нем поднимался беспомощный гнев, словно Ноа лично нес за нее ответственность.

Всякий раз, когда он думал о том, как Гэвин Пайк обидел Ханну, какие чудовищные вещи он с ней сделал, его разум улетучивался. Ему казалось, что он скользит по краю бездонной пропасти, и если упадет в нее, то это будет его конец.

— Мне жаль, — пробормотал он.

— Все в порядке. К этому нужно немного привыкнуть.

Долгое время они молчали. Мысленно он искал, что сказать, что могло бы сблизить их, а не отдалить друг от друга.

С той первой ночи у них почти не нашлось времени, чтобы поговорить наедине. Вокруг всегда находились другие люди — Лиам или дела. У Ноа в списке миллион дел, как дома, так и на работе, чтобы все продолжало работать в отсутствии электричества.

Дома между ними всегда оставался Майло, пес, или ребенок. Ребенок, который принадлежал Ханне, но не ему. Ребенок, которого создал Гэвин Пайк и который олицетворял все ужасное, что сотворили с его женой.

Он сглотнул желчь. Это всего лишь ребенок, невинный во всем этом, но Ноа едва мог смотреть на нее. Он ненавидел себя за это, но не мог отрицать правды.

Он говорил себе, что это займет время, как и все остальное. Ноа говорил себе, что все будет хорошо.

Пока у него есть Ханна и Майло, это все, что имело значение.

— Ты помнишь тот последний день, когда мы были вместе? — спросил он. — Как мы катались на лыжах с Майло? Как мы радовались за него?

— Я помню. — Выражение ее лица смягчилось. — Как я могла забыть? Мы купили те огромные печенья с арахисовым маслом для Майло. Они были размером с его голову.

— Я все время думал о том дне, знаешь. Каждый год в канун Рождества мы с Майло возвращались в Биттерсвит. Чтобы вспомнить тебя. Чтобы создать больше счастливых воспоминаний. В день ЭМИ мы тоже были там.

Ханна посмотрела на него. Ее глаза в зимнем свете казались такими глубокими и зелеными.

— Я не знала этого.

— Майло уговорил меня прокатиться на их самом большом подъемнике на самый верх.

Она удивленно подняла брови.

— Ты? Добровольно катаешься на подъемнике?

— Неожиданно, правда? Я нервничал все время. Потом ЭМИ отключило электричество прямо перед вершиной. И генераторы тоже.

— Что случилось?

— В этом хаосе нас не заметили. Мы застряли там, наверху, в разгар снежной бури. Мне пришлось карабкаться по тросу на ближайшую вышку, чтобы спуститься. Квинн Райли тоже оказалась там. Ее дедушка умер от сердечного приступа, когда у него вышел из строя кардиостимулятор. Мне пришлось лезть по тросу. Другого выхода не оставалось.

Ноа часто вспоминал тот день. Он взял на себя ответственность и спас их. Все выглядело таким черно-белым — делай то, что нужно, или люди погибнут. Теперь все уже не кажется таким черно-белым.

За каждое решение приходится платить. Каждый выбор имел последствия, не все из которых он мог предвидеть или смягчить. Огромное бремя давило на Ноа.

Ханна побледнела.

— Я даже не представляла. Какое испытание. Майло через столько всего прошел. Вы оба.

— Мы, — произнес Ноа. Его горло сжалось. — Все пережили. Я так рад, что ты здесь. Я так рад, что мы вернули тебя.

Она мягко улыбнулась ему. Улыбка осветила все ее лицо.

— Я тоже.

Ноа хотел обнять Ханну. Поцеловать ее. После той первой ночи, когда она отстранилась от него, он не решался пробовать снова.

Ей нужно время. Он знал это.

Он надеялся, что дело только во времени. Ноа всем сердцем надеялся, что Лиам Коулман не имеет к этому никакого отношения.

Он слишком боялся спросить. Ответ мог его сломить.

Ноа хотел, чтобы все вернулось на круги своя. В то время, когда они только поженились, молодые, счастливые и не подозревающие, какой невероятно трудной станет их жизнь.

— У нас все будет хорошо, — пообещал он. — У нас все будет хорошо.

— Правда?

— Конечно.

Ханна полуобернулась к нему и прислонилась к перилам крыльца. Обхватила себя руками.

— Ноа, нам нужно поговорить о том, что случилось.

Грудь Ноа сжалась.

— Что ты имеешь в виду?

Она бросила на него взгляд.

— О Джулиане.

Печаль сковала его горло. Ноа изо всех сил старался не думать об этом. Он горевал из-за внезапной смерти друга. Его шокировали обвинения Бишопы, когда тот вернулся с реки — один.

Бишоп рассказал, что произошло на льду. Как погиб Джулиан. Его признания перед тем, как его забрала черная вода. И, наконец, тело, которое Бишоп нашел в ларе со льдом в рыбацкой хижине Джулиана.

Ноа, Рейносо и Хейс отправились в хижину, чтобы провести расследование и подтвердить показания Бишопы. Всё оказалось правдой. Бриггс был убит выстрелом в затылок.

Теперь замороженное тело шефа Бриггса лежало завернутым в промышленный мешок для мусора и хранилось вместе с другими жертвами катастрофы в большом металлическом сарае Пола Истли за городом.

Как бы он ни хотел, Ноа не мог оправдать действия своего друга в этом деле. Джулиан совершил этот ужасный поступок. Он убил шефа Бриггса за то, что тот встал у него на пути. Другого объяснения не существовало.

Ноа сделал глоток кофе, чтобы успокоить нервы.

— Трудно поверить, что он мог приложить руку к тому, что произошло. — Он едва мог заставить себя произнести эти слова.

— Мне жаль. Я знаю, что он был твоим другом.

Последние несколько ночей Ноа почти не спал, ворочаясь и крутясь в одиночестве в своей постели, его мысли путались в голове. Он не хотел верить, что Джулиан способен на такие вещи, даже когда перед глазами стояло доказательство в виде трупа шефа Бриггса.

«Ты знаешь, что это правда», — прошептал голос у него в голове. Джулиан хладнокровно застрелил Билли Картера. Он убил Никеля Картера в церкви Кроссвей, прежде чем тот успел его раскрыть. Джулиан заявил о самообороне, но Никель узнал Джулиана — Ноа понял это сейчас.

Правда в том, что он не хотел говорить об этом. Ноа не хотел думать об этом. Это слишком ужасно. Слишком страшно.

Друг, которому Ноа доверял и которого любил, оказался убийцей. Он причастен к резне, в которой погибло сорок семь человек и едва не погиб Майло.

Ноа поверил Джулиану, когда тот пообещал, что разрядит обстановку, но вместо этого Джулиан предал его и приказал убить Лиаму Коулмана и Бишопы.

«И не только это, — прошептал темный голос в его голове. — Джулиан еще и брат Гэвина Пайка». Знал ли он о том, что сделал его брат? Мог ли он знать о Пайке? О Ханне?

Рассудок Ноа грозился покинуть его. Все в нем восстало. Он чувствовал, как прошлое тянет его вниз, и изо всех сил сопротивлялся ему.

Ноа похоронил Джулиана в глубине души вместе со всеми другими уродливыми вещами, о которых ему было невыносимо думать. Он должен двигаться вперед, похоронить прошлое и оставить его там. Это единственный способ выжить.

Он должен выжить — для себя, для Майло и Ханны, для города.

— Джулиан заплатил за то, что сделал, — задыхаясь, произнес Ноа. — Теперь он мертв. Семья Бишопы отомщена. Все кончено. Мы все можем жить дальше. Для всех будет лучше, если мы продолжим жить дальше.

— Это не конец. — Ханна нахмурилась, между ее бровями появилась линия. — Джулиан сказал Бишопу, что Розамонд знала. Что она одобрила то, что Джулиан выпустил этих монстров, чтобы они устроили хаос. Она сыграла свою роль в этой бойне.

Слова Ханны повисли в воздухе между ними, как угроза.

Именно этому страху Ноа не мог противостоять. Невысказанный шепот, который

преследовал его в часы бодрствования, который мучил его во сне.

Ноа покачал головой.

— Бишоп ошибся. Джулиан бредил, сошел с ума. Он просто хотел кого-то обвинить. Он действовал в одиночку. Я знаю Розамонд. Она хороший человек. Я ее знаю.

— Так же как ты знал Джулиана?

Он замялся.

— Это нечестно.

— Розамонд — мать Гэвина Пайка.

— Какое это имеет отношение к делу?

Ее глаза сузились.

— У матери два злых, жестоких сына. Как думаешь, откуда взялось это стремление к насилию?

— Я в это не верю.

— Мать всегда знает, — тихо сказала Ханна. — Как она может не знать?

Ноа дико покачал головой. Она ошибалась. Ханна ошибалась. Розамонд стала для него как мать — хорошая мать. Она заботилась о нем, об этом городе. Она любила Майло как собственного внука.

Она приняла его в свой дом, в свою семью, когда его собственные родители совершенно не беспокоились о нем. Позволить этим уродливым сомнениям даже закрасться в голову, означало предательство. Ноа не хотел предавать ее. Он не мог.

— Я не могу в это поверить.

— Не можешь или не хочешь?

— Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, Ханна...

— Подожди. — Ханна оттолкнулась от перил крыльца. Она прикрыла глаза рукой и осмотрела двор. — Где Майло?

— Он был прямо здесь. Должно быть, на заднем дворе. — Ноа повернулся и посмотрел. — Майло!

Тишина.

Ноа медленно повернул голову. Осмотрел деревья, дома, пустую дорогу. Двор утопал в пересекающихся следах. Обломанные сосновые ветки торчали повсюду, как маленькие рождественские елочки.

Снеговик готов. Майло воткнул ветки вместо рук, камни вместо глаз, носа и рта, а на шею снеговика намотал собственный шарф. Теперь шарф тоскливо хлопал на ветру.

— Майло! — Его голос эхом разнесся по замерзшему озеру за домом. — Майло!

Ответа не последовало.

Его пронзила дрожь страха.

— Проверь внутри!

Ханна уже направлялась к входной двери.

Ноа побежал вокруг дома трусцой, его ботинки тонули в талом снегу, сердце бешено стучало, когда он снова и снова выкрикивал имя своего сына.

Когда он обогнул дом, Ханна уже вернулась на крыльцо. Она держала ребенка, завернутого в толстое одеяло. Ханна прикусила нижнюю губу.

— Его нет внутри. Ноа, где он?

— Я проверю соседние дома.

— Я вызову Лиаму по рации, — сказала Ханна. — Он и Призрак могут помочь е

поисках. Призрак его найдет.

При мысли о том, что придется просить помощи у Лиама Коулмана, в нем вспыхнуло негодование, но он ничего не сказал. Ноа направился к подъездной дорожке, но заколебался. Он оглянулся на жену.

— Будь осторожна.

Ханна кивнула. И не стала спрашивать почему.

Страх угрожал его задушить. Адреналин и паника бурлили в его венах. Если кто-то причинит вред Майло. Если кто-то сделает что-нибудь с его сыном...

Майло здесь точно нет. Ноа чувствовал это.

Его сын исчез.

Глава 53

Ноа

День тридцать шестой

Ноа бежал по подъездной дорожке. Он выкрикивал имя Майло. Холодный воздух щипал его горло и ноздри. При каждом неровном выдохе из его губ вылетали облачка пара.

Он стучался в каждую дверь. Никто из соседей не видел Майло. Никто ничего не слышал и не видел.

Паника нарастала. Ноа проверил один тупик и перешел к следующему. Время замедлилось. Каждая минута казалась часом.

Он не колебался, когда дошел до дома суперинтенданта. Может быть, ему следовало бы, но он не стал. Он не мог думать ни о чем, кроме безопасности Майло.

Взбежав по широким каменным ступеням, Ноа постучал в застекленную входную дверь. Сквозь стекло он заметил движение. Две фигуры сидели у огромного острова на кухне.

Ноа взялся за ручку двери, повернул и толкнул ее. Дверь легко открылась. Она была не заперта. Он шагнул внутрь.

Осмотрел знакомую роскошную обстановку, полы из бразильского дерева, богато украшенные сводчатые потолки и хрустальные люстры.

— Привет, шеф Шеридан, — раздался голос Розамонд Синклер с другого конца большой комнаты.

Его охватило облегчение.

— Майло.

Майло помахал рукой.

— Привет, папа. Посмотри, что мы делаем!

Майло сидел на кухне рядом с Розамонд, которая стояла за островом. На мраморной поверхности стояла миска для смешивания, рядом лежал большой сверкающий кухонный нож.

Остров занимали стеклянные банки с мукой и сахаром, мерные ложки и противень, на котором лежали небольшие куски теста. Мука рассыпалась по столу и заляпала покрасневшие щеки Майло.

— Что ты здесь делаешь? — Ноа изо всех сил старался, чтобы его голос звучал ровно. Его сердце все еще билось о ребра, как животное, стремящееся вырваться на свободу. — Ты же знаешь, что тебе нельзя покидать двор.

Майло опустил глаза и закусил нижнюю губу, как и Ханна.

— Прости, папа. Я искал больше «деревьев» и зашел слишком далеко. Меня нашла

бабушка Розамонд. Она сказала, что у нее есть сюрприз.

Он поднял липкий шарик теста для печенья и раздавил его между пальцами.

— Смотри! Печенье с крошкой из арахисового масла!

— Здорово, сынок, но пора идти домой.

— Это было бы так обидно, — сокрушенно проговорила Розамонд. — Мы только начали.

Ее голос звучал нарочито весело. Красные губы расплылись в улыбке. Это смущало. Разве она не должна горевать? Разве она не должна рыдать?

После Ханны Ноа так и делал.

— Да, папа. Мы должны закончить сначала. Мы только что поставили первую партию в духовку.

У Ноа пересохло во рту. Было трудно глотать.

— Твоя мама хочет, чтобы ты вернулся домой.

Улыбка Розамонд оставалась неподвижной.

— Я уверена, что Ханна понимает, как сильно дети нуждаются в своих бабушках, верно, Майло?

— Верно, — хихикнул Майло.

— Детям так же нужны их родители. Правда, Ноа? Это так ужасно, когда ребенок теряет родителя. Действительно, просто душераздирающе.

— Да, — отозвался Ноа.

Розамонд не сводила глаз с его лица. Она отчерпнула ложку теста для печенья на противень и слепила из него идеально круглый шарик.

— Но, когда родители теряют ребенка. О, это боль, которую невозможно измерить. Это непостижимая утрата.

— Я тоже любил Джулиана, Розамонд, — с трудом выговорил Ноа. — Я...

— С подобной болью я никогда не сталкивалась, — продолжала Розамонд, словно не слыша его. — Потерять двоих детей... своих единственных наследников... свою надежду, свое будущее.

Майло перевел взгляд с Розамонд на Ноа, и чуть нахмурился. Взрослые говорили о вещах, которых он не понимал.

Он не знал, что Джулиан умер. Ноа не мог заставить себя произнести эти слова вслух. Майло не знал ни о Гэвине Пайке, ни обо всем остальном.

Розамонд сцепила пальцы на столешнице.

— Вряд ли мать когда-нибудь смирится с этим? Или отец?

— Я... я думаю, нет.

— Как хорошо, что мы согласны. Я тоже так не думаю.

Ноа сглотнул. Он ожидал слез. Даже ярости. Но эта жесткость, это опасное спокойствие обескураживали его больше, чем что-либо другое.

— Мне очень жаль, Розамонд. Если мы можем что-нибудь сделать для тебя...

— Я уверена, что Ханна никогда не смирилась бы. Я знаю, что и ты бы не стал. Надеюсь, ты никогда не доживешь до этого дня, Ноа. Я правда не желаю тебе такого.

На мгновение Ноа лишился дара речи. Он чувствовал слабость в ногах. Он смотрел на Розамонд и отчаянно пытался не видеть Гэвина Пайка. Старался не слышать обвинения Бишопа, звенящие в его ушах.

Он не мог объяснить страх, впивающийся когтями в его разум. Он не мог избавиться от

ужаса, проникавшего в каждую частичку его существа.

— Несчастные случаи нередко происходят, Розамонд, — сказал он. — Несчастные случаи. Никто не виноват...

— Нет такой вещи, как несчастный случай, — отрезала Розамонд. Ее голос превратился в лед. От него по позвоночнику Ноа пробежали мурашки. — На каждое действие найдется свое противодействие. Это физика, не так ли, Майло?

Майло закончил ряд шариков из теста. Он провел пальцем по ложке и сунул ее в рот.

— Закон Ньютона.

— Его третий закон, если быть точным.

Обычно Ноа не разрешал Майло есть сырое тесто для печенья. Но сейчас сальмонелла волновала его меньше всего. В доме вдруг стало слишком жарко. Он вспотел под курткой.

— Майло, пора идти.

— О, еще рано. — Розамонд положила руку на плечо Майло и прижала его к себе. Другая ее рука лежала рядом с мясницким ножом. Ее красные наманикюренные ногти блестели. — Мы с твоим папой еще не закончили.

— Папа? — Майло посмотрел на Ноа в замешательстве.

Тиски вокруг груди Ноа сжались.

— Все в порядке, сынок. Съешь еще кусочек теста, если хочешь.

— Когда происходят определенные вещи, лидеры вынуждены действовать, — медленно и четко выговаривая каждое слово, проговорила Розамонд. — Матери вынуждены действовать. Это не то, чего бы мы хотели или даже желали. Но у всего есть последствия.

Она имела в виду Лиама Коулмана, убившего Гэвина? Или смерть Джулиана? Могла ли она подозревать Ханну? Или речь шла о чем-то худшем, о чем Ноа не мог даже помыслить?

Майло попытался отстраниться, но она крепко обхватила его плечо.

— Это естественный порядок вещей. Должен быть контроль. Должен быть порядок. Иначе мир превратится в хаос.

Ноа был привязан к Розамонд Синклер. Даже любил ее. Он хранил ей верность с самого начала.

Он никогда её не боялся. До сих пор.

— Я готова пойти на все ради своих детей. — Ее голос оставался безмятежным, но с оттенком, тихим звуком далекого грома перед бурей, предвестием грядущих ужасных событий. — Что угодно. Вопрос в том, а ты готов?

— Да, — прохрипел он. — Да.

Наконец, она отпустила Майло.

Его охватило облегчение. Ноа опустился на колени. Майло соскользнул с табурета и бросился к Ноа.

Он обнял сына, почувствовал, как бьется его маленькое сердечко у груди, его тепло, мягкое щекотание волос под подбородком.

Впервые с тех пор, как он вошел в дом Розамонд, Ноа сделал полный вдох. Ему казалось, что он только что получил отсрочку, которую не совсем понимал. Он уже знал, что не расскажет об этом Ханне. Он вообще никому не расскажет.

— Что ты готов сделать ради своего ребенка, Ноа? — спросила Розамонд.

Он знал ответ на этот вопрос. И она тоже. Ему не потребовалось произносить эти слова вслух.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал.

Розамонд стояла перед ним. Ее светлые волосы блестели под ярким кухонным светом. Кашемировый свитер и коричневые брюки выглядели безупречно. На ее лице не единого пятнышка муки.

— Все очень просто, Ноа, — ответила она. — Нет ничего проще. Все, что тебе нужно — это не делать вообще ничего.

Глава 54

Ханна

День тридцать восьмой

Крик разбудил Ханну посреди ночи.

Ханна проснулась как от толчка. Она рывком села, одеяла сползли по ногам, а рука уже тянулась под подушку за заряженным 45-м калибром. Она сняла пистолет с предохранителя.

Было темно. Лунный свет проникал через окна гостевой спальни.

Еще один крик. Отдаленный звук чего-то ломающегося. Звук доносился снаружи.

Из гостиной Призрак разразился своим громогласным лаем.

Сердце забилось, она сунула ноги в ботинки, стоявшие рядом с кроватью, но не стала их зашнуровывать. Она уже была одета, так как спала в своей одежде.

Ханна не могла избавиться от привычки всегда быть готовой, несмотря ни на что.

Она быстро проверила Шарлотту, которая лежала в прямоугольнике из подушек в центре кровати рядом с ней. Малышка крепко спала, закрыв лицо одной маленькой рукой, ее маленький розовый ротик раскрылся.

Следующая мысль касалась Майло. Ей нужно убедиться, что он в безопасности.

Ханна встала, взяла пистолет в обе руки, прижав приклад к больной руке, и направилась к двери спальни.

Дверь распахнулась прежде, чем она успела до нее дойти.

Адреналин забурлил в ее жилах. Инстинктивно она подняла дуло на уровень груди, палец дернулся чуть ниже спусковой скобы.

В открывшемся дверном проеме Ноа застыл на месте. С изумленным проклятием он вскинул руки вверх.

— Ханна! Опустит пистолет! Это я!

Она опустила пистолет, не извиняясь. Именно он ворвался, не объявив о себе.

Она начинала думать, как Лиам, мрачно отметила Ханна. Это неплохо.

— Где Майло? — спросила она под лай Призрака.

Ноа был одет в серые тренировочные штаны и толстовку «Детройт Тайгерс». Он до сих пор оставался в носках. Волосы взъерошены. В правой руке он держал табельное оружие.

— Он в порядке. Я сказал ему, чтобы он оставался в своей кровати, что мы все проверим, и я вернусь и уложу его, как только это будет безопасно.

Ханна коротко кивнула и направилась к двери. Ноа отошел с дороги и последовал за ней по коридору.

— Тебе лучше остаться внутри, — заметил Ноа. — Я проверю.

— Я в порядке. Я в состоянии справиться сама.

— Уверен, что ты можешь, но...

Ханна перешла через затененную гостиную. Свет не горел, но луна освещала все вокруг бледным белым сиянием.

Призрак вышагивал перед входной дверью, поднимая голову и громогласно предупреждая

любого, кто осмелится проникнуть в его владения. Он подошел к ней, приостановил свой лай ровно настолько, чтобы прижаться мордой к ее бедру в знак приветствия, а затем вернулся к своей караульной службе.

Ханна отодвинула занавеску и выглянула в переднее окно. На другой стороне улицы чисто. Она повернула голову и посмотрела на восток.

Дюжина снегоходов, джипов и грузовиков перегородили дорогу. По крайней мере три десятка мужчин в черных ботинках и серой камуфляжной форме бродили по улице и дворам нескольких домов. В руках они держали винтовки, в основном направленные вниз, но не все.

Страх сковал ее горло.

— Ноа. Что происходит? На нас напали?

Ноа посмотрел в окно и напрягся.

— Нет. Дело не в этом. Это ополченцы. Наши ребята. Нам нужно оставаться внутри. Вот и все. Здесь мы будем в безопасности.

Она бросила на него растерянный взгляд. Опустила занавеску и пошла к входной двери.

— Ханна...

— Ополченцы — хорошие парни. Это то, что ты постоянно говоришь. Так в чем проблема? Ты хочешь сказать, что я должна их бояться?

Ноа сглотнул.

— Нет. Не ты. Ты в безопасности.

Ханна ненавидела то, что не доверяла Ноа полностью. Она ненавидела, что хотела бы, чтобы Лиам оказался здесь вместо него. Это заставляло ее чувствовать себя виноватой. Но это все равно правда.

Дом опустел без Лиама.

Она чувствовала его отсутствие, как дыру в своем сердце. Как быстро он стал важной частью ее жизни, такой же дорогой для нее, как семья.

Ханна отогнала эти мысли и открыла входную дверь. Ее обдало холодом. Она не надела куртку. Вышла на крыльцо, чтобы лучше видеть. Она держала свой «Ругер» наготове.

Призрак выскочил на крыльцо со свирепым рычанием.

— Призрак, оставайся здесь, — скомандовала она.

Его тело напряглось, каждый мускул дрожал, но он не отходил от нее. Его работа заключалась в том, чтобы охранять свою стаю — Ханну, Майло, Шарлотту — и его стая сейчас здесь, в доме.

Она хотела зарыться рукой в его шерсть, чтобы успокоиться, но ей приходилось держать пистолет обеими руками. Пес прислонился к ее боку. Она откинулась назад.

— Ты можешь перестать лаять, мальчик? Мы не хотим привлекать излишнее внимание.

Призрак оскалился, выражая свое категорическое несогласие, но послушался. Его громкий лай снизился до рычания, которое вибрировало во всем его теле.

В ста ярдах справа от нее в лунном свете двигались тени. Ханна с нарастающим ужасом наблюдала, как двое ополченцев вытаскивают из дома мужчину и женщину. Двое детей жались на лужайке и плакали.

Люди сидели в кузовах грузовиков. Сгорбившись и прижавшись друг к другу. Рядом с ними валялись чемоданы, вещевые мешки и корзины для белья. Несколько ополченцев неплотным кольцом окружали грузовики, с оружием в руках, следя за тем, чтобы люди оставались на месте.

Дальше по улице, на другой стороне, другую семью вытащили из кроватей и вывели на

улицу. Трое мужчин направили на них винтовки.

Сердце Ханны остановилось.

— Что они делают?

Ноа не ответил. Он оставался в дверном проеме. Его лицо выглядело бледным и напряженным.

Кровь бросилась ей в уши. Гнев зародился в груди.

— Это Миллеры. А это Майк Дункан и его сын Джамал.

Через дорогу от Миллеров Дэррил Виггинс стоял на крыльце своего дома, укутав плечи одеялом. Отсюда Ханна не могла видеть его покрытое синяками лицо.

Ополченцы перешли к следующему дому, не тронув его.

— Ополченцы выгоняют людей из «Винтер Хейвена», — сказала она, отвечая на свой вопрос. — Это так?

Ноа тяжело вздохнул.

— Да.

— Но не всех.

— Да.

— Куда пойдут эти семьи? Что они будут делать?

— Вернись в дом, Ханна...

Ханна повернулась и бросила на него яростный взгляд.

— Скажи мне, что происходит прямо сейчас, или я пойду туда и сама спрошу Маттиаса Саттера.

Ноа потер лицо. Глубокие тени залегли у него под глазами.

— Розамонд предоставила этим людям их места здесь. Она имеет право их забрать.

Ханна уставилась на него, на мгновение ошеломленная, и не знала, что сказать.

— Ты серьезно?

Ноа не ответил.

— Это даже не имеет смысла. Стэнли жили здесь, когда я только переехала в Фолл-Крик. Это их дом. Не одолженный, не занятый на время. Их собственный.

— Ополчение решило, что «Винтер Хейвен» слишком сложно защищать с потенциальными несогласными в их среде. Они перераспределяют жилье в соответствии с потребностями безопасности...

— Ты себя слышишь? Это твои слова или чьи-то еще?

Ноа сглотнул.

— Это не в моей власти, Ханна. Все случится, хотим мы этого или нет.

Она сузила глаза.

— Я думала, ты начальник полиции.

— Да, но...

— Как это может быть не в твоей компетенции? Как ты можешь позволять этому происходить прямо на твоих глазах? Это люди, которых мы знаем! Это Фолл-Крик. Твой город. Твои граждане. Твои друзья!

Рот Ноа истончился в бескровную линию.

— Ополчение получило определенные полномочия во время этого кризиса...

— Ополчение? — спросила Ханна. — Или Розамонд Синклер? Или теперь это одно и то же?

Глава 55

Ханна

День тридцать восьмой

Грудь Ханны сжалась. Стало трудно дышать.

— Они избавляют «Винтер Хейвен» от всех, кто не разделяет их взгляды. Розамонд Синклер вышла на тропу войны. Она наводит порядок в доме. Как тиран.

Мускул на щеке Ноа дернулся.

— Я понимаю, почему ты ненавидишь Розамонд Синклер. Она мать Пайка, человека, который причинил тебе боль. Легко приравнять их обоих друг к другу. Но то, что ты сказала раньше — нет, ты не права. Розамонд — это не ее сыновья. Она заботится об этом городе. Она старалась сделать все возможное для Фолл-Крик с самого начала этой неразберихи.

— Совершала ли она ошибки? Да. Приходилось ли ей идти на компромиссы, чтобы обеспечить нашу безопасность? Да. Ты же видела, что там творится. Уязвимые города и поселки подвергаются нападениям. Царят беззаконие и анархия. Здесь такого нет, и единственная причина — быстрое мышление и сильное руководство Розамонд.

Ханна недоверчиво покачала головой.

— Ты вообще себя слышишь? Оглянись вокруг. Кого она сегодня оберегает?

Взгляд Ноа метнулся к ополченцам и обратно к Ханне. На его лице читалось напряжение и беспокойство.

— Говори тише.

— Или что? Или они причислят меня к несогласным и тоже утащат? Или просто попытаются убить, как Лиама и Бишопа?

Щеки Ноа покраснели.

— Нет! Я им не позволю.

— О? Ты остановишь их так же, как останавливаешь это?

— Это другое.

— И в чем разница?

— Думаешь, я хочу это делать?! Думаешь, мне это нравится?! Что я согласен с этим?!

— Это то, чего я не понимаю. Помоги мне понять.

Его лицо помрачнело.

— Я должен это принять, Ханна. У меня нет выбора. У нас нет выбора.

Наконец-то он был честен. Наконец-то он признал это.

Ноа сделал шаг к ней, подняв левую руку, чтобы коснуться ее щеки, как когда-то давно, целую жизнь назад.

Призрак обернулся и с предупреждающим рыком встал между ними. Пес почувствовал напряжение между ними, почувствовал растущее беспокойство Ханны. Он не собирался подпускать к Ханне никого — даже ее мужа.

Ханна не стала его упрекать.

— У нас всегда есть выбор, Ноа, — просто сказала она. — Всегда.

Рука Ноа упала на бок. Он сжал ее в кулак. Его плечи опустились, выражение лица было убитым.

— Я делаю это ради Майло.

— А при чем здесь Майло?

— Его лекарства. В аптеке их нет. Как и во всех остальных аптеках в округе, возможно, во всем штате, если они вообще еще работают. Ополченцы привозят ему лекарства. Он в

самом верху в их списке потребностей. Из-за Розамонд.

— Мы можем достать их где-нибудь еще. Должен быть другой вариант.

— Нет, — резко ответил он.

Ханна покачала головой.

— Нет. Я в это не верю. Ты сказал, что у тебя есть лекарства на пять лет.

— Есть, но этого недостаточно. Нам может понадобиться больше. Нам нужно больше, чтобы обезопасить себя.

Она видела это в его глазах — теперь он перед ними в долгу. Точнее, он им обязан.

Его лицо потемнело.

— Я сделаю все, чтобы защитить Майло, Ханна. Все, что угодно.

Ханна отпрянула назад, как будто он дал ей пощечину.

— Я тоже. Но должна быть грань, Ноа.

Его глаза стали злыми.

— Нет никакой черты, кроме той, которая сохранит жизнь Майло. Майло и тебе. Разве ты не видишь? Вот что важно. Мы пройдем через это. Втроем.

— Нас четверо.

У него хватило приличия выглядеть пристыженным.

— Прости, Ханна. Да, нас четверо. Ты, я, Майло и ребенок. Я сделаю все возможное для города, но ты — мой приоритет. Вот и все. Я не буду извиняться за это. Я сделаю все, что должен, чтобы ты оставалась в безопасности.

Она снова посмотрела на улицу. Холод жалил ее лицо и руки. Глаза жгло.

Один из горожан сопротивлялся. Он замахнулся на солдата. Солдат ударил его прикладом своей винтовки. Мужчина рухнул на снег. Женщина и девочка-подросток закричали и побежали к нему.

Солдат жестом подозвал двух других ополченцев, которые схватили мужчину под руки, подтащили его к одному из оставшихся грузовиков и закинули в кузов, как мешок с мукой.

У Ханны скрутило желудок. Противная кислота обжигала горло. Все, что она могла сделать сейчас, это не выбежать на улицу и не попытаться их остановить.

Она знала, что ее недостаточно. Она всего лишь один человек. У них было все оружие и люди. Пока что.

— Это... — она указала вниз по улице. — не похоже на безопасность.

— Это для нас.

Гнев захлестнул Ханну.

— Как ты можешь так говорить?

Ноа сжал челюсть.

— Я позабочусь о том, чтобы каждая из этих семей поселилась в лучших домах, оставшихся в Фолл-Крике. Из-за стольких смертей у нас есть несколько десятков пустых домов с каминами или дровяными печами, септическими системами и колодцами. Я прослежу, чтобы у них хватило еды и дров. Я лично прослежу за этим.

— Так вот как ты живешь с самим собой? Делаешь несколько добрых дел, чтобы притвориться, что ты не участвуешь в этом?

Он выглядел уязвленным.

— Это нечестно.

— Разве? А когда Розамонд и ополченцы решат их не кормить? Что тогда? Они контролируют еду, Ноа. Посмотри, как они держат тебя на поводке с помощью лекарств

Майло.

Ноа опустил глаза, не в силах встретить ее взгляд. Он выглядел как человек, уже побежденный, человек, смирившийся с ужасной судьбой.

— Я больше ничего не могу сделать.

— А что, если она снова пошлет за Бишопом?

— Она не станет. Бишоп был врагом Джулиана, а не ее.

— Ты не можешь этого знать. А Лиам?

Ноа напрягся.

— Лиам Коулман может сам о себе позаботиться.

Ханна вздернула подбородок.

— А что если я скажу ей, что убила ее сына? Как думаешь, насколько я тогда буду в безопасности?

Он резко поднял голову, в его глазах вспыхнула паника.

— Ты не можешь этого сделать.

— Ты знаешь, что она опасна. Ты говоришь одно, но я вижу правду. Ты бегаешь вокруг, пытаешься потушить пожар, но не доходишь до источника. Все это взорвется тебе в лицо, Ноа.

Он выглядел растерянным, затравленным. Разрываемым на части.

Ханна вспомнила определение из студенческих времен, из курса «Психология», который она прослушала: когнитивный диссонанс.

Разум Ноа не мог допустить сосуществования двух истин: люди, от которых зависела жизнь его сына, разрушали его город и подвергали опасности его близких.

Признать, что его наставница Розамонд и лучший друг Джулиан порочны, оказалось слишком страшной реальностью. И поэтому Ноа не сделал этого.

У Ханна таких терзаний не возникало.

Победив одного врага, она обнаружила другого, восставшего из пепла первого. Розамонд Синклер не уступала своему сыну, хотя и по-другому. Суперинтендант несла ответственность за страдания, смерть и разрушения. Она будет ответственна за гораздо большее.

То, что Ноа не хотел смотреть правде в глаза, не делало ее менее реальной.

Ханна устало покачала головой.

— Кто ты, Ноа Шеридан?

Он уставился на нее, его взгляд просил, умолял ее.

— Ханна, пожалуйста. Я твой муж. Я отец Майло. Я тот же самый человек, каким был всегда.

— Этого я и боялась.

Ноа покраснел. Он выглядел пораженным, как будто она дала ему пощечину. Открыл рот, чтобы возразить, но ничего не вышло.

— Папа?

Они оба посмотрели вверх.

Майло стоял в коридоре возле своей спальни. На нем была пижама с Человеком-пауком. Его темные кудри торчали во все стороны. Он протирает глаза от сна.

— Там плохие парни? Я хочу помочь бороться с плохими парнями.

Ноа вернулся в дом и встал между Майло и открытой дверью, чтобы закрыть ему обзор. Он потер лицо тыльной стороной руки.

— Все в порядке, сынок. Обещаю. Давай я уложу тебя обратно в постель?

Майло посмотрел на Ханну.

— Может, ты сделаешь это?

Ей не пришлось заставлять себя улыбнуться. Не для Майло. Никогда для Майло.

— Конечно, милый. Я с радостью.

Призрак рысью бежал за ними, когда она взяла маленького сына за руку и повела его обратно в комнату. Майло забрался в кровать и прижался к стене. Он бросил на нее робкий взгляд, и на его лице отразилась такая мучительная тоска сына по матери, что Ханна чуть не прослезилась.

Она забралась на кровать рядом с ним, и он прижался к ней — его голова лежала на ее руке, его теплое тело прижалось к ее. Он все еще прекрасно помещался в ее объятиях.

Майло посмотрел на нее своими большими темными глазами. Он слегка колебался, говоря неуверенно:

— Ты споешь мне?

— Всегда, милый.

Он улыбнулся. Затем он сказал то, что Ханна так хотела услышать.

— Спасибо, мама.

Ее грудь сжалась так сильно, что на мгновение ей стало трудно дышать. Она проглотила комок в горле, сморгнула влагу в глазах и начала петь «Аллилуйя» Леонарда Коэна.

Пока она пела Майло, Призрак устроился перед открытой дверью спальни. Голова поднята, выражение морды настороженное. Он наблюдал за ними, как всегда.

Долгое время она лежала там. Наслаждаясь присутствием своего ребенка рядом с ней. Вдыхая чистый запах его волос, пахнущих шампунем, чувствуя его фигуру маленького мальчика.

Ханна смотрела в потолок, в ее голове роились разные мысли, в сердце — клубок противоречивых эмоций. Она не совсем понимала, на что это будет похоже, но такого себе точно не представляла.

Она не знала, что все это будет так трудно.

Все время, пока она боролась, истекала кровью и пыталась добраться до родных мест, Ханна представляла себе дом как убежище, укрытие от бури, вторгшейся в остальную страну.

Но все оказалось не так. Наивно было верить в это.

Ничто, что действительно имеет значение в жизни, не достается легко. Это справедливо как до кризиса, так и после. Тебе ничего не обещано. Ничего. Ни любовь. Ни свобода. Даже семья.

Отношения не давались просто так. Они не были правом. Их создают. Они выковываются через кровь, пот и слезы. Через время, энергию и обязательства. Через хорошие и плохие времена, через надежду и отчаяние.

Любовь нужно заслужить. Как и свободу. Иногда ее нужно завоевывать снова и снова. Если вы не осторожны, она ускользает сквозь пальцы.

Ханна слишком много страдала и потеряла, чтобы не жить свободной. Она знала, как выглядит угнетение. Цепи не всегда можно увидеть.

Она не вернется к этому. Она не будет растить своих детей в рабстве.

Она будет бороться всем, что в ней есть — зубами, ногтями и кровью. Своей собственной жизнью.

Это стоило риска. Стоило потерь. Так и должно быть.

Глава 56

Лиам

День сороковой

— Тащи свою задницу внутрь, в тепло, — велела Молли Лиаму, широко распахивая входную дверь. — Мы ждали тебя.

Лиам остановился в дверях. Под курткой у него был надет тактический жилет, который он конфисковал у Десото, а также М4, который он носил на двухточечной перевязи.

Рана на ухе болела, но уже зарубцевалась и хорошо заживала. Спина ныла тупой пульсирующей болью, но это вполне терпимо. Он потерпит.

Прошло сорок дней после атаки ЭМИ. Сорок дней, за которые страна погрузилась в полную анархию. Начинался февраль. В юго-западном Мичигане это означало еще один месяц суровой зимы, а может, и два.

Квинн пригласила его зайти в дом ее бабушки. Лиам вошел внутрь, и Квинн закрыла за ним дверь.

Тепло от потрескивающего огня успокаивало его обветренные щеки. Он снял шапку и перчатки и сунул их в карман. Несколько кошек крутились вокруг его лодыжек и просительно мяукали.

Призрак поприветствовал Лиаму, прижав морду к его ладони, а затем вернулся к патрулированию дома, пройдя гостиную, кухню, холл, спальни и снова вернувшись в гостиную.

Лиам оглядел круг напряженных лиц, встретивших его. Ханна сидела на диване, держа на руках Шарлотту, по одну сторону от нее сидела Аннет Кинг, по другую — Молли. Трость Молли лежала рядом с ее дробовиком «Моссберг 500».

Дейв Фаррис, Саманта Перес, Майк Дункан и его сын Джамал сидели на деревянных стульях, принесенных из кухни.

Бишоп стоял боком к окну, осматривая улицу и двор, модифицированный АК-47, который ему отдал Лиам, он держал в руках. Хосе Рейносо прислонился к арочному проему между кухней и гостиной, чтобы иметь возможность следить за задней дверью. В руках он держал дробовик.

Ноа Шеридан отсутствовал. Лиам не мог сказать, что его это беспокоит.

— Что все это значит? — спросил Лиам.

— Квинн потрудились, — с усмешкой ответил Бишоп. — Она собирает людей.

— Я в курсе, — признался Лиам.

Квинн выслеживала его каждый день, появляясь в старом доме Ханны, прыгая на пятках на крыльце, как задорный щенок, пока он не сдавался и не открывал дверь. Дважды она находила его во время одиноких прогулок и приставала к нему в течение двух часов.

А ему так хотелось немного тишины и покоя, чтобы подумать.

Она желала, чтобы он научил ее драться, как научил Ханну. У девчонки хватало смелости и духа, он бы взялся за ее обучение. К тому же она была язвительной и дерзкой. Она ему даже нравилась.

— Хватит уже, — сказала Ханна со сталью в голосе. — То, что происходит, неправильно. Даже за гранью неправильного. Мы должны это остановить.

Две ночи назад ополченцы ворвались в «Винтер Хейвен». Двадцать семь семей подняли с постелей и выгнали из домов. Только ополченцам и тем немногим гражданам, которые доказали свою преданность Розамонд Синклер, разрешили остаться.

Таким людям, как Дэррил Виггинс и Ноа Шеридан.

Общественный продовольственный склад оставался открытым — и хорошо охраняемым — в средней школе, но ополченцы составили обновленный список тех, кто получил разрешение на получение продуктов, а кому отказали.

По крайней мере, четверть города по той или иной причине попала в черный список. С исчезновением припасов из церкви Кроссвей люди начали голодать.

На жизнь Лиама и Бишопа больше не покушались. Впрочем, Лиам не страдал наивностью. Еще одно покушение обязательно произойдет. Вопрос лишь в том, когда.

Маттиас Саттер этого так не оставит. И Розамонд Синклер тоже.

Лиам не боялся их. Он был готов.

— О чем ты говоришь? — спросил Лиам.

— Мы пригласили тебя сюда сегодня, чтобы попросить о помощи, — пояснила Молли. Она посмотрела в глаза Квинн. — Пришло время действовать.

— Ты сказал, что не сможешь бороться с ополчением в одиночку, — заявила Квинн. Она широко развела руки, жестом указывая на людей, сидящих вокруг нее. — Тебе нужны солдаты. Вот они.

Лиам уставился на нее.

— Я в деле, — не колеблясь, отозвался Бишоп.

Несколько человек удивленно посмотрели на него

— Я не думал, что вы человек насилия, пастор, — проговорил Майк Дункан.

— В этом падшем мире насилие — прискорбная необходимость, — возразил Бишоп. — Вопрос не в том, хорошо или плохо насилие. А в том, чему служит насилие? Достойно ли то, за что вы боретесь?

Он наполовину отвернулся от окна, вид у него был серьезный, но решительный.

— Никто больше не должен потерять свою семью. По мне, так за это стоит бороться.

Квинн кивком выразила ему свое признание и повернулась к Рейносо.

— Офицер Рейносо?

Рейносо почесал щетину на челюсти и кивнул.

— Признаюсь, сначала я этого не заметил. Но я ненавижу то, во что превращается наш город. Пора положить этому конец.

— Согласна, — яростно отозвалась Перес. — Вы можете рассчитывать на меня. Хейс тоже в деле. Он немного ленив и слишком любит свои пончики, но он хороший человек. Он будет на нашей стороне.

— Я не солдат, но знаю толк в охотничьем ружье, — сообщил Дейв Фаррис.

— Я нет, но знаю нескольких человек в приюте, которые умеют пользоваться оружием, — заговорила Аннет. — Они так же расстроены, как и мы. Возможно, они тоже захотят бороться. Я помогу, чем смогу.

— Мы тоже, — поддержал Майк Дункан. — Просто скажите нам, что вам нужно.

Квинн положила руки на бедра и перевела взгляд на Лиама.

— Ну?

Лиам понимал, что Розамонд Синклер и ополченцы не остановятся. Он знал таких людей. Они развращены жадностью, опьянены властью.

Они не успокоятся, пока не захватят столько власти, сколько смогут. А потом они захватят еще больше.

Со своими прикладами, которые превращали полуавтоматы в почти автоматическое

оружие, они уничтожали всех на своем пути. Никто не чувствовал себя в безопасности. Ни Аттикус Бишоп. Ни взбалмошная Квинн, и особенно Ханна.

Если Розамонд Синклер когда-нибудь узнает, что именно она и Призрак убили ее сына, они оба окажутся у нее на прицеле.

Сможет ли Лиам допустить такое? Сможет ли он оставить этот маленький городок тиранам и бандитам, выдающим себя за спасителей?

Он положил руку на рукоятку пистолета у бедра.

— Вы, скорее всего, проиграете. Люди, которых вы любите, умрут. Много людей.

— Я упоминала, что он еще и оптимист? — усмехнулась Ханна.

Он бросил на нее недовольный взгляд.

Ее улыбка стала только шире, глаза сияли, почти весело.

— Шансы не в нашу пользу, — проворчал Лиам.

— Значит, ты говоришь, что это не невозможно, — уточнила Квинн.

— Мне нравится ее энтузиазм, — заявила Ханна.

— Еще бы, — буркнул Лиам. — Она такая же неутомимая, как и ты. Вы обе как собака с костью, когда у вас в голове засела идея.

Квинн засияла.

— Спасибо.

Настроение оставалось сдержанным, в комнате царило напряжение, но оно далеко не было мрачным. Здесь присутствовала надежда. Радость и юмор. Любовь.

— Ты с нами? — спросила Ханна, устремив на него пристальный взгляд.

Лиам не мог отвести глаз. Что-то теплое и яркое разгоралось в его груди.

Он наконец понял свою роль во всем этом. Почему он не мог заставить себя покинуть Фолл-Крик, даже после того, как благополучно доставил Ханну и Шарлотту домой, как и обещал.

Его особые таланты понадобились в этом разбитом мире так, как они не требовались раньше. Его навыки и умения нужны. Он сам нужен.

Он был овчаркой. Защитником. Тем, кто стоял между невинными и волками, которые могли бы их сожрать.

Таков он. Таким он был всегда.

Он потерял себя на этом пути. Израненный войной. Травмированный событиями в Чикаго. Преследуемый ошибками и потерями.

И все же, где-то в дебрях Национального леса Манисти, Лиам обрел себя.

Не сам, а благодаря Ханне. Ханне с ее непоколебимой решимостью и упорством, ее железной волей под этой мягкостью, каким-то образом одновременно нежной и свирепой, как дикая кошка.

Если у кого-то и были основания сбежать от человечества, так это у нее.

Боль Ханна могла ее сокрушить. Она могла ее уничтожить. Ее вера могла разрушиться до основания. Но этого не случилось. Ханна выстояла.

Она выбрала жизнь. Она выбрала веру, доверие и надежду. Любовь.

Она здесь, готовая сражаться за тех, кто ей дорог, готовая защищать свое окружение. Она решила стать частью чего-то большего, чем она сама.

И он тоже.

Ханна наблюдала за ним, на ее губах играла улыбка. Она словно читала его мысли, словно знала, о чем Лиам думает, раньше, чем он сам. Она уже знала, что он скажет.

Ее присутствие поддерживало его, укрепляло его решимость.

— Да, — ответил Лиам. — Я с вами.

Все смотрели друг на друга, кивая в знак мрачного одобрения. Они понимали, что шансы складываются не в их пользу. Около пятидесяти вооруженных людей против разношерстной группы граждан.

Их превосходили в численности и вооружении. Но они все равно хотели сражаться. И Лиам поведет их.

Рация Рейносо запищала. То же самое и у Саманты Перес. Они одновременно потянулись к ним.

Рейносо первым нажал на кнопку вызова.

— Рейносо слушает. Прием.

Раздалось шипение. Из динамиков вырвался высокий, неистовый голос.

— Это Хейс. У нас 10-33! Все на позиции! Фолл-Крик атакован!

Конец четвертой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net